

Annotation

- [Лин Картер](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
-

Лин Картер

Спрэг де Камп

КОРОНА КОБРЫ

Пролог

КРОВАВОЕ ВИДЕНИЕ

За два часа до полуночи дочь зингарского короля Фердруго принцесса Хабела проснулась. Приоткрытое тончайшей тканью ее тело дрожало как в лихорадке. Взгляд принцессы был устремлен в ночную мглу, сердце терзалось мрачными предчувствиями. За окном по крышам дворца барабанил дождь.

О чём же был этот сон, из страшных объятий которого душа принцессы едва смогла вырваться?

Теперь, когда это мрачное видение оставило ее, она с трудом могла припомнить его детали. Отчетливо помнился только мрак, в котором вдруг засверкали полные злобы глаза и заблистали клинки, и тут — тут все обагрилось кровью. Кровь была повсюду — на простынях, на каменных плитах пола, она ползла из-под двери, — темная, липкая, густая кровь!

Хабела вздрогнула и стала озираться по сторонам. Ее внимание привлекла свеча, горевшая на невысоком, богато украшенном домашнем алтаре, что стоял у противоположной стены. Пламя освещало изображение митры, владыки Света, главного божества кордавского пантеона. Принцесса замерла — божественный промысел, вот что ей нужно. Закутав свое пышное смуглое тело в кружевное покрывало, она направилась к алтарю. Чёрные как смоль волосы падали на ее плечи полуночным водопадом.

На алтаре стоял небольшой серебряный сосуд с благовониями. Раскрыв сосуд, принцесса извлекла из него несколько смолистых крупинок и бросила их в пламя. В комнате запахло миррой и нардом.

Хабела воздела руки и склонилась так, словно собиралась молиться, однако с уст ее не слетело ни слова. Душа ее была охвачена смятением столь сильным, что — как ни пыталась принцесса — молиться она не могла.

Она вдруг поняла, что мрак и ужас поселились во дворце не сегодня и не вчера. Старый король неожиданно стал черствым и странным, его занимали только ему одному ведомые мысли. Он стал стареть так быстро, словно им завладел некий призрачный вампир, сосущий сок жизни. Иные из королевских указов, казались, были написаны под чужую диктовку — они противоречили всему тому, что делалось королем прежде. Кто-то другой смотрел его выщетшими глазами, говорил его хриплым голосом, скреплял подписью указы. Мысль эта при всей ее дикости то и дело приходила принцессе на ум.

Призрак, что внимательно следил за происходящим, казалось, стал уплотняться, стал обретать реальность — и вот дело дошло до видений.

И тут сознание ее проснулось, морок, наполнявший его, внезапно развеялся. Принцесса вдруг поняла, что же так мучило и ужасало ее. Она ясно увидела, что темная сила, обступавшая ее со всех сторон, теперь пытается завладеть ее душой.

Ужас овладел ею, она содрогнулась от отвращения. Принцесса пала лицом перед алтарем; по каменным плитам разметались ее черным блестящие локоны.

— О Митра, защитник дома Рамиро, милосердный и справедливый, враг зла и порока, молю тебя, помоги мне! Заклинаю тебя, о Владыка Света, скажи — что мне делать?

Поднявшись, она открыла золотой ларец, что стоял рядом с сосудом для благовоний, и вынула из него горсть тонких прутиков сандалового дерева. Одни прутики были длиннее, другие — короче; одни были изогнуты и разветвлены, другие — прямыми.

Она бросила их перед алтарем. Раздался неожиданно громкий стук. Принцесса склонилась над разбросанными прутиками. Глаза ее округлились от изумления.

Перед собой она увидела ясное Т-О-В-А-Р-Р-О.

— Товарро, — произнесли принцесса вслух, — я должна отправиться к Товарро. — Глаза ее загорелись решимостью. — Клянусь, что я отправлюсь туда сегодня же ночью. Я разбужу капитана Капеллеса.

Бушевала гроза; покой, по которым шли принцесса, то и дело озарялись вспышками молний. В спешке одевшись, она прикрепила к поясу шпагу и накинула на плечи теплый плащ. Движения ее были грандиозны и стремительны.

Митра смотрел на нее своими бесстрастными глазами. Но так и бесстрастен был его взор? Не вплетает ли Митра в свой голос в раскаты грома? Кто знает...

Не прошло и часа, как дочь Фердруго покинула дворец. И это послужило началом целой цепи фантастических событий, в которых странным образом сплелись судьбы могучего воина, страшного колдуна, гордой принцессы и древних богов, что сошлись в смертельной схватке на краю мира.

Глава 1

НОЧНЫЕ ГОСТИ

Дождь лил как из ведра. На мощенных бульжником улочках, что вели к гавани, завывал ветер; он раскачивал вывески гостиниц и таверн. Тоющие псы жались к дверным проемам, пытаясь укрыться от дождя и ветра.

Город был погружен во тьму. Лишь несколько окон горело в домах зингарской столицы Кордавы, стоявшей на берегу Западного моря. Луна скрылась за тяжелыми тучами, по небу неслись призрачные рваные облака. То был самый темный час, — час, когда говорят об измене и разбое, когда убийцы в масках и черных перчатках крадутся по темным комнатам, сжимая отправленные ножи. То было время убийств и заговоров.

Сквозь шум дождя и завывание ветра слышались звуки шагов и бряканье оружия. На темных улицах несла дозор ночная стража — шестеро вооруженных пиками и алебардами мужчин в плащах и низко надвинутых шляпах. Они старались идти тихо, лишь изредка тишину нарушала певучая зингарская речь. Дозорные внимательно всматривались и вслушивались, однако мысленно они были уже дома, за бутылкой вина...

Стоило дозорным миновать заброшенное стойло с провалено крышей, как две темные фигуры, таившиеся внутри, ожили. Движения этих людей были бесшумны; один из них вытащил из-под плаща маленький фонарь и осветил им пол конюшни.

Человек с фонарем нагнулся и стал разметать сор. К одной из каменных плит была прикреплена короткая цепочка, заканчивающаяся бронзовым кольцом. Взяввшись за кольцо, неизвестные потянули цепочку на себя. Раздался скрип ржавых петель — каменная дверца открылась. Неизвестные скрылись в подземелье, и плита с глухим ударом вернулась на старое место.

Узкая винтовая лестница круто уходила вниз, в кромешную мглу. Древние истертые ступени были покрыты плесенью, все дышало гниением и упадком.

Люди в черных плащах не спешили — шаги их были бесшумны и осторожны. Лица их были скрыты шелковыми масками. Казалось, что по лестнице крадутся привидения; тайные тоннели соединяли подземный ход с морем, свежий морской ветерок, гулявший по подземелью, развеивал плащи незнакомцев, делая их похожими на огромных летучих мышей.

Над уснувшим городом возвышались башни замка Вилагро, герцога Кордавского. Свет горел только в нескольких узких оконцах — почти все обитатели замка спали.

В нижнем этаже замка горел высокий золотой светильник, напоминавший перевившихся змей; здесь сидел человек, изучавший пергаменты.

Владелец замка не поспешил на украшение каменных сводов. Сырые стены были завешены яркими гобеленами. На холодном каменном полу лежал толстый мягкий ковер, узорчатый и многоцветный; его ткали в далекой Вендии.

На низком столике, украшенном искуснейшей резьбой, стоял большой серебряный поднос с вином из Кироса, фруктами и сластями.

И стол, за которым читал человек, был тоже привезен издалека — резьба на нем ясно указывала на школу мастеров Аквилона, страны, лежавшей к северо-востоку от Зингары. Письменный прибор с павлиньим пером был выполнен из хрусталя и золота. Прессом для бумаг служил тонкий клинок.

За столом сидел человек лет пятидесяти, худощавый и изящный. Одет он был необычайно

изыскано: бирюзовый вельветовый камзол не скрывал белья тончайшего полотна нежно-абрикосового цвета, пена кружев на запястьях оттеняла громадные бриллианты, сверкавшие на каждом из холеных, длинных пальцах. На ногах, обтянутых черным шелковым трико, красовались искусно отделанные драгоценными камнями мягкие сапожки из кордавской кожи.

Его возраст выдавали обвислые щеки и темные мешки под быстрыми холодными глазами. Поэтому ни окрашенные волосы, ни слой пудры на лице никак не молодили его.

Его рука, сверкавшая изумрудами, небрежно играла с пергаментами, испещренными тонкими письменами и скрепленными альми печатями. Он нетерпеливо постукивал носком правой ноги и беспрестанно взглядывал на клепсидру — старинные водяные часы, украшавшие стол. Время от времени он оглядывался на тяжелую шпалеру, прикрывавшую угол комнаты.

Здесь же, у стола, неподвижно застыл чернокожий раб со сложенными на груди мускулистыми руками. Огни светильника поблескивали, отражаясь на выпуклых мышцах черного тела и тяжелых золотых серыгах, украшавших вытянутые мочки ушей. Раб был вооружен кривой саблей, выглядывавшей из-под его алого кушака.

Часы пробили два часа пополуночи.

Со сдавленным проклятьем человек отбросил от себя хрустящие пергаменты. И в тот же миг гобелен был откинут в сторону невидимой рукой; за ним открылся потайной ход. Из темноты появились два человека в черных масках и черных плащах. Один из них держал в руке небольшой фонарь. С промокших насквозь одежд вошедших стекала вода.

Человек, сидевший за столом, положил ладонь на рукоять кинжала, лежавшего на столе: раб, уроженец страны Кущ, схватился за саблю. Однако когда гости вошли в комнату и сняли маски, хозяин комнаты успокоился.

— Все в порядке, Гомани, — сказал он негру, и тот, сложив руки на груди, вновь замер.

Сбросив плащи на пол, гости низко поклонились. Голова первого была гладко выбрита. Молитвенно сложив руки, он поклонился вторично.

Второй отвесил изысканный придворный поклон и внятно прошептал:

— О мой герцог!

Выпрямившись, он небрежно положил руку на драгоценный эфес своего длинного меча. Это был высокий темноволосый человек; хищное лицо его имело болезненный цвет. Его тонкие черные усики казались нарисованными. В движениях чувствовалась манерность и вычурность — он походил скорее на пирата, чем на придворного вельможу.

Вилагро, герцог Кордавы, смерил высокого зингарца ледяным взглядом.

— Мастер Зароно, я не привык ждать, — процедил он сквозь зубы.

Вновь последовал вычурный поклон.

— Тысяча извинений, Ваша Милость! Поверьте, я ни за что не стал бы вас тревожить!

— Тогда почему же ты опоздал на целых полчаса, сударь?

— Пустяк, абсолютная глупость.

Человек с выбритым по-монашески черепом вставил:

— У нас вышел скандал в таверне, мой герцог.

— Что? Скандал в питейной лавке?! Бездельники, вы что, с ума посходили? Как это вышло?

Щеки Зароно порозовели, он метнул на монашка взгляд, полный ненависти, тот же смотрел на него совершенно невозмутимо.

— Сущие пустяки, Ваша Светлость! Дело таково, что совершенно не стоит вашего внимания.

— Мне это решать, Зароно, — ответил герцог. — Не исключено, что наш план раскрыт. Ты уверен в том, что эта — эта неприятность — не была подстроена? — герцог нервно сжал руки, костяшки его пальцев побелели.

Зароно хмыкнул.

— Ну что вы, мой герцог. Вы, наверное, слышали об этом болване по имени Конан — он командует зингарским капером, похоже, забыв о том, что его родила киммерийская шлюха.

— Никогда не слышал об этом мошеннике. Продолжай.

— Я же сказал вам — все это пустяки. Я пришел в гостиницу «Девять Обнаженных Мечей» для того, чтобы встретиться с праведным Менкарой. Заметив отменный кусок мяса, жарившийся на вертеле, я решил убить сразу двух зайцев. Как вы, наверное, знаете, я не привык попусту тратить время и потому тут же подозвал к себе Сабрала, хозяина таверны, и приказал ему подать мне жаркое. И тут этот гнусный киммериец посмел заявить, что это, мол, его ужин. Если в человеке есть хоть капля благородства, он не станет терпеть...

— Говори короче! Что у вас там случилось?

— Сначала мы спорили, ну а затем от слов мы перешли к делу. — Зароно пощупал синяк, вздувшийся под глазом, и довольно хмыкнул: — Этот парень здоров как бык, но, думаю, и ему от меня перепало. Только я хотел преподать этому деревенщине урок фехтования, как хозяин вместе с посетителями разняли нас и растащили по сторонам — каждого из нас держало человек пять. И тут в таверне появился святой отец Менкара — он-то нас и успокоил. Так что, как видите...

— Я все понял. Похоже, это действительно случайность. И все же на твоем месте я бы избегал запаха жареного. Подобного я больше не потерплю! Ну да ладно, теперь к делу. Насколько я понимаю, рядом с тобой...

Зингарец стал теребить усы.

— Простите мне мои дурные манеры, Ваша Светлость. Позвольте представить вам праведного Менкару, жреца Сета, ставшего нашим активным сторонником, — и это, позвольте заметить, всецело моя заслуга.

Человек с выбритой головой вновь поклонился. Вилагро ответил ему легким кивком головы.

— Почему вы так настаиваете на личной встрече, святой отец? — спросил герцог. — Я предпочитаю работать через моих агентов, таких как Зароно. Может быть, вас что-то не устраивает? Вы хотите большего вознаграждения?

Взгляд лысого стигийца оставался недвижным.

— Золото — ничто, хотя в этом низменном плане бытия оно и потребно для поддержания бренной человеческой оболочки. В согласии с нашей верой этот мир является иллюзией — маской, скрывающей лик хаоса... Впрочем, я зря говорю все это, мой герцог. Теологическими студиями я мог бы заниматься у себя на родине, здесь же я не для этого, не так ли? — Стигиец изобразил на лице некое подобие улыбки.

Герцог Вилагро испытующе посмотрел на него.

Менкара продолжала:

— Я говорю о вашем намерении склонить старого короля Фердруго к тому, чтобы он отдал свою дочь, принцессу Хабелу, за Вашу Светлость. И в этой связи мне на ум приходит речение: «Заговор и предательство в крови у зингарцев».

Шутка эта не показалась Вилагро уместной.

— Да, да, все это я уже слышал. Лучше скажи — как идут наши дела? Как настроены наши жертвы?

Стигиец пожал плечами.

— Хвастать мне особенно нечем. Управлять Фердруго несложно, ибо он стар и дряхл. Я столкнулся с препятствием совсем иного рода.

— Хотелось бы узнать, каким именно?

— Король полностью подвластен моей воле — стоит мне захотеть, и он отдаст свою дочь за вас; но вот только принцесса, — видимо, памятуя о том, что вы много старше ее, —

отказывается от этого.

— Так возьми же под свой контроль и ее разум, скотина лысая! — заорал Вилагро, явно задетый тем, что был упомянут его возраст.

Холодные искры вспыхнули в тусклых глазах стигийца, но он тут же отвел взгляд в сторону.

— Сегодня ночью именно этим я и занимался, — пробормотал он. — Когда принцесса заснула, я вошел в ее сны. Она молода и сильна. Взять ее мозг под контроль было очень непросто. Когда же я наконец смог обратиться к ее спящей душе, неожиданно для самого себя я стал терять контроль над разумом короля. Я тут же оставил девушку и вернулся к ее отцу. Она проснулась в ужасе и — хотя она ничего не помнит — в тревоге.

В этом-то и состоит названное препятствие. Я не могу управлять и королем, и принцессой одновременно.

Жрец внезапно замолчал, заметив гневный взгляд герцога.

— Так это был ты, паршивый пес! — закричал Вилагро.

Глаза стигийца наполнились удивлением и тревогой.

— Что вы хотите этим сказать, Ваша Светлость? — пробормотал он. Зароно был удивлен не меньше жреца.

Герцог еле слышно выругался.

— Как могло случиться, что мой коварный агент и мой велемудрый маг не знают того, о чем говорит уже весь город? — Герцог вновь перешел на крик:

— Идиоты, — неужели вы не знаете о том, что принцесса исчезла?

План Вилагро был прост. Король Фердуро был уже слишком стар и немощен для того, чтобы править страной. Преемником его должен был стать супруг принцессы Хабелы. Кто же, как не Вилагро, должен был стать им — во всей Зингаре не было равных ему в богатстве и влиянии.

Своим подручным Вилагро сделал капитана каптера Зароно, человека благородного происхождения, репутация которого была подпорчена темным прошлым. Он поручил Зароно отыскать колдуна, который смог бы управлять мыслями и поступками стареющего монарха. Коварный Зароно остановил свой выбор на Менкаре, последователе запрещенного законом стигийского культа Сета. Однако побег Хабелы сорвал все планы герцога. Какой толк управлять королем, если дочери его, с которой Вилагро должен был обручиться, нет?

Собрав всю свою волю, Менкара обратился к герцогу:

— Если Вашей Светлости будет так угодно, я, используя свои скромные познания в оккультных науках, смогу узнать, где сейчас находится принцесса.

— Чего же ты ждешь, действуй, — угрюмо буркнул герцог.

Повинуясь жрецу, Гомани принес из камеры пыток бронзовую треногу и уголь. Ковер был убран. Из-под своей мантии стигиец извлек большую сумку, в которой было множество отделений. Из нее он достал светящийся зеленоватый мелок и стремительными движениями нарисовал на полу змея кусающего собственный хвост. В это же время раб развел на треноге огонь. Через несколько минут угли, лежавшие на ней, раскалившись докрасна.

Жрец достал из сумки хрустальный фиал с ароматной зеленой жидкостью и облил ей раскаленные угли. Угли зашипели, подобно змеям, и резкий пряный запах наполнил комнату. Бледно-зеленые струйки дыма, извиваясь, поползли к потолку.

Скрестив ноги, жрец сел внутрь зеленого круга. Раб загасил светильник, и комната погрузилась в полумрак. Видны были только раскаленные угли, светящийся круг и желтые глаза колдуна, походившие на глаза ночного зверя.

Стигиец заговорил, сначала тихо, — затем — все громче и громче.

— Яо, Сетеш... Сетеш. Яо — Абратакс краим мизраэт, Сетеш!

Резкие шипящие звуки потонули в неясном бормотании, и наконец все звуки смолкли. Слышно было только дыхание стигийца. Жрец впал в транс, его желтые глаза медленно закрылись.

— Митра! — воскликнул Зароно и тут же замолчал, почувствовав, что герцог схватил его за руку.

Дым висел над комнатой светящимся зеленоватым облаком. Он стал менять яркость — то тут, то там появлялись и гасли светлые и темные пятна. И тут Вилагро и Зароно увидели прямо перед собой ночное море, по которому плыло небольшое суденышко. На палубе корабля стояла юная дева. Ветер раздувал ее длинный плащ...

— Хабела! — воскликнул Вилагро.

Возглас его, похоже, разрушил чары — картина тут же стала блекнуть. Угольки зашипели и погасли. Жрец рухнул на пол.

Глоток вина вернулся Менкаре силы.

— Куда же она направляется? — спросил Вилагро.

Стигиец задумался.

— Она думала об Асгалуне. Может быть, вы, Ваша Светлость, понимаете, в чем тут дело?

— Это земля, которой ныне правит брат короля Товарро. Некогда он был королевским посланником и мотался по всему Шему, ну а затем... — Герцог на миг задумался, но тут же продолжил: — Кажется, я понимаю, в чем дело. Она убедит Товарро в том, что ему необходимо вернуться в Кордаву. Если же этот выскочка окажется здесь, всем нашим планам придет конец... послушай меня, святой отец, — контролировать короля и принцессу ты не в силах, верно? Тогда скажи мне, что же нам делать?

Зароно протянул руку к серебряному подносу.

— Ваша Светлость позволит?

Вилагро кивнул. Взяв с подноса яблоко, Зароно усмехнулся и сказал:

— Я думаю, нам следует найти другого мага.

— Похоже, ты прав, — согласился герцог. — Ты можешь кого-нибудь порекомендовать, жрец?

Стигиец надолго погрузился в молчание. Наконец он поднял глаза и заговорил:

— Глава моего ордена, величайший из всех воплощенных в мире магов, велики Тот-Амон сможет помочь нам.

— Где он находится сейчас?

— Он живет у себя на родине в Стигии, в маленьком местечке, называемом Оазис Хаджар. Но должен предупредить вас, Ваша Светлость, таланты Тот-Амона столь велики, что обычной платы ему не подходит. — Жрец криво улыбнулся. — Людишки, подобные мне, страждут золота, он же куда выше нас — Тот-Амон владеет и своими страстями, и всеми тайнами мира. Тому, кто повелевает духами Земли, богатство ни к чему.

— Что же может соблазнить его?

— Одна-единственная мечта владеет сердцем Тот-Амона, — продолжал жрец вкрадчивым голосом. — Несколько столетий тому назад на этих землях сошлись последователи двух культов — культа презренного Митры и культа великого Сета. Так уж было угодно судьбе, чтобы наш культ пал, — митраки восторжествовали над нами. Поклонение Змею было объявлено противозаконным, а людям нашего ордена пришлось отправиться в изгнание...

Если Ваша Светлость поклянется в том, что он повергнет все Храмы Митры и выстроит на их месте храмы Сета, так что Сет будет назван величайшим из богов, Тот-Амон станет вашим союзником.

Герцог стал покусывать губы. Боги, храмы и жрецы существовали для него постольку,

поскольку храмовые власти должны были платить ему дань.

— Да будет так, — наконец сказал он. — Я могу поклясться в этом именем любых богов и демонов, ведомых твоему хозяину. Теперь слушайте меня внимательно.

На рассвете вы отправитесь в плавание. Ваш корабль возьмет курс на юго-восток и догонит корабль принцессы. Ее вы должны будете схватить, корабль же должен быть потоплен вместе с командой — свидетели нам не нужны. Твой «Петрель», Зароно, легко нагонит «Королеву Морей». Захватив принцессу, вы отправитесь в Стигию. Ты, Менкара, отведешь людей в твердыню Тот-Амона и выступишь в роли моего посланника. Посвятив его в наши планы, ты вернешься в Кордаву вместе с ним и принцессой. Вам все понятно? Тогда — за дело!

Глава 2

КЛИНОК ВО ТЬМЕ

Уже начинал светать. Дождь прекратился. По небу неслись рваные облака. Звездочки, еще видневшиеся на западе, отражались в грязных лужах.

Зароно, капитан капера «Петрель» и тайный агент герцога Кордавы, угрюмо брел по темной улочке. Драка с могучим киммерийским пиратом помимо прочего лишила Зароно и ужина. Не улучшила ему настроения и беседа с хозяином, чертыхавшимся через каждое слово. И, наконец, ему просто хотелось спать. Капли, срывавшиеся с крыш, о и дело падали за шиворот. Подняв полы плаща, Зароно обходил бесчисленные лужи, думая о том, на ком бы сорвать свою ярость. Рядом с ним брел безмолвный Менкара.

Тощий человечек, из-под обтрепанной рясы которого виднелись голые ноги, бежал по бесконечным улицам, едва удерживая равновесие на мокрых бульжниках мостовой. Его сандалии громко шлепали по лужам. Одной рукой он прижимал к тощей груди заплатанный платок, в другой держал горящую просмоленную веревку, заменявшую ему фонарь.

На ходу он читал утреннюю молитву, обращенную к Митре. О смысле ее он не думал — голова его была занята чем-то иным. Нинус, младший служитель храма Митры, спешил по темным улицам навстречу своей судьбе.

Он проснулся задолго до рассвета и, проскользнув мимо наставника, сбежал из храма. Нинус спешил к кордавской гавани, где его ждал иноземный корсар Конан-киммериец.

Нинус выглядел весьма неприятно: ноги были тонкими как спички, нос — непомерно велик. Обтрепанная митраистская мантия, похоже, никогда не стиралась, помимо прочего она была залита и вином, пить которое монахам строго-настрого запрещалось. Когда-то — еще до того, как Нинус узрел свет Митры, — он был одним из самых искусных воров Хайборийских земель, именно тогда он и познакомился с Конаном. Этот гигант, никогда не отличавшийся особенной набожностью, в свое время тоже был вором, и потому Нинус прекрасно ладил с ним. Нинус добровольно принял монашеский сан, однако совладать со своей плотью ему было сложно — уж слишком весела была прежняя жизнь.

Монашек прижимал к груди свиток, который должен был сделать его богатым. Корсар искал сокровища, Нинусу же нужны были деньги. Картой этой Нинус владел издавна. Когда-то, глядя на нее, он мечтал о том, что проследует указанным на карте путем и станет сказочно богатым; однако с той поры много воды утекло, и сам он не стал таким, как прежде, — не к лицу монаху гоняться за сокровищами...

Картины, одна соблазнительней другой, представлялись его сознанию — вино, пиры, женщины, — и все это в обмен на клочок истлевшего пергамента; с этими мыслями он свернулся за угол и столкнулся с двумя незнакомцами в черных плащах. Он смущенно извинился перед высоким сухопарым человеком, плащ которого оказался втоптаным в грязь, и перевел глаза на его спутника.

— Менкара, слуга Сета — изумленно воскликнул Нинус, — как посмел ты, змеиное отродье, прийти в этот город?! — исполнившись праведного гнева, монашек принялся звать стражников.

Зароно выругался и хотел было ускорить шаг, но стигиец остановился как вкопанный.

— Этот выродок узнал меня! — зашипел Менкара. — Убей его, иначе не миновать беды!

Зароно на мгновение замешкался, но тут же вынул кинжал. Служку ему жалко не было,

отвечать же на вопросы стражей как-то не хотелось.

Клинок блеснул в занимавшемся свете утра. Нинус охнул и повалился на мостовую. Из рта его сочилась кровь.

Стигиец сплюнул.

— Скоро мы с вашим проклятым племенем разделаемся!

Дрожащими руками Зароно вытер клинок о мантию монашка.

— Бежим! — прохрипел он.

Но стигиец заметил, что ряса монашка странно топорщится. Склонившись над неподвижным телом, он достал из-под рясы пергаментный свиток и развернул его.

— Какая-то карта, — изумился маг. — Похоже, я смог бы разгадать...

— Потом, потом! — зашипел Зароно. — Того и гляди, стражники припрутся!

Менкара кивнул и спрятал свиток. Через минуту их уже и след простыл. Небо начинало розоветь.

Конан чувствовал себя не в своей тарелке — вино было дрянным, драка с Зароно ничем не закончилась, теперь еще и Нинус куда-то запропастился. Он мерил шагами продымленную гостиничную комнатку с низкими потолками. С вечера в «Девяти Обнаженных Мечах» было людно, теперь же здесь оставалось всего несколько посетителей. В углу сидело трое пьяных матросов — один из них спал, двое же других распевали на удивление нескладную песню.

Свеча догорала. Нинус опаздывал уже на несколько часов. Похоже, с монашкой стряслось что-то неладное — к чему к чему, а к деньгам он никогда не опаздывал. Конан разыскал хозяина и проревел ему на ухо:

— Сабрал! подышу-ка я свежим воздухом. Если меня будут спрашивать, скажи, что я скоро буду.

Дождь закончился, время о времени с крыш срывались крупные капли. Облачный покров, что совсем недавно казался сплошным, уже рассеивался. Показалась луна; лунный диск был уже бледен — начинался рассвет. Над лужами висели облачка пара.

Гневно ругаясь, Конан зашагал по мостовой — он решил обойти квартал, примыкающий к гостинице. Конан честил Нинуса на чем свет стоит. Из-за этого обормота он пропустил утренний бриз, с которым намеревался покинуть на своем «Вастреле» кордавскую бухту. Теперь придется выводить корабль на веслах.

Внезапно Конан замер. На мокрой от дождя мостовой он увидел распластанное тело.

Он огляделся по сторонам в надежде увидеть преступников, но улицы были пустынны. Конан раздвинул полы плаща и расстегнул ножны. В этой части старого города убийства были привычным делом. Полуразрушенные лачуги узких улочек были населены ворами, убийцами и прочим сбродом. Если ты видишь труп, значит, рядом может быть и убийца — этому Конана научила жизнь, и потому в подобных случаях он был особенно осторожным.

Крадучись, подобно леопарду, Конан приблизился к неподвижному телу и опустился на колени. Осторожно взяв человека за плечо, киммериец перевернул его на спину. Одежды человека были залиты кровью. Капюшон рясы открылся, и Конан увидел лицо монаха.

— Кром! — воскликнул киммериец.

Да, это был ставший монахом уроженец Мессантии Нинус. Быстрыми движениями киммериец обыскал распластанное перед ним тело. Карта, которую Нинус собирался продать ему, бесследно исчезла.

Конан сел на корточки и задумался; чело его напряглось. Кому помешал этот жалкий монашек, у которого и взять-то нечего? Вряд ли у него могло быть что-либо, кроме карты. Поскольку карта исчезла, неведомый убийца мог совершить свое преступление именно для того, чтобы овладеть ею.

Солнце вышло из-за горизонта, осветив башни древней Кордавы. Глаза Конана загорелись синевою. Крепко сжав покрытый шрамами кулак, огромный киммериец поклялся отомстить неведомому убийце.

Бережно подняв крохотное тело Нинуса, киммериец взвалил его на себе на плечи и огромными скачками понесся к гостинице. Ворвавшись в залу, Конан заорал:

— Сабрал! Комнату и врача! И быстро!!!

Хозяин гостиницы знал, что киммериец ждать не любит. Без лишних слов хозяин поспешил вверх по шаткой лестнице, пригласив Конана следовать за ним.

Сидевшие в зале проводили киммерийца изумленными взглядами. Он был настолько огромен, что походил на великана. Длинная грива черных грубых волос оттеняла смуглую, покрытое шрамами лицо. Щеки были гладко выбриты. Из-под видающей виды матросской шапки глядели пронзительно-синие глаза. Пират нес тело взрослого человека с такой легкостью, словно тот был младенец.

В таверне не было ни одного матроса с корабля киммерийца. Об этом Конан позаботился заранее — еще тогда, когда договаривался с Нинусом о встрече. Киммерийцу не хотелось, чтобы команда до срока узнала о существовании карты.

Сабрал отвел Конана в комнату, предназначенную для приема знатных гостей. Конан хотел было положить тело Нинуса на кровать, но тут хозяин ойкнул и, извинившись, снял с постели покрывало.

— Ни к чему пачкать кровью мое лучшее покрывало! — сказал он.

— К черту покрывало! — проревел Конан и бережно положил тело на кровать.

Сабрал стал складывать покрывало, киммериец же занялся Нинусом. Монашек едва заметно дышал, сердце его билось неровно.

— Уф, он все-таки жив, — с облегчением вздохнул Конан. — Слушай, хозяин, — слетал бы ты за пиявками! Ну чего ты пялишься на меня, как идиот, — тебе еще раз все объяснить?

Сабрала как ветром сдуло. Конан раздел Нинуса до пояса и, как мог, перевязал рану, из которой все еще сочилась кровь.

Сабрал появился в комнате в сопровождении позевывающего врача, одетого в ночную рубашку; из-под его ночного колпака выбивались вихри седых волос.

— Преискуснейший доктор Кратос! — представил врача Сабрал.

Доктор снял повязку, наложенную Конаном, прочистил рану и вновь перевязал ее чистой тканью.

— К счастью, нож прошел мимо сердца и не задел артерии, повреждено только легкое. При надлежащем уходе больной быстро встанет на ноги, — сказал доктор. — Кто мне заплатить за него, капитан, — я полагаю, вы?

Конан утвердительно хмыкнул. Несколько глотков вина вернули Нинуса в сознание. Он был очень слаб и потому говорил еле слышно:

— Я бежал — и — наткнулся на них. Один из них — Менкара — служитель бога Сета. Я стал звать стражников, и тогда Менкара сказал тому, другому: убей его, убей...

— Скажи мне, кто был с Менкарой? — спросил Конан.

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что это был капитан Зароно...

Конан нахмурился. Зароно! Это тот самый наглец, с которым пару часов назад они едва не сцепились. Может быть, Зароно знал о его встрече с Нинусом и о том, что монашек принесет с собою карту? Все указывало на коварный заговор, имевший целью выведать тайну клада.

Конан встал, лицо его пылало гневом.

— Ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет! — проревел он. Киммериец достал из кошелька полную горсть монет и высыпал ее в ладони доктору. Другая горсть досталась Сабралу.

— А теперь послушайте меня! — сказал Конан. — Ему нужен настоящий уход, и ухаживать за ним попрошу именно вас. Все ваши расходы я оплачу по возвращению; если же я узнаю, что вы относились к нему без должного внимания, то пеняйте на себя! Да, если вдруг Нинус умрет, похороните его как подобает — со всеми церемониями и обрядами. Ну а теперь я покидаю вас.

Он бесшумно выскользнул из комнаты, сбежал по лесенке вниз и, легко распахнув тяжелую выходную дверь гостиницы «Девять Обнаженных Мечей», вышел на улицу. Шаг его был стремителен; тяжелый черный плащ хлопал на ветру.

Когда солнце позолотило мачты и реи кораблей, гавань уже не спала. Матросы карабкались по такелажу, офицеры орали в свои пергаментные рупоры, скрипучие деревянные подъемники, приводимые в действие мускулистыми руками портовых рабочих, сгрудившихся у ворота, переносили грузы с пирса на палубы.

Конан вышел на берег. В ответ на его вопрос капитан портовой охраны сообщил ему, что корабль Зароно «Петрель» покинул гавань еще до того, как солнце вышло из-за горизонта, — «Петрель» обогнул восточный рог бухты и исчез из виду. Киммериец достаточно неучтиво поблагодарил стражника, резко развернулся и понесся к трапу своего галеона, носившего имя «Вастрель».

— Зельтран! — заорал киммериец.

— Слушаюсь, капитан! — тут же отозвался его помощник, который в это время командовал загрузкой провианты в трюм. Зельтран был невысок и полон; как истинный зингарец, он носил роскошные черные усы. Несмотря на полноту, двигался он с легкостью кошки.

— Построй наших бездельников на палубе и объяви перекличку! — приказал Конана. — Мы отчаливаем!

Вскоре на шкафуте собралась почти вся команда. По большей части это были смуглые зингарцы, иностранцев почти не было. Отсутствовало трое. Конан приказал юнге обойти все близлежащие притоны и во что бы то ни стало привести нарушителей на борт. Все же остальные занялись погрузкой, которая пошла куда живее, ибо руководил ею сам Конан.

Вскоре отсутствовавшие взошли на палубу; тогда же закончилась и погрузка. Галеон отдал швартовы и отвалил от пристани. Шлюп, в который сели восемь гребцов, повел галеон в открытое море. Стоило парусам наполниться ветром, как шлюп был поднят на борт.

Поймав ветер, паруса «Вастреля» надулись; галеон уверенно набирал скорость. Корабль плавно и ритмично покачивался на морских волнах; крик чаек мешался с плеском волн, скрипом снастей и шумом ветра.

Конан стоял на шканцах, угрюмо созерцая горизонт. Положив галеон на курс, заданный Конаном, и организовав вахту, Зельтран поднялся к киммерийцу.

— Итак, мой капитан, — вымолвил он, — куда лежит наш путь на этот раз?

— Тебе знаком корабль Черного Зароно? — спросил Конан.

— Вы говорите о том корыте, что отчалило еще до рассвета? Ну как же мне его не знать. Говорят, что капитан «Петреля» Зароно — искусный мореход, но подлей, каких поискать. Происхождения он благородного, но об этом люди стараются не вспоминать — уж больно много на его счету грязных дел; что до людей благородных, то те попросту сторонятся его. Вот он и стал пиратом. Скажите, капитан, — вы что, поссорились с ним? С Зароно так просто не сладишь...

— Если ты прикусишь свой язык, пустомеля, я расскажу тебе все.

Конан рассказал Зельтрану о событиях прошедшей ночи — о Нинусе, карте и Зароно.

— Если я смогу нагнать его в открытом море, — продолжил киммериец, — сладко ему не придется. «Петрель» побольше «Вастреля», но и ход у него потяжелее.

— В том, что мы сможем его догнать, я нисколько не сомневаюсь, — сказал Зельтран,

молодецки закрутив ус. — Что до меня, то я могу уложить шестерых одним ударом. Но послушайте меня, капитан, не лучше ли будет, если мы будем следить за ними, держась поодаль, — Зароно, сам не зная того, приведет нас к цели, верно?

Конан метнул на своего помощника взгляд, полный гнева. Но тут же сменил гнев на милость и, улыбнувшись, похлопал Зельтрана по плечу.

— Клянусь Кромом и Мананнаном, крошка, — довольно проревел киммериец,

— ты не зря получаешь свое жалованье! — Конан посмотрел наверх, туда, где группа матросов застыла в ожидании команды поднять марсель. — Отставить! — закричал киммериец. — Спускайтесь вниз! — Он вновь повернулся к Зельтрану.

— Мы нагоним их и без марселя, Зароно же может его заметить. Помнится, ты говорил мне о человеке с орлиным зрением — кто это?

— Риего из Хериды.

— Точно. Пусть он взберется на марс и расскажет нам о том, что увидит.

Вскоре юный зингарский матрос уже стоял на марсе, обратившись лицом на юго-восток.

— Прямо по курсу вижу галеон. Виден только марсель, когда же корабль поднимается на волне, открывается и сам корабль — он выкрашен в черный цвет.

— Это «Петрель», — удовлетворенно заметил Конан. — Так держать, рулевой! — Он повернулся к Зельтрану, продолжавшему крутить свой ус. — Днем мы будем держаться на приличном расстоянии, ночью — подплывем поближе, — так, чтобы были видны бортовые огни «Петреля». Если нам повезет, Зароно нам не заметит.

Конан улыбнулся, в глазах его зажглись веселые искорки. Киммериец облегченно вздохнул. Вот она, жизнь, — под тобою палуба, рядом с тобой полсотни преданных тебе проходимцев, вокруг море, а впереди — враг!

На всех парусах «Вастрель» шел по следу «Петреля» — не был поднят лишь марсель. Солнце стояло уже высоко. Средь бирюзовых волн резвились игривые дельфины.

Глава 3

ГИБЕЛЬ «КОРОЛЕВЫ МОРЕЙ»

Каравелла «Королева Морей», королевское прогулочное судно, вышла из пролива, отделявшего берега Зингары от Барахских островов. Барахский архипелаг был известен своими пиратами — по большей части уроженцев Аргоса; однако на сей раз Западное море было пустынным. Позади осталась и граница, разделявшая земли Зингары и Аргоса.

Они плыли все дальше на восток, стараясь не терять из виду берега Аргоса. Следуя указаниям Хабелы, капитан Капеллес взял курс на порт, но решил не отслеживать береговую линию.

На это было две причины. Во-первых, они должны были как можно быстрее достичь берегов Шема, на которых стоял Асгалун. Во-вторых, так они не подвергали себя риску оказаться замеченными с берегом Аргоса, так же как и Барахские острова, кишевших пиратами.

Ближе к полудню у горизонта появилось темное судно, следовавшее за ними. Через пару часов оно приблизилось достаточно близко доля того, чтобы один из матросов, известный своей зоркостью, смог разглядеть его.

— Бояться нечего, моя госпожа, — сказал капитан Капеллес. — Это капрер, состоящий на службе у нашего короля. По всей видимости, это «Петрель» — корабль капитана Зароно.

Хабелу, однако, это не успокоило. Казалось, от этого черного массивного галеона, что становился все ближе и ближе, исходит нечто зловещее. Впрочем, то, что этот корабль следовал тем же курсом, что и «Королева Морей», могло быть и простым совпадением.

То, что кораблем командовал Зарон, принцессе тоже не понравилось. Она была практически не знакома с этим человеком и видела его лишь во время дворцовых церемоний, однако она не единожды слышала о его зловещих деяниях. Одна из ее подруг, Эстреллада, говорила принцессе о том, что Зарон безумно влюблен в Хабелу. Тогда Хабела не придала ее словами никакого значения, ибо в кого же еще, как не в свою принцессу, могут влюбляться придворные? Разве найдется среди них хоть один, кто не желал бы стать королем?

Хабела окончательно укрепилась в своих подозрениях. Шел уже третий день плавания, и ее исчезновение наверняка было известно всем. Можно было представить, какая суматоха стоит сейчас во дворце.

Хабела поплыла на королевском корабле, пропажу которого нельзя было не заметить, и тем выдала себя с головой. Поскольку она не могла отправиться ни на север, к пустынным диким берегам страны пиктов, ни на запад, где расстипалась безбрежная океанская ширь, она могла поплыть только на юго-восток, к Аргосу, к городам-государствам Шема, к зловещему Стигийскому царству, за которым начинались земли, населенные людьми с черной кожей.

Паника, вызванная ее исчезновением, могла пробудить от долгого летаргического сна и ее отца, короля Фердруго. Король мог послать Зарону ей вслед, с тем чтобы вернуть свою дочь-боглянку домой.

Хабела пробормотала что-то невнятное и отвернулась от капитана. Какое-то время она расхаживала по палубе, затем, опервшись на перила, покрытые изображениями дельфинов и тритонов, потрясающих трезубцами, стала смотреть на преследовавший их корабль. Она боялась оторвать от него взгляд, словно подпав под неведомые чары.

«Петрель» постепенно приближался, рассекая своим тупым носом морские валы. «Если он не замедлит ход, — подумала Хабела, — через полчаса он сравняется с нами и отнимет у

„Королевы Морей“ ветер».

Принцесса неплохо разбиралась в морском деле. В отличие от своего отца, который питал к морю отвращение и никогда не приближался к «Королеве Морей», она провела на ее борту все свое детство. Лишь в последние годы, когда она уже стала девушкой, отец запретил ей одевать матросскую одежду и лазать по такелажу.

Принцесса сперва задрожала, но тут же справилась с собой и успокоилась. Пока намерения капитана были неясны. Вряд ли этот зингарец безумен настолько, чтобы напасть на корабль самого зингарского короля.

И тут на залитую солнцем палубу легла тень. Она имела странный темно-зеленый цвет — все вокруг погрузилось в жутковатую изумрудную дымку.

Принцесса подняла голову, но не увидела над «Королевой Морей» ничего необычного — небо было совершенно ясным и не было в нем ни демонов, ни крылатых чудовищ. И все же туман, окутывавший «Королеву Морей» с каждой минутой становился гуще — он был плотен и в то же время странно неосязаем, призрачен. Лица людей побледнели, глаза наполнились ужасом.

И ужас не заставил себя ждать. Зеленоватые щупальца обвились вокруг матроса, стоявшего рядом с Хабелой, — бедняга завопил не своим голосом. Казалось, холодные щупальца глубоководного кракена свивали кольца вдоль его тела. Принцесса изумленно смотрела на его лицо, на его сведенное болью тело. И тут зеленые кольца исчезли, словно погрузившись в тело матроса. Дородный матрос словно окаменел. Его кожа покрылась странным зеленоватым налетом, позеленели и его одежды. Он стал походить на статую, вырезанную из жадеита.

Хабела в ужасе возвзвала к Митре. Палубу оглашали крики людей, пытавшихся как-то воспротивиться щупальцам изумрудного тумана, свивавшимся вокруг них и заползавшим им в нутро, от чего люди обращались в камень, в неподвижные зеленые изваяния.

Липкие зеленые щупальца стали обвиваться вокруг принцессы. Леденящий ужас сковал ее члены, когда она почувствовала их холодные прикосновения. Ей казалось, что она обратилась в кусок льда. Щупальца вошли вовнутрь, и сознание принцессы помутилось, утонув в холодных беспросветных пространствах. Хабела лишилась чувств.

Зароно, капитан «Петреля», стоял на шканцах и с нескрываемым изумлением наблюдал за манипуляциями стигийского колдуна. Неподвижный, словно мумия, Менкара сидел на корточках перед устройством, собранным им за время плавания. Устройство представляло собой маленький алтарь черного дерева, на верхней плите которого был закреплен небольшой конический кристалл серого цвета. Алтарь поражал своей древностью. От резьбы, некогда покрывавшей его, сохранилось лишь несколько фрагментов, по которым, однако, можно было восстановить всю картину, изображавшую нагих людей, пытающихся скрыться от гигантского змея. У змея был всего один глаз — второй глаз, похоже, был давно потерян.

Менкара прошептал заклинание, и конус осветился изнутри странным призрачным светом. Вершина конуса вспыхнула пульсирующим изумрудным огнем, в свете которого голова Менкары стала казаться облезлым черепом трупа.

Изумрудное пламя разгоралось все ярче и ярче. Стигиец поднес к лицу зеркало, сделанное из неведомого черного металла и вставленное в стальную витую оправу. К изумлению Зароно, изумрудное сияние притянулось к поверхности зеркала и, отразившись от него, озарило «Королеву Морей». В ярком солнечном свете зеленый луч казался бледным — едва заметная изумрудная нить связала собой два корабля. На каравелле происходило что-то непонятное — расстояние до нее было еще немалым, и Зароно, сколько ни вглядывался, так ничего и не увидел.

«Королева Морей» внезапно потеряла управление и тяжело закачалась на волнах, паруса ее опали. Зароно подвел свой галеон к каравелле и встал с ней борт о борт. Стигиец вышел из транса и устало прислонился к поручню. Его безмятежное лицо побледнело и осунулось, на лбу

блестели капельки холодного пота.

— Я выдохся, — пробормотал Менкара. — Это заклинание забирает все силы без остатка. И все же оно не всесильно, — тот, кто знает, как с ним бороться, легко уходит из-под его власти... но, похоже, ни один из этих болванов ничего не смыслит в магии. Можешь отправляться туда — в течение часа они тебе мешать не будут.

— Выходит, они умерли?

— Нет, скорее это похоже на сон. Помоги мне добраться до каюты.

Зароно помог обессилевшему колдуну подняться на ноги и повел его к каюте, боцман шел следом, держа в руках черный алтарь с серым кристаллом.

Закрыв дверь за изнемогшим стигийцем, Зароно вытер кружевным платочком бисеринки пота, выступившие на лбу. Колдовство пугало его. Черный Зароно предпочитал иное оружие — куда милее его сердцу были звон сабель, свист стрел, грохот ядер, выпущенных из катапульты, удары бронзового тарана по борту неприятельского судна. Немало злодейств было на его совести, но все они были грехом обычным, человеческим; теперь же он связал свою жизнь с темными и, возможно, неуправляемыми силами, принадлежащими другим планам и измерениям.

— Эрнандо! — окликнул он повара. — Пару бутылок вина, покрепче!

Так была взята и так вскоре погибла «Королева Морей». Матросы «Петреля» перебрались на ее борт. Они быстро отыскали принцессу и отнесли ее застывшее тело на шканцы галеона. Облив основания мачт и палубу маслом, они вернулись на свой корабль и убрали абордажные крюки и багры.

Когда расстояние между двумя кораблями стало достаточно большим, на палубу «Королевы морей» было пущено несколько стрел с горящими наконечниками. Пламя тут же охватило каравеллу. Огонь с ревом поднимался вверх, переходя с паруса на парус. Матросы «Королевы Морей» стояли все так же неподвижно.

Галеон поднял паруса и взял курс к берегам Шема.

Стоя на марсе своего галеона, Конан с удивлением взирал на черный дым, поднимавшийся над морем; то и дело он поминал вслух имя Крома, мрачного киммерийского бога. «Вастрель» держался на приличном расстоянии от «Петреля», разглядеть его оттуда можно было, лишь поднявшись на марс, — но людям Зароно вряд ли могло прийти в голову изучать северо-западную часть горизонта.

Конан наблюдал за тем, как погибает королевский корабль Зингары. Он никак не мог взять в толк, для чего Зароно нужно было уничтожать корабль своей собственной страны. Похоже, решил киммериец, дела обстоят не столь просто, как он полагал прежде. Впрочем, Конан давно приобрел привычку не ломать себе голову зря, не узнав всего относящегося к делу.

Кем бы ни были неведомые жертвы, он отомстит и за них, когда будет сводить с Зароно свои счеты, — так решил Конан. Кто знает, быть может, судьба дарует ему такую возможность уже в ближайшие дни.

Глава 4

БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Солнце клонилось к закату. Унылый облачный покров чудесным образом преобразился, запылав всеми оттенками красного. По темным волнам, расцвеченным алыми отблесками, несся зловещий «Петрель». Вслед за ним, держась на приличном расстоянии, крался галеон Конана «Вастрель».

Капитан «Вастреля» Зароно сидел развались в своем огромном кресле, в руке он держал серебряный кубок, украшенный изумрудами. В каюте капитана стоял запах крепкого шемского вина. Качающиеся на цепочках лампы освещали своим неверным светом пергаментным свитки, развешенные между пиллерсами. То и дело поблескивали самоцветы на эфесах и ножнах мечей и кинжалов, висевших на стенах.

Зароно был настроен крайне мрачно, взгляд его был устремлен в никуда. Белая шелковая, отделанная кружевами рубаха была перепачкана, густые черные волосы взъерошены. Зароно был сильно пьян.

В дверь постучали. Зароно грязно выругался, но тут же пригласил незваного гостя в каюту. Гостем этим оказался Менкара, в руке он держал свернутый свиток. Чопорный стигиец смотрел на хмельного капитана с явным неодобрением.

— Поколдовать пришел? — усмехнулся Зароно. — Неужели ты не можешь оставить простого смертного, что решил немножко порадовать себя вином, неужели ты так и будешь совать свой вонючий нос в чужие дела? Скажи мне, Менкара, мне важно это знать.

Пропустив слова капитана мимо ушей, Менкара развернул на столе загадочную карту и указал тонким пальцем на непонятные значки, которые, по всем видимости, призваны были раскрыть ее секрет.

— С той самой поры, как эта карта попала нам в руки, я пытаюсь разгадать ее смысл, — сказал стигиец неожиданно живо. — Этой линией обозначено южное побережье Стигии, в этом нет сомнений. И хотя язык, на котором сделана надпись, мне неведом, некоторые из знаков показались мне удивительно знакомыми. Пока ты как последний идиот предавался тоске, я был занят их расшифровкой...

Зароно побагровел и схватился за рукоять своего меча. Менкара жестом руки остановил его.

— Приятель, веди себя спокойнее. То, о чем я говорю, куда значимее, чем тебе это кажется. Обучаясь магии, я изучил несколько языков. Помимо прочего, я знаю и о том, что древний валузский язык, подобно языкам древней Стигии и Ахерона, не был иероглифическим — в письме каждый знак соответствует определенному звуку. Поскольку у меня нет сомнений в том, что эти страны суть Шем и Стигия, а эти города — Асгалун и Кеми, я могу установить значение отдельных знаков в словах, занимающих соответствующее место на карте. Прочие же надписи, как я полагаю, указывают местонахождение городов, исчезнувших с лица земли за то время, какое существует эта карта. Я говорю о таких городах, как Камула или Пифон.

Эти зловещие имена заставили Зароно вздрогнуть. Хмель его тут же прошел. Он нахмурился и уставился на карту. Менкара продолжал:

— Таким образом, благодаря тому, что я знаком с древними языками и знаю, как звучат некоторые названия из числа приведенных на этой карте, я могу прочесть не только их, но и все прочие! Соответственно, мне удалось прочесть и надпись, относящуюся к этому островку, о существовании которого я, честно говоря, прежде не знал.

Менкара ткнул пальцем в маленький черный кружок. Зароно нахмурился.

— Можешь особенно не расстраиваться по этому поводу. Я и сам о нем никогда не слышал.

Стигиец продолжил свой рассказ:

— Надпись, сделанная здесь, гласит: сайджина-кисуа. На древне-стигийском слово сайджина означает — «то, что не имеет имени».

Зароно протрезвел окончательно; черные глаза его беспокойно забегали.

— Безымянный остров... — прошептал он.

— Да, — прошипел Менкара и удовлетворенно кивнул. В том, что слово кисуа переводиться как «остров», мы можем быть уверены, ибо слово это фигурирует в названиях ряда островов. — Маг продемонстрировал сказанное, ткнув пальцем в несколько точек. — Я полагаю, что это название известно вам, пиратам. Безымянный остров, последняя твердыня древней Валузии, населенной полулюдьми-полузмеями.

— О Безымянном острове мне приходилось слышать только одно — на нем скрыты сокровища, равных которым в этом мире нет.

— Это действительно так, — кивнул Менкара. — Но я думаю, и здесь ты всего не знаешь. Там действительно полно золота, изумрудов и прочей мишурь. Но, помимо этого, там хранится и подлинное сокровище, сокровище магическое, — копия великой «Книги Скелоса».

— Вот уж что не нужно! Только золото — все остальное блажь!

Менкара усмехнулся:

— Прежде чем говорить, лишний раз подумай. Ты, похоже, забыл, что мы направляемся к величайшему чародею мира, который поможет нашему хозяину Вилагро подняться на трон Зингары. Разумеется, низвержение культа Митры и восстановление культа Сета придется ему по душе. Но, боюсь, этого будет недостаточно. Если же мы одарим его столь великим магическим сокровищем, он наверняка станет покровительствовать нам. То, что столь значимый труд исчез из мира, сделало магию вдвое слабее. Считается, что сохранились лишь три копии «Книги Скелоса»: одна хранится в Тарантии, в тайнике, находящемся глубоко под землей, где-то близ королевского книгохранилища Аквилонии; вторая находится в тайном храме, стоящем на землях Вендии; третья же — здесь. — Стигиец постучал пальцем по карте.

Зароно изумился.

— Если эта треклятая книга так драгоценна, то почему же никто не завладел той копией, что хранится на Безымянном острове?

— Потому, что до той минуты, как я увидел эту карту, ни я, ни все прочие искатели высших истин не знали, где находится этот самый Безымянный остров. Как видишь, он лежит в стороне и от известных людям островов и от земель, населенных чернокожими. Сотни лиг отделяют остров от других земель, ни один из морских путей не проходит рядом с ним. Искать его наугад — все равно что черпать воду решетом; на подобные поиски уйдет слишком много времени — на это не хватит никаких запасов воды и провианта, которые, как, надеюсь, ты поднимаешь, пополнять негде.

Помимо прочего, ты должен вспомнить и о том, что моряки — народ крайне суеверный. Они считают, что южные моря кишат чудищами и подводными рифами. Нет, люди неслучайно забыли о Безымянном острове.

— Даже при попутном ветре мы смогли бы добраться туда лишь за несколько дней, — задумчиво произнес Зароно, подпер голову рукой.

— Что это меняет? Девушка уже в наших руках. Какая разница, когда мы прибудем в Кордаву, — неделей раньше или неделей позже? Если мы сможем поднести Тот-Амону «Книгу Скелоса», дело можно будет считать сделанным, если же нет — всякое может случиться. К тому же я как-то не верю в то, что ты равнодушен к золоту. — Обычно бесстрастные глаза Менкары

истово горели.

Зароно почесал щеку. Магия магией, но Менкара, похоже, прав — они должны сделать все возможное для того, чтобы заручиться поддержкой повелителя магов. К тому же он, Зароно, не просто разбогатеет, но и вернет себя почет и уважение сограждан.

Темные глаза зингарца загорелись решимостью. Он вскочил на ноги и, выбежав из каюты, заорал:

— Ванчо!

— Да, капитан, — отозвался помощник.

— Мы меняем курс. Полярная звезда должна остаться за нашей кормой, мы идем на юг!

— В открытое море, сэр?! — с сомнением в голосе переспросил помощник.

— Тебе что — два раза повторять? Я же сказал — мы идем на юг!

Заскрипели блоки, зазвенели снасти, — «Петрель» поворачивал свои реи. Галеон резко менял курс.

Менкара вернулся в свою каюту и вновь принялся изучать карту. Древнее зловещее знание влекло его, как никогда прежде. Получив «Книгу Скелоса», Тот-Амон станет всемогущим. При желании великий стигийский маг сможет завладеть всем миром, об исполнении желания какого-то Вилагро можно и не говорить. Если же сыны Сета завладеют всем миром, то разве не вспомнят они о том, что обязаны этим ему, Менкаре?

Конан, неотрывно следивший за огнями «Петреля», понял, что галеон внезапно изменил свой курс, — теперь он шел не на юго-восток, а прямо на юг. Киммериец не знал ни о планах Вилагро, ни о притязаниях Менкары, ни о том, что на борту «Петреля» находилась принцесса Зингары Хабела. Ему было ведомо лишь одно — Зароно, похитивший карту у Нинуса, направлялся к Безымянному острову, с тем чтобы завладеть сокровищами. Причины, побудившие капитана «Петреля» резко изменить курс, Конана интересовали мало.

Огромный киммериец сбежал по вантам на палубу — ловкости его могли позавидовать и обезьяны.

— Зельтран!

— Слушаюсь, капитан!

— Шесть румбов направо! Не отстань от «Петреля»!

— Слушаюсь, сэр. Брасопить реи! Право руля!.. Левый борт — грузите брасы!.. Лево руля...

Так, так — теперь не спешите...

Конан стоял на шканцах, размышляя о том, что ждет их впереди. Теперь, когда берег остался позади, единственным ориентиром становилась Полярная звезда, по положению которой можно было судить о том, насколько далеко на юг или на север они продвинулись. Зароно, похоже, пока уверен в избранном курсе. Если же он заблудится в бескрайних просторах океана, та же участь будет ожидать и его, Конана, галеон.

Насколько было известно Конану, пустынные воды простирались на юг до самого края света. О том же, что лежит за ними, он и не думал гадать. В древних легендах говорилось о таинственных землях, неведомых материках, загадочных народах и странных чудищах.

Кто знает, быть может много в этих легендах было правдой. Меньше года прошло с той поры, как «Вастрель», которым тогда командовал угрюмый Запораво, обнаружил в западных морях неведомый остров, где сложили головы и капитан, и добная половина экипажа «Вастреля». В своей богатой приключениями жизни Конан вряд ли мог припомнить что-либо более зловещее и странное, чем Пруд Черного Владыки и козни его, владыки, диковинных слуг. Впереди же, похоже, киммерийца ждали опасности куда большие.

Конан вздохнул, но тут же рассмеялся. Кром! Человек умирает только раз — кой толк рассуждать о том, что может случиться с ним в этой жизни? Если на пути твоем возникнет что-

то ужасное, ты оголишь клинок и встретишь опасность лицом к лицу. Заранее готовить себя к этой встрече глупо. Там, на краю света, лежит Безымянный остров — ветры судьбы несут к нему галеон.

Глава 5

НА КРАЮ СВЕТА

Галеоны шли все дальше и дальше на юг. На рассвете «Вастрель» стал сбавлять ход, чтобы отойти от «Петреля» на расстояние, позволявшее ему оставаться невидимым для противника. Вот уже пять дней минуло с той поры, как «Петрель» взял курс на юг. С наступлением ночи расстояние между галеонами уменьшалось — «Вастрель» был легче и маневреннее и потому легко нагонял галеон Зароно.

«Вастрель» горделиво рассекал своим форштевнем теплые лазурные воды. То и дело над поверхностью моря появлялись стайки летучих рыб. Море было совершенно пустынно — за все время путешествия матросы не видели ни кораблей, ни лодок.

У горизонта появились облака. «Петрель» взял вправо, и через несколько часов моряки увидели на горизонте землю.

Забравшись на полубак «Петреля», Зароно стал разглядывать неведомый остров. Остров выглядел достаточно безобидно — темно-желтые пляжи, высокие пальмы с изумрудными листвами. О том же, что находилось за пальмами, можно было только гадать.

Вскоре к Зароно присоединился и Менкара. На его узкие плечи была накинута черная ряса.
— Вот мы и приплыли, — сказал он бесстрастно.

Зароно широко улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами.

— Да, жрец, кажется, ты прав. Нам осталось понять, где находятся сокровища и кто их охраняет — духи, демоны или парочка драконов... Надеюсь, ты сможешь отвести от нас беды, пока мы будем выносить сокровища из гробницы, или из тайника, или еще откуда-нибудь. Ванчо! Иди к тому заливу — там, похоже, достаточно глубоко...

Через четверть часа Зароно скомандовал:

— Бросить якорь! Убрать все паруса! Ванчо, спускай шлюпку за борт и подбери людей покрепче — мы высаживаемся на берег.

Команда засуетилась, и вскоре шлюп уже качался на волнах. Дюжина вооруженных до зубов зингарцев спустилась в лодку и заняли места на банках. Шлюпка пошли к берегу. Вскоре нос шлюпки завяз в песке у кромки прибоя. Матросы покинули ложку и потащили ее вглубь берега, подальше от набегающих пенистых волн. Боцман приказал людям рассредоточиться, и те, взяв в руки мечи и арбалеты, разошлись вдоль берега, встав лицом к пальмам. Несколько человек углубилось в заросли, но вскоре послышался крик, извещавший о том, что ничего опасного на берегу нет.

— Спускайте вторую лодку, — приказал Зароно.

В эту лодку сел сам Зароно; кроме Менкары здесь были еще восемь матросов. Ванчо остался на борту «Петреля».

Вторая лодка достигла берега так же быстро. Зароно подозвал людей к себе. Через несколько минут он, Менкара и большая часть матросов скрылись за пальмами. Троє пиратом были оставлены на берегу для охраны шлюпок: смуглый уроженец Шема с орлиным носом, черный великан их Куши и плешивый краснолицый зингарец.

Конан с интересом наблюдал за происходящим с марса «Вастреля». Его корабль так и остался незамеченным, хотя расстояние до «Петреля» было не слишком уж велико.

Какое-то время отряд Зароно молча продирался через густые прибрежные заросли. Слышно было лишь тяжелое дыхание людей, шелест листвы, удары сабель и мечей, перерубавших

спутанные лианы.

Было жарко и душно. Пот тек с пиратов рекой. Запах гниющих растений смешивался с экзотическими ароматами диковинных цветов, сиявших белым и алым среди темной зелени джунглей.

Зароно почувствовал и другой запах. Узнал он его не сразу. Волна отвращения обдала его, когда он понял природу этого запаха — так пахнут змеи. Выругавшись, он поднес к носу позолоченную шкатулку с ароматическими шариками, скатанными из лимонной цедры и корицы. Однако даже этот благоуханный аромат не смог заглушить резкого мускусного запаха. Немного поразмыслив, Зароно немало удивился этому обстоятельству. За время своих плаваний он посетил не один остров, но ни разу он не видел там змей.

Зной стал неимоверным — стволы пальм, перевитые цветущими лианами, стояли так плотно, что с моря к ним не долетало ни ветерка. Одежды Зароно потемнели от пота. Глядя на пышную зелень, окружавшую их со всех сторон, капитан обратился к Менкаре:

— Похоже, на твоем Безымянном острове, стигиец, нам ничто не угрожает, вот только запахи здешние мне не нравятся.

Менкара растерянно улыбнулся.

— Ты что, действительно ничего не замечаешь, Зароно?

Зароно пожал плечами.

— Жара здесь стоит несусветная, да пахнет премерзко — вот и все. Признаться, я ожидал встретить здесь что-нибудь эдакое, с когтями и рогами. Ни тебе духов, ни привидений. — Зароно смахнул сплюнул.

Менкара посмотрел на него испытующим взглядом.

— Как вы, северяне, тупы! А тебе не кажется, что на острове слишком уж тихо?

— Хм, — задумался Зароно. — Наверное, в твоих словах есть резон...

Зингарца неожиданно бросило в дрожь. Джунгли действительно были подозрительно тихи. На таком маленьком острове вряд ли могли обитать крупные животные, но куда же могли деться птицы, ящерицы и крабы? И почему не слышно шелеста пальм? Нет, все действительно молчало, словно некто незримый, затаившись, наблюдал за ними.

Зароно выругался, но тут же взял себя в руки. Его люди были слишком заняты, для того чтобы обращать внимание на подобные пустяки. Знаком приказав Менкаре держать язык за зубами, Зароно последовал за людьми, торившими путь по непролазным джунглям. Ощущение того, что кто-то следит за ними, не покидало его ни на минуту.

К полудню пираты достигли своей цели. Это казалось им странным — только что они были окружены непроходимыми джунглями, и вот они уже на совершенно открытом месте. Джунгли обрывались разом —казалось, некая незримая граница была поставлена им пределом. Внутри этой незримой границы, имевшей очертания круга, растительности практически не было — лишь несколько чахлых кустиков засохшей травы возвышалось над песчаной равниной. Менкара и Зароно обменялись многозначительными взглядами.

Посреди этой мертвой пустоши возвышалось таинственное сооружение, которое, судя по всему, и было целью их похода. Сооружение это могло быть чем угодно — могильником, усыпальницей, храмом, сокровищницей. Приземистое тяжелое строение было сложено из черного матового камня, который, казалось, поглощал все падавшие на него лучи, отчего трудно было разглядеть очертания этого сооружения.

Строение походило на огромный куб, стороны которого были образованы пересечением множества плоскостей и искривленных поверхностей. О симметрии говорить не приходилось, казалось, что зодчим этого странного куба был сам хаос — здесь не было ни одного одинакового элемента, более того, все сооружениеказалось случайным собранием того, что было присуще

разным странам в разные эпохи.

Черный храм — если только это было храмом — стоял перед ними, то и дело меняя свои очертания в колышущемся горячем воздухе. Смертельный леденящий ужас охватил Зароно. Вид черного куба повергал в такое смятение, что с ним не мог совладать и такой видавший виды разбойник, как Зароно. Пират застыл, пытаясь взять себя в руки, он силился понять: что же так испугало его, от чего сердце стало биться так часто и от чего так трудно дышать?

В черном храме было что-то странное. Никогда прежде Зароно не видел подобных строений. Даже населенные привидениями стигийские могильники не выглядели столь зловеще, как этот чудовищный черный куб. Строители храма создавали его по каким-то своим, отличным от земных канонов правилам, они использовали странные пропорции, достигая ведомых лишь им одним целей.

Лицо Менкары посерело — было видно, что он чрезвычайно озабочен. Жрец еле слышно забормотал:

— Так я и думал. Здесь совершалось страшное З'фаим. — Монах поежился.

— Кто бы мог подумать, что это зловещее действие создаст чары, которые сохранят силу и через три тысячи лет...

— Что ты хочешь этим сказать, пес смердящий?! — страх сделал Зароно грубым.

Стигиец перевел взгляд на капитана.

— Защитные чары, — прошептал он, — чары по-настоящему грозные. Если человек приблизится к храму, не прибегнув к чарам иного рода, своим присутствием он пробудит ту силу, что до времени спит в этом храме.

— Все понятно. Ну а теперь скажи мне: что это за чары иного рода и, главное, владеешь ли ты ими?

— Благодаренье отцу Сету — да, я владею ими. Об обитателях Валузии полулюдях-полузмеях почти ничего не известно. И все же того, что знаю я, достаточно. Но помни, сил моих надолго не хватит.

— Чего-чего, а этого можешь не бояться, за это время мы успеем и эту черную штуковину на корабль утащить, — прорычал Зароно. — Так что можешь приступать к делу.

— Тогда я попрошу вас — тебя и матросов — вернуться в лес и не смотреть в мою сторону, — сказал Менкарь.

Зароно повел пиратов обратно в чащу. Войдя в лес, они остановились, став спиной к прогалине. Менкарь запел, однако ни один из пиратов не понимал этой странной песни. О том, что происходило на поляне, они могли только догадываться. Свет, проникавший сквозь листву, становился то тусклее, то ярче, — казалось, что над ними кружатся огромные тени. Голосу стигийца стали вторить другие, нечеловеческие голоса, что звучали откуда-то сверху. Существам, которым эти голоса могли принадлежать, человеческая речь была явно чужда. Земля неожиданно сотряслась, и свет померк так, будто тяжелая туча заслонила собою солнце...

Раздался слабый голос Менкары:

— Идите!

Выйдя на прогалину, Зароно вздрогнул — стигиец явно постарел.

— Быстрее, — пробормотал Менкарь. — Мои чары будут действовать недолго.

Обливаясь потом, Зароно и Менкарь вошли в храм. В огромной зале, открывшейся их взорам, стоял полумрак — единственным источником света были распахнутые настежь храмовые врата.

В дальнем конце залы стоял огромный черный алтарь, над которым возвышался идол, выточенный из цельного серого камня. Идол этот походил одновременно и на человека, и на жабу; он сидел на алтаре подобно жабе, его обрюзгшее тело было покрыто бородавками.

Рот идола был полуоткрыт в безрадостной улыбке. Над двумя ноздрями-ямками был выложен полукруг, состоявший из семи круглых алмазов. Семь алмазных глаз идола слабо светились, отражая свет, проникавший в храм через врата.

Существо это показалось Зарону воплощением космического зла, он с трудом заставил себя отвести от него глаза. Перед алтарем лежало два полуистлевших кожаных мешочка. Сквозь прорехи одного из них что-то слабо мерцало — очевидно, это были драгоценные каменья. Присмотревшись, Зарону увидел, что каменья просыпались и на каменные плиты пола — они поблескивали чудесным созвездьем.

Под мешками лежала огромная книга, переплет которой был обтянут змеиной кожей, размеры змея, которому эта кожа могла принадлежать, трудно было себе представить.

Люди обменялись взглядами, исполненными торжества. Зарону осторожно поднял надорванный мешок и левой рукой крепко прижал его к груди; в правую руку он взял второй мешок. Менкара, кряхтя, поднял книгу и благоговейно прижал ее к себе. Глаза его засверкали. Стارаясь не шуметь, они вышли из храма, едва ли не бегом пересекли прогалину и наконец присоединились к людям, с нетерпением ожидавшим их в лесу.

— Скорее на корабль! — приказал Зарон.

Отряд заспешил к берегу по свежей просеке; людям не терпелось поскорее покинуть эту цитадель древнего зла, чья тень все еще парила над островом, люди спешили к ясному свету и свежему дыханию открытого моря.

Глава 6

ОГНЕННЫЕ ГЛАЗА

Страх и чувство гнева, владевшие душой принцессы Хабелы, сменились покоем. Она не понимала ни оттого, почему предатель Зароно восстал против своего короля и сжег его каравеллу, ни того, зачем он пленил ее. Ушел не только страх, теперь свободны были и ее руки.

Зароно запер ее в маленькой каюте, предварительно связав ее руки шелковым шарфом. Казалось, что тонкая полоска алого шелка для этих целей не подходит, — однако Зароно, научившийся искусству вязания узлов у бродячего вендинского фокусника, умудрился связать руки так, что самые искусные пальцы вряд ли смогли бы освободить затянутые узлы; сам же шелк, несмотря на всю свою легкость, был не менее прочен, чем сыромятная кожа. В обеденное время Зароно развязывал шарфик, но стоило принцессе покончить с трапезой, как руки ее вновь связывались. Отвечать на вопросы Хабелы Зароно отказался.

Никто даже не догадывался о том, что широкий пояс принцессы скрывал от посторонних глаз небольшой нож. В обычай знатных дам Зингары было постоянно иметь при себе клинок, с помощью которого в случае угрозы ее чести дама могла умертвить себя.

Находчивая принцесса распорядилась своей судьбой иначе. Превозмогая боль в запястьях, она умудрилась извлечь но из тайника. Вставив рукоять ножа в паз, вырезанный под иллюминатором, она сняла ножны и, сев к ножу спиной, принялась перерезать шелковые пути.

Сделать это оказалось не так-то просто, ибо, подходя к стене, она переставала видеть нож и потому то и дело резала себе руки. К тому времени, когда путы с ее рук спали, все они были залиты кровью. Но, как бы то ни было, руки наконец были свободны.

Хабела извлекла но из паза и, вложив в ножны вновь спрятала его под поясом. Окровавленными шелковыми лентами она перевязали кровоточащие запястья.

Но как же сможет она воспользоваться вновь обретенной свободой? Она знала о том, что Зароно покинул корабль, ибо слышала команды, отдававшиеся им. На корабле оставалось всего несколько человек, но что она могла сделать, если дверь каюты была заперта снаружи, а охранял ее дородный детина?

Хабела подошла к иллюминатору, за которым плескались лазурные волны; вдали виднелись песчаный пляж и зеленые опахала пальм.

К счастью для принцессы, она не была избалована настолько, насколько бывают избалованы дети знатных вельмож. То, на что она решилась, вряд ли могло прийти в голову девушкам ее возраста. Открыв оконную створку, принцесса подобрала края своего платья и заткнула их за пояс, обнажив колени. Внизу лениво колыхалось море, от иллюминатора до поверхности воды было никак не меньше четырех метров.

Хабела осторожно выбралась наружу, свесила ноги вниз и наконец разжала руки. В воду она вошла почти бесшумно. После духоты и зноя, стоявших в каюте, вода показалась ледяной. Почти тут же заныли раны на запястьях.

Хабеле нельзя было медлить. В любую минуту праздные матросы помогли подойти к борту корабля и увидеть ее. Прямо над собою принцесса видела высокую корму галеона, поблескивавшую стеклами иллюминаторов, еще выше виднелись вершины мачт, тихо покачивавшиеся на фоне безмятежно-голубого неба.

У поручней не было ни души. Принцесса поняла, что держаться ей следует за кормой; если же она поплынет к носу, ее тут же заметят со шкафута.

Плыть ей пришлось долго. Хабела поплыла на спине, считая, что так ее труднее будет заметить. Помня о том, что ей следует оставаться за кормой, она поплыла вдоль берега, время от времени отдыхая, лежа на воде.

Отдалившись от «Петреля» на приличное расстояние, она перевернулись на живот и быстро поплыла к берегу.

К тому времени, когда она почувствовали под ногами песчаное дно, ее уже была крупная дрожь. Собрав остаток сил, она вышла на берег и, оставив позади узкую полоску пляжа, рухнула наземь.

Кто знает, думала принцесса, быть может, ей лучше было оставаться на корабле, ведь об острове этом она ничего не знает. В любую минуту Хабела могла вернуться к Зарону, отдав тем самым предпочтение злу более-менее знакомому. Однако поступать так было не в ее правилах. Принцесса решила препоручить свою судьбу Митре, а там — будь что будет.

Восстановив силы, она поднялась на ноги и побрела вдоль брега. Ходить босиком ей почти не доводилось, и потому каждый шаг давался с трудом. С моря дул свежий ветерок; мокре, тяжелое платье обжигало принцессу холодом. Хабела сняла пояс и сбросила с себя одежду. Хорошенько отжав платье, она разложила его на папоротниках. С помощью ножа она оторвала от платья узкую полоску ткани и, разрезав ее пополам, обмотала ступни.

Платье быстро высохло. Одевшись и взяв в руку нож, принцесса направилась в глубь острова.

Зеленый свод сомкнулся у нее над головой. Приторный запах гниющих листьев и аромат тропических цветов щекотали ей ноздри. Шершавые стволы пальм и колючие лианы больно ранили ее, оставляя на руках и ногах длинные царапины.

Чем дальше в глубь острова шла Хабела, тем реже становились заросли. Ветерок сюда уже не долетал. Не было слышно ни звука, и эта тишина почему-то казалась принцессе зловещей. Сердце забилось чаще.

Споткнувшись о корень, принцесса упала. Она попыталась было подняться на ноги, но тут же поняла, что на это у нее не хватит сил, — тело отказывалось подчиняться. Собрав все силы, Хабела заставила себя встать и тут же увидела прямо перед собой массивную темную фигуру человека, глаза которого горели огнем. Она вскрикнула, попятилась назад и тут же вновь упала наземь. Незнакомец ринулся к ней.

Конан задумчиво смотрел вдаль. Далеко впереди, у самого острова, покачивался на волнах «Петрель», галеон Зарона. Киммериец повернулся к Зельтрану:

— На борту осталась только часть экипажа — мы можем захватить вражеский галеон и тем отрезать Зарону путь к отступлению. Что ты на это кажешь, а? — Киммериец торжественно улыбнулся, словно уже стоял на борту вражеского корабля.

Зельтран покачал головой.

— Нет, капитан, мне ваша идея не очень нравится.

— Но почем?! — недоуменно воскликнул Конан. Его варварская натура жаждала боя, атаки; долгие годы скитаний так и не приучили его к осторожности. Маленький же зингарец был осторожен, расчетлив и прозорлив,

— советам его цен не было.

Живые глаза Зельтрана посмотрели на Конана в упор.

— Потому, мой капитан, что мы не знаем, сколько людей Зарон отставил на галеоне. Его команда куда больше нашей.

— Клянусь Кромом, я собственноручно справился бы с половиной этих вояк! — воскликнул Конан.

Помощник принял пощипывать скудную бороденку.

— Так-то оно так, сэр, вы действительно стоите дюжины воинов. Да вот только все остальные вряд ли станут сражаться с такой же решимостью.

— Да почему же?

— Обе команды занимаются пиратством, верно? Более того, обе команды в основном состоят из зингарцев. Так зачем же наши люди будут проливать кровь своих братьев, если у них нет на то особой причины? «Петрель» куда выше «Вастреля», и потому команда Зароно легко сможет отбить все наши атаки. Вы забываете еще об одном немаловажном моменте — помните ту катапульту, что стоит на полубаке? И еще — насколько я помню, мы отправились в плавание, с тем чтобы завладеть сокровищами, а вовсе не для того, чтобы услаждать себя потасовками, исход которых более чем сомнителен. Я предлагаю обогнать остров и высадиться на нем с противоположной стороны. Тогда мы сможем опередить Зароно и отыскать сокровища прежде, чем это сделают его люди. Если же они обгонят нас, мы сможем напасть на них и завладеть их добычей...

Конан вздохнул и нехотя согласился со своим помощником:

— Брасопить реи! Мы идем к северной оконечности острова! — мрачно скомандовал он.

В конце концов он был на корабле не один; под его началом были люди, о которых ему надлежало заботиться не меньше, чем о самом себе. О, как хотелось ему вновь стать вольным искателем приключений!

Через несколько часов «Вастрель» бросил якорь у восточного берега Безымянного острова. На воду были спущены все шлюпки, и вскоре люди Конана были уже на берегу.

Покачивая саблей, огромный киммериец рассматривал пустынные пляжи и встававшую за ними стену деревьев. Остров производил крайне мрачное впечатление — повсюду сверкало солнце, однако, казалось, что остров погружен в тень.

Оставив на берегу двух пиратов, Конан повел свой отряд в глубь острова.

Вскоре отряд уже был на круглой прогалине. Взглядам людей открылась пустошь, кое-где поросшая жухлой травой. Стоя на опушке леса, Конан внимательно осмотрел поляну. Он не заметил никаких признаков жизни; если враг и поджидал их, то таиться он мог только в джунглях или в черном призметистом храме, стоявшем посередине прогалин.

Вид храма Конану сразу же не понравился. От этого странного черного строения исходило нечто настолько зловещее, что даже ему, Конану, стало не по себе. Он вдруг почувствовал, что волосы на его голове встали дыбом. Теперь он нисколько не сомневался в том, что храм этот строился не людьми, но неведомыми темными силами.

Возможно, его создатели легендарные жители Валузии — полулюди-полузмеи, — подумал киммериец. Странные очертания, непонятные украшения, голая земля вокруг храма — все это напомнило храм, виденный им много лет назад в стране Куш. Считалось, что строили тот храм не люди, но те, кто жили на Земле задолго до них.

Ему хотелось поскорее покинуть это страшное место, но он помнил о том, что там в храме, находится то, ради чего он приплыл сюда. Конан обратился к своим людям:

— Спрячьтесь в лесу и смотрите в оба — в таком месте всякого можно ожидать.

Сжав в руке эфес меча, Конан стремительным шагом пересек прогалину и исчез в храме.

Из врат храма веяло могильным холодом. Окинув взглядом идола по-жабьи восседавшего на огромном алтаре, Конан перевел глаза на пол и на мгновенье замер.

Если сокровища здесь и были, то Зароно уже завладел ими. На пыльных полах храма ясно были видны следы двух людей. Один из людей был обут в матросские ботинки, второй — в сандалиях.

«Зароно и его спутник», — подумал Конан.

Часть пола перед алтарем была свободна от пыли, здесь же поблескивало несколько

камешков, оброненных Зароном.

Вслух выругавшись, Конан решил подобрать эти камешки. Кто бы мог подумать — Конан, подобно шакалу, подбирает объедки, оставленные львом Зароном! Еще раз выругавшись, киммериец уже было наклонился за камешками, но тут что-то заставило его посмотреть наверх.

Каменный идол ожила. Семь алмазных глаз его вспыхнули зеленым пламенем. Повернув голову чудовище уставилось на Конана.

Глава 7

КАМЕННАЯ ЖАБА

— Клянусь Кромом! Он живой! — воскликнул Конан, не в силах скрыть своего изумления.

Казалось, что покрытое бородавками каменное чудище только что пробудилось ото сна, — потягиваясь, оно двигало своими пухлыми конечностями.

Не отрывая глаз от жертвы, идол подполз к переднему краю алтаря и с грохотом сверзился вниз, туда, где поблескивали оброненные Зароном изумруды.

Приземлившись на четырехпалые лапы, чудище тут же двинулось на Конана

— неуклюжим оно только казалось, движения же его были на удивление проворны. Огромное, словно б, чудище приближалось; горящие зеленым пламенем глаза его были на одном уровне с глазами Конана.

Киммериец было поднял меч, но тут же одумался. Судя по тяжести шагов идола, он действительно был слоен из камня, пусть камень этот и ожила. Стальной клинок не причинил бы ему никакого вреда; сражаться с этим каменным зверем было бы бессмысленно.

Поняв, что мешкать больше нельзя, Конан отскочил назад и выбежал на прогалину. Уже не таясь, он закричал:

— Бегите! Бегите к кораблю!

Крики, полные изумления и ужаса огласили поляну, кода люди увидели, что из храма выскочила гигантская каменная жаба, преследовавшая их капитана. Повторять команду Конану не пришлось. Зашуршили листья пальм, затрещали ветви, — пираты помчались назад, к берегу. Каменное чудище ринулось за ними, ничуть не уступая людям в скорости. Конан приостановился и, завладев внимание идола, побежал в другую сторону.

— Что я вижу? Откуда здесь эта девица? Клянусь грудью Иштар и брюхом Дагона — на этом треклятом острове не соскучишься!

Незнакомец говорил хриплым, грубым голосом; судя по произношению, он был уроженцем Аргоса. Хабела очнулась — как ни странно, человеческий голос подействовал на нее успокаивающе. Затаив дыхание, она приняла руку высокого незнакомца и, как не силен был страх, позволила ему помочь ей подняться на ноги. Незнакомец заговорил вновь:

— Деточка, неужели я тебя испугал? Разрази меня гром, если у меня в мыслях было хоть что-то дурное. А теперь скажи, мне: как ты оказалась на том забытом богом острове?

Когда первый страх поутих, Хабела разглядела незнакомца получше — это был юный рыжеволосый гигант, одетый в видавшие виды матросское платье. Он ничуть не походил на тех головорезов, которыми командовал Зарон, — кожа его была очень светлой, ясные голубые глаза смотрели прямо, волосы и борода отливали золотом. Хабела решила, что перед ней северянин.

— Зарон, — едва выговорила принцесса, не в силах совладать с усталостью. Ее покачивало, — если бы не сильная рука рыжеволосого моряка, Хабела вряд ли устояла на ногах.

— Зарон? Эта грязная свинья? Выходит, он уже девиц стал воровать? Ох и мерзавец же он! Теперь ты можешь его не бояться — клянусь рогом Хеймдаля и мечом Митры, я помогу тебе. Тебя защитят мои люди.

Из-за кустов внезапно послышался треск; северянин резко развернулся и схватился за эфес своего огромного меча. Детина, выскочивший из подлеска, сделал несколько шагов, но, заметив людей, застыл. К изумлению Хабелы, человек этот был ей знаком.

— Капитан Конан! — закричала принцесса.

Конан пригляделся получше. В нескольких шагах от него стояли дюжий рыжеволосый моряк, сжимавший в руке меч, и темноволосая девушка в изодранном платье. Девушку эту он где-то уже видел, но сейчас ему было явно не до нее.

— Бегите! — закричал Конан. — За мной гонится чудище из храма! Сейчас не до разговоров!

И тут же, словно в подтверждение его слов, из-за кустов вновь послышался треск, но на сей раз он был куда громче.

— Живее! — закричал Конан и, схватив принцессу за руку, побежал по тропке. Северянин поспешил вслед за ними. Вскоре чудище, преследовавшее их, осталось далеко позади. Когда люди остановились для того, чтобы отдышаться, Конан спросил у северянина:

— Неужели на этом проклятом острове нет ни холмов, ни скал? Каменная жаба вряд ли умеет лазать по горам.

— Клянусь Копьем Одина капитан, чего-чего, а холмов здесь нет, — ответил раскрасневшийся и запыхавшийся юноша. — Всюду одно и то же. Северо-восточный мыс заканчивается утесом, но он нам вряд ли подходит — со стороны острова склоны у него слишком уж пологие. Туда не то что жаба, туда и младенец подняться сможет... Смотрите, этот истукан уже совсем рядом!

— Веди нас на свой утес, — приказал Конан. — Похоже, я кое-что придумал.

Северянин пожал плечами и побежал первым. Вскоре принцесса ослабла настолько, что не могла уже не то что бежать, но и идти. Конан взвалил ее себе на плечи и, не сбавляя шага, стал догонять северянина. Позади слышался треск ломающихся деревьев.

Примерно через час, когда солнце уже клонилось к горизонту, они почувствовали, что начался подъем. Вскоре стал виден и сам мыс, напоминавший нос корабля. Конан вспомнил о том, что видел этот утес с палубы «Вастреля», когда тот огибал северную оконечность островов.

Теперь девушку нес северянин. Он бежал бок о бок с киммерийцем и, похоже, ничуть не уступал ему ни в силе, ни в выносливости. Джунгли остались позади, теперь беглецы поднимались по голому склону теса. Одолев половину пути до вершины, северянин опустил Хабелу за землю и на минуту остановился, чтобы хоть немного перевести дух. Он и Конан обернулись, пытаясь понять, насколько отстала от них каменная жаба.

Судя по треску и по тому, как неистово раскачивались вершины деревьев, каменный демон был совсем рядом.

— Именем Крома и Митры, скажи мне — в чем состоит твой план? — с трудом выговорил рыжеволосый моряк, который никак не мог отдышаться.

— К вершине! — проревел Конан и заспешил вверх по склону. Он добежал до самого края утеса и посмотрел с его вершины вниз где ревело и ярилось среди черных остроконечных скал беспокойное море. Меж черными каменными зубьями поблескивала вода.

Хабела обернулась назад и вскрикнула — каменная жаба выбралась из джунглей и, тут же, увидев тройку беглецов, стала быстро взбираться по склону.

— Теперь мы загнаны в угол, — пробормотал северянин. — Похоже, мы свое отплавали.

— Не спеши, — буркнул Конан и изложил суть своего плана.

Тем временем каменная жаба подбиралась все ближе, семь круглых глаз ее ярко сверкали в лучах заходящего солнца. Если раньше чудище ползло, то теперь оно прыгало по-жабы. От каждого прыжка сотрясалась земля. Жаба была уже совсем близко; в предвкушении добычи рот ее оскалился.

Конан поднял с земли несколько камней.

— Пора! — закричал он.

По этой команде Хабела побежала вдоль обрыва в одну сторону, а рыжеволосый моряк — в

другую. Конан же продолжать стоять на вершине утеса.

Жаба замерла и принялась водить своими круглыми зелеными глазами, выбирая жертву.

— Давай! — закричал Конан и метнул камень. Булыжник с сухим треском отскочил от жабьей головы. За первым камнем последовал второй — он угодил прямо в зеленый глаз чудища и отлетел высоко вверх. Зеленое пламя, освещавшее этот глаз изнутри, тут же погасло. Не успел Конан метнуть третий камень, как чудище ринулось к нему. Один-единственный прыжок отделял каменную жабу от вершину утеса. Каменная жаба раскрыла свою ужасную пасть еще шире.

Как только жаба изготовилась для прыжка, Конан развернулся лицом к морю и головою вперед прыгнул с утеса. Прыжок тот был выполнен безукоризненно — тело киммерийца вошло в прохладные воды крошечной лагуны окруженной со всех сторон щерящимися зубцами черных скал. Вынырнув, Конан посмотрел наверх.

Чудище тяжело плюхнулось на самый край утеса, в то самое место, где только что стоял Конан. Вниз сорвался град каменьев. Вершина стала обсыпаться; передние лапы жабы съезжали все ниже и ниже. Какое-то время жаба еще удерживалась на кромке обрыва, пытаясь отползти назад, но тут камни под ней рухнули, и она сорвалась вниз. Со страшным грохотом каменное тело упало к самому подножью утеса.

Конан вышел из воды и, взмахнув головой, отбросил назад мокрые волосы, лежавшие в глаза. Из бока и бедра его сочилась кровь — попасть точно в центр лагуны ему все же не удалось, и он содрал кожу о подводные камни. Не обращая внимания на боль, киммериец пытался отыскать взглядом останки каменного чудища.

Камень, даже ожив, остается камнем. Жаба разбилась на сотню кусков, разлетевшихся далеко вокруг. В одном из камней Конан признал ногу чудища, в другом — голову. Прочие же камни были настолько похожи друг на друга, что казалось, ни лежат здесь уже вечность.

Прыгая со скалы на скалу, Конан добрался до подножья утеса и полез наверх, выбирая себе путь поудобнее. Наконец он вновь оказался наверху, рядом со своими неожиданными спутниками. Рыжеволосый моряк задумчиво смотрел вниз, на останки чудовищной жабы.

— Клянусь когтями Нергала и нутром Мардука — чисто сработано! Думаю, теперь, когда все опасности позади, настало время и познакомиться. Я — Сигурд из Ванахейма, честный моряк, оказавшийся на этом острове волею судеб. Наш корабль разбился о прибрежные рифы, команде же моей, благодаренье богу, удалось спастись. Теперь говорите — кто вы?

Конан, прищурившись, разглядывал принцессу.

— Клянусь Кромом! — воскликнул он вдруг. — Неужто ты — Хабела? Дочь Фердруго?

— Да, — ответила принцесса, — и тебя я тоже знаю. Ты — капитан Конан.

Там, в лесной чаще, она уже называла его по имени, теперь же у нее не оставалось никаких сомнений в том, что перед нею именно он, капитан Конан. Только не подумайте, что в Зингаре капитаны пиратских галеонов просто общались с принцессами, — нет, просто Конан был фигурой слишком уж заметной. Хабелу же киммериец видел разве что во время празднеств, парадов и прочих торжественных церемоний, которые проводились в Кордаве едва ли не каждый день.

Большая часть добытого Конаном за время путешествий попадала в королевскую казну, и потому Фердруго не мог не принимать у себя бравого капитана. Длинноногий, широкоплечий, бесстрастный киммериец запомнился принцессе; да и он признал ее едва ли не сразу, несмотря на то, что одежда принцессы была изорвана, волосы растрепаны, а лицо исцарапано.

— Принцесса, бога ради, скажи мне — ты что здесь делаешь? — спросил недоумевающий Конан.

— Принцесса?! — воскликнул изумленно Сигурд. Румянец на его лица стал еще гуще; он потрясенно разглядывал полунагую девушку, с которой был так неучтив и груб. — Клянусь

бородой Имира и огнем Ваала, Ваше Высочество, знал бы, с кем имею дело, я вел бы себя совершенно иначе! Я-то, помнится, «деткой» вас назвал, а вы, оказывается, вон каких кровей будете... — Сигурд опустился перед принцессой на колено и взглянул на Конана, который, улыбаясь, следил за происходящим.

Хабела ответствовала:

— Встань, капитан Сигурд, и больше не вспоминай об этом. О каком этикете сейчас можно говорить? Лучше скажи — знаком ли ты с капитаном Конаном, вторым моим спасителем?

— Конан... Конан, — задумался Сигурд, — Конан-киммериец?

— Верно, — пробурчал Конан. — Ты что — слышал обо мне?

— Да. Многое рассказывали о тебе в Тор... — Сигурд замолчал на полуслове.

— Ты хотел сказать — в Тортаге? — спросил Конан. — Я сразу понял, что в тебе есть что-то барахское. Когда-то я тоже водил в Братство, но потом вышел из него — уж слишком сомнительными делами оно стало заниматься. Теперь я капитан «Вастреля», капера, состоящего на службе у короля Зингары. Как ты считаешь, сможем мы сойтись?

— Клянусь рыбьим хвостом Ллира и молотом Тора! Мы будем друзьями! — сказал ванир, пожимая Конану руку. — Куда труднее будет удержать от ссоры наших людей. Большинство моих людей — аргосцы, твои же люди, уда по всему,

— зингарцы, — они в один миг перегрызут друг другу глотки. Ни ты, ни я не принадлежим к этим народам, потому и упрекать нам друг друга не в чем.

— Это верно, — согласился Конан. — Но скажи, — как же вас занесло сюда?

— У южного берега этого треклятого острова мы напоролись на рифы. Нам удалось спасти почти все имущество и провиант, но капитан наш заболел и вскоре умер. Я был его помощником и потому вот уже месяц выполняю его обязанности. И все это время мы занимались одним единственным делом — сколачивали такой плот, что мог бы доплыть до большой земли.

— Ты что-нибудь знаешь о черном храме?

— Конечно, знаю — и я, и мои люди видели его не раз. От него веет таким злом, что мы туда и близко не подходили. — Сигурд посмотрел на запад

— красный диск солнца уже касался края синих вод. — Можете считать меня кем угодно, но все эти прогулки по джунглям и сражения с чудищами вызывают у меня только одно желание — желание выпить. Позвольте пригласить вас в наш лагерь — надеюсь, там найдется то, чего так страждают наши истомившиеся души, — я говорю о вине. Его осталось немного, но, думаю, сегодня мы его заслужили.

Глава 8

КОРОНА КОБРЫ

Зароно был вне себя от ярости, когда, вернувшись на борт «Петреля», он услышал о том, что Хабела исчезла. Он приказал килевать тех матросов, что несли вахту на юте и у каюты принцессы.

На следующие утро еще до рассвета все его люди вновь высадились на берег. Целый день команда Зароно прочесывала остров, пытаясь отыскать принцессу, без которой планы заговорщиков теряли какой-либо смысл. Пиратам удалось обнаружить лишь несколько клочков ткани, свидетельствующих о том, что принцесса побывала на острове, однако ее самой, похоже, здесь уже не было.

Была обнаружена и стоянка людей Сигурда, но, опять-таки, стоянка была, а люди отсутствовали — барахских пиратов и след простили.

На исходе дня сбитый с толку и злой, как никогда, Зароно вернулся на «Петрель».

— Менкара! — заорал он.

— Слушаю тебя, Зароно.

— Если твое колдовство хоть чего-то стоит, пришло время к нему прибегнуть. Покажи-ка мне, где теперь эта проклятая девчонка!

Вскоре Зароно уже сидел в своей каюте и смотрел на то как стигиец продевает уже знакомые ему процедуры. Угли в жаровне зашипели, и колдун запел:

— Яо, Сетеш...

Облако зеленого дыма стало уплотняться, и через несколько мгновений Зароно увидел перед собой морскую ширь. По спокойному морю тихо плыл небольшой изящный галеон. Все паруса его были подняты, но ветер был настолько слаб, что судно почти не двигалось.

— Конановский «Вастрель» попал в штиль, — сказал Зароно, когда видение померкло. — Хотел бы я знать — куда же он направляется?

Менкара развел руками.

— Для этого моего умения недостаточно. Если бы солнце стояло над горизонтом, я мог понять хотя бы то, в каком направлении движется галеон. Сейчас же, увы...

— Ты хочешь сказать, — взорвался Зароно, — что мы не сможем узнать даже этого?!

— Тогда скажи мне — видел ли ты принцессу?

— Нет. Но я несколько не сомневаюсь в том, что и она на «Вастреле», иначе мы его не увидели бы. Скорее всего, она спит в одной из кают.

— Знать бы об этом наперед, я бы вел себя с ней иначе, — проворчал Зароно. — И что же мы теперь будем делать?

— «Вастрель» мог пойти к берегам Куша, но, скорее всего, он направился назад, в Кордаву. Этот самый капитан Конан явно захочет доставить ее туда побыстрее — можно себе представить, сколько ему за это отвалит король.

— Если мы пойдем прямо на север, мы успеем перехватить их — или нет? А, Менкара?

— Думаю, что не успеем. Океан слишком велик. Помимо прочего, мы точно так же можем попасть в штиль, верно? И еще — они могут поплыть и к нему, ведь Асгалуном правит брат короля Товарро. Мы слишком мало знаем о них. И ты, Зароно, забываешь о главной нашей цели.

— Девка и сокровища — вот и все наши цели!

— Ты забыл о великом Тот-Амоне. Если мы заручимся его поддержкой, нас уже не будет

волновать то, вернется принцесса в дом отца или не вернется. Король магов управляет событиями так же легко, как кукольник управляет своими марионетками. Нам следует плыть на северо-восток, к берегам Стигии. Если при этом мы нагоним корабль Конана, будем считать, то нам повезло, если нет — расстраиваться не стоит.

Бросив якорь у берегов Стигии, Зароно отправился в глубь этой пустынной страны. Половина команды была оставлена на «Петреле», вторая половина, вооружившись до зубов, отправилась на берег вместе со своим капитаном. Караванщики заломили такую цену, что у скрученного Зароно глаза на лоб полезли, — но что было делать, иначе он не смог бы попасть к Тот-Амону.

Как и большинство моряков, Зароно крайне неуютно чувствовал себя на берегу. Он казался себе беззащитным, ему постоянно чего-то не хватало. Пустыня напоминает море, как ничто другое на земле; но и она была совершенно чужда Зароно. Ему не нравилась ни мерная покачивающаяся походка своенравных верблюдов, ни сухой воздух, от которого пересыхала глотка.

Но что делать, он должен был все это терпеть. На третий день пути на горизонте появился Оазис Хаджар. Вокруг странного черного озерца неподвижно стояли темные пальмы. За ними угадывались очертания сооружения, имевшего весьма внушительные размеры.

Путники осторожно приблизились к Оазису. Возглавлял процессию Менкара, ряса которого ясно указывала на его принадлежность к храму Сета.

Оазис казался совершенно мертвым. Странников никто не встречал, более того — не было слышно и птичьего пения. На краю Оазиса путники остановились. Послушные погонщикам верблюды легли на песок. Зароно обратился к боцману:

— Следи за погонщиками. Эти псы, похоже, чем-то напуганы — как бы они от нас не удрали.

Дальше Зароно и Менкара шли уже пешком. Они обогнули мрачное черное озеро и подошли к большому строению. Озеро показалось Зароно зловещим. Его черные, словно уголь, воды поблескивали в лучах полуденного солнца. Местами поверхность озера была покрыта маслянистой радужной пленкой, постоянно меняющей свой цвет. На берегу стоял большой красноватый камень, формой своей напоминавший алтарь. Верхушка камня была покрыта бурыми пятнами. Зароно побледнел — похоже, из этого черного озера время от времени выходит тот, кому приносятся кровавые жертвы; Зароно был не робкого десятка, но от этой мысли ему стало страшно.

Озеро осталось у них за спиной. Они стояли перед входом в здание, сложенное из массивных блоков красноватого песчаника. Скорее это был не дом, но дворец, — уж слишком велико было здание. Судя по тому, как были источены ветром его стены, можно было понять, что здание этоостояло уже не одну сотню лет.

Для чего воздвигалось это сооружение, сказать было невозможно. Зароно, обхевавший едва ли не весь свет, никогда не видел иероглифов, подобных тем, то украшали арку над вратами. Здание выглядело донельзя просто и строго, если оно на что-то и походило, то разве что на пирамиды близ затерянного в пустыне Кеми. Жильм его назвать было невозможно, скорее оно напоминало усыпальницу.

Раскрытые врата подходили на развернутую пасть угрюмого чудища, затаившегося среди песков. Ни минуты не колеблясь, Менкара шагнул внутрь и рукою начертал в воздухе таинственные знаки. К ужасу Зароно, неосязаемые линии, проведенные перстами жреца, на мгновенье вспыхнули зеленоватым призрачным пламенем.

Тишину, стоявшую в здании, не нарушил ни единий звук — здесь не было ни стражей, ни слуг. Менкара осторожно двинулся вперед, Зароно не оставалось ничего иного, кроме как

следовать за ним.

Коридор заканчивался ведшим вниз лестничным маршем, ступени которого были истерты до такой степени, что на них почти невозможно было удержаться. Вскоре спуск закончился; миновав небольшой коридор, путники вошли в просторную залу.

Зловещий зеленоватый свет лился от ламп, поддерживаемых медными змеями. В этом неверном изумрудном свете можно было разглядеть два ряда могучих колонн, украшенных теми же знаками, что были начертаны на надвратной арке. Колоннада вела к трону, выточенному из черного блестящего камня, на котором сидел человек. Вскоре путники уже стояли перед ним.

На троне восседал смуглый широкоплечий великан, надменно смотревший на нежданных гостей. Голова его была обрита наголо. Темные глаза странно поблескивали. Он был одет в простую белу рясу, сшитую из грубой парусины. Единственным украшением этого человека было кольцо, надетое на один из пальцев правой руки, — медная змейка, трижды обвивавшая палец, кусала себя за хвост.

Строгая простота здания и отсутствие украшений на одеяниях великого мага как нельзя лучше раскрывали натуру Тот-Амона. Для этого человека мирские богатства и красоты были чем-то ничего не значащим. Он желал и искал только одного — власти над людьми.

В нескольких шагах от трона они остановились.

— Приветствуя тебя, Менкара! — зычным голосом обратился к жрецу маг.

Менкара стал на колени и поклонился, коснувшись лбом темных каменных плит пола.

— По милости Отца Сета я прибыл сюда, о владыка! — еле слышно пробормотал жрец.

Тот-Амон страшил не только Зароно, жрец тоже трепетал перед ним. От этой мысли пирата бросило в пот.

— Что за зингарец стоит рядом с тобой? — спросил Тот-Амон.

— Это капитан пиратского галеона Зароно, о владыка. Он прибыл сюда как посланник Вилагро, герцога Кордавского.

Холодные змеиные глаза посмотрел на Зароно в упор. Зароно показалось вдруг, что разум этого человека настолько далек от всего земного, что людская суeta может разве что раздражать его.

— И что же нужно Зингаре от меня, а мне от Зингары? — вкрадчивым голосом спросил Тот-Амон.

Менкара открыл уже было рот, но тут Зароно решил, то пришло время брать ело в свои руки. Он сделал шаг вперед и опустился перед троном на колено. Достав из кармана камзола письмо Вилагро, Зароно передал его Тот-Амону. Маг положил письмо себе на колени, так и не взглянув на него.

— О величайший из магов, — начал Зароно, — я пришел сюда, с тем чтобы от лица герцога Кордавского выразить вам всяческое почтение и нижайше попросить вас о небольшой услуге, за которую герцог готов щедро расплатиться. О том же, в чем именно состоит та услуга, вы сможете узнать из письма.

Тот-Амон так и не развернул пергаментного свитка — казалось, он уже был знаком с его содержимым. Презрительная улыбка заиграла на его губах.

— Я занимаюсь серьезной магией, — процедил маг сквозь зубы. — Золото Вилагро меня нисколько не интересует. Что же касается низвержения культа Митры и восстановления веры Отца нашего Сета, то это мне по душе.

— Это еще не все, о владыка! — сказал Менкара, доставая из-под рясы «Книгу Скелоса». — В знак серьезности намерений герцога мы просим вас принять из наших рук сей дар. — Он возложил древний манускрипт к ногам Тот-Амона.

Тот-Амон щелкнул пальцами, и книга, взлетев в воздух, раскрылась и мягко легла ему на

колени. Маг лениво перевернул несколько страниц и вновь обратил свой взор на Менкару.

— Подарок действительно редкостный, — сказал он — Я и не думал, что существует третья копия. Впрочем, быть может, вы ограбили Аквилонское книгохранилище?

— Нет, о владыка, — ответствовал Менкара. — Нам посчастливилось найти эту книгу в западных морях, на Безымянном острове...

Менкара неожиданно замолк, почувствовав, что мрачный гигант, восседавший перед ними, внутренне напрягся. Холодное пламя заплясало в его черных змеиных глазах. От трона повело лютым холодом. Зарено никак не мог взять в толк, чем же они разгневали великого мага.

— Что еще взяли вы у алтаря Цатогуа, бога-жабы? — спросил Тот-Амон. Слова его были мягки и вкрадчивы, словно меч, вынимаемый из ножен.

Менкара смущился.

— Ничего, о ужасный владыка, — книгу да пару мешочеков с каменьями...

— Ты говоришь о тех мешочках, что лежали на книге?

Менкара кивнул, не в силах вымолвить ни слова.

Тот-Амон поднялся на ноги; глаза его заблистали адским огнем. Зала озарилась ярким сиянием. Громовым голосом маг произнес:

— Вы, жалкие черви! И эти идиоты служат мне, Тот-Амону! О Сет, дай мне слуг не столь глупых! Аи кан-фог, яаа!

— О великий! О повелитель магов! Чем же мы могли тебя разгневать? — запричитал Менкара, пав ниц перед своим господином.

Могучий стигиец устремил на гостей взор, исполненный гнева. Громоподобный голос сменился змеиным шипением.

— Знайте, глупцы, что под каменным идолом было скрыто то, что куда дороже земных богатств, о, в сравнении с чем «Книга Скелоса» — жалкий клочок бумаги! Я говорю о короне Кобры!

Зарено вздрогнул. Ни единожды он слышал истории об этом священном талисмане жителей Валузии, равного которому не было на всей земле, — эта корона змеиных королей некогда позволила им захватить всю Землю. Они взяли лишь книгу и каменья, главное же сокровище осталось на острове!

Глава 9

И СНОВА ВЕТЕР

Штиль, застигший «Вастрель» неподалеку от Безымянного острова казался нескончаемым. Моряки сидели вдоль борта и от нечего делать ловили рыбу. В полукабелтьеве от «Вастреля» гребцы шлюпса, связанного с галеоном тросом, потели на весла, пытаясь вывести корабль из мертввой зоны.

Конан ругался на чём свет стоит и призывал своих свирепых киммерийских богов, однако и это ему не помогало — паруса так и оставались безжизненными. Южная часть горизонта была затянута тучами, по ночам там сверкали молнии; здесь же небо было совершенно ясным, а воздух — недвижным.

Огромный киммериец уже начинал волноваться. Теперь его мог нагнать корабль Зароно, если только ему больше повезло с ветром. Впрочем, зингарец мог поплыть и совсем в ином направлении — этого тоже нельзя было исключить.

Проблем на «Вастреле» хватало и без Зароно. С одной стороны, подходил к концу запас провианта и пресной воды. С другой — на корабле кроме его команды была и команда Сигурда. Конану нравился отважный рыжебородый юноша из Ванахейма, и потому он позволил барахцам делить каюты с его собственными людьми. Он знал, что это может привести к неприятностям, и в ожиданиях своих не обманулся. Пираты Зингары и пираты Аргоса издавна соперничали друг с другом. Им приходилось сражаться слишком часто, для того чтобы хоть на время установить перемирие.

Но моряки есть моряки, и закон у них один. Конан не мог сняться с якоря оставив на берегу таких же, как он сам, моряков, пусть поступок его и казался совершенно безрассудным. С Сигурдом они ладили, но этого, к сожалению, нельзя было сказать об их командах Зингарцы постоянно изводили насмешками злосчастных аргосцев, пока наконец не вспыхнула драка. Тогда Конану и Сигурду удалось разнять потерявших голову морских волков, но было понятно, что вот-вот — и случится новая драка.

Штиль только подливал масла в огонь. Конан выругался и крепко сжал поручень — если бы ветер задул вновь, моряки были бы слишком заняты, для того чтобы разбираться, кто из них прав, а кто виноват.

Конану не давала покоя и другая проблема. Хабела поведала ему все, что она знала о Зароно и его спутнике — стигийском маге со змеиным взглядом. О чём-то они проговорились то-то она подслушала, к чему-то она пришла сама. Все говорило том, что маг и Зароно готовили заговор, направленный против короля.

Киммериец оказался перед дилеммой, Для простого пирата придворные интриги не значат ровным счетом ничего, к тому же Фердруго Зингарскому он был обязан немногим. Старый король дозволил ему командовать капером, состоящим на службе у Зингары, и пользоваться кордавской гаванью. Но скорее всего, Конану не отказал бы в этом и любой правитель Зингары. Более того, вряд ли кто-то другой запросил бы с него столь высокий процент, как этой сделал король Фердруго.

Впрочем, в подобных ситуациях примитивное рыцарство, присущее киммерийцам, всегда брало верх над соображениями выгоды. Конан, этот грубый варвар, не мог бесстрастно наблюдать за тем, как отец прекрасной Хабелы слабеет и хиреет день ото дня, преследуемый коварными заговорщиками и стигийскими магами. Даже не понимая того, во что он

вмешивается, Конан решил принять сторону принцессы.

Вряд ли в этом он был совершенно бескорыстен. У пирата тоже были свои амбиции. Киммериец никоим образом не желал заниматься пиратским ремеслом до конца своих дней. Если же он спасет короля и принцессу от тенет, сплетенных предателями и заговорщиками, если он поддержит пошатнувшийся трон, разве он не вправе будет требовать вознаграждения? Разве после этого он не может стать герцогом или адмиралом?

Конан стал подумывать даже о том, чтобы связать свою жизнь с принцессой Хабелой и со временем занять место стареющего монарха. За недолгую, но бурную его жизнь множество женщин оказывало ему знаки внимания. Киммериец неизменно вел ся благородно, но никогда не подумывал о том, что он будет привязан к семейному очагу, будет исполнять обязанности главы семьи, его просто пугала.

Ему исполнилось уже тридцать пять. И хотя прожитые годы не оставили на нем и следа, — если не считать бесчисленных шрамов, покрывавших его тело, — он понимал, что его нынешняя бурная жизнь когда-то должна кончиться. Теперь ему надлежало задуматься о будущем. Хабела была красива и мила, сильна и умна, кроме того, он, Конан, судя по всему, нравился ей. Кто знает, то ему сулит будущее...

Поморщившись, Конан покинул палубу и направился к себе в каюту. Едва он сел в кресло, как внимание его завладел блеск алмазов. Конан улыбнулся

— по крайней мере, сплавали они не зря. На столе в лучах полуденного солнца поблескивали бесчисленные каменья, украшавшие собой Корону Кобры.

После того как разбился каменный идол и путники спустились с утеса, дорога вновь привела их к черному храму. Злые чары, окутывавшие его, совершенно рассеялись. Таинственное сооружение поплескивало на солнце. Оно уже не ужасало так, как прежде, и вызывало скорее любопытство, чем страх.

Конан вновь осторожно вступил под своды храма. На том месте, где не одно столетие просидел похожий на жабу идол, зияла черная дыра. Конан заглянул в нее и заметил какое-то поблескивание. Неужели Зароно что-то оставил? Киммериец сунул в дыру руку и достал оттуда Корону Кобры.

Золотая корона была инкрустирована тысячами искрящихся алмазов. Конан понимал, что камни эти разрезаны и огранены, хотя знал и о том, что гранить алмазы люди не могут (в те дни это искусство людям было неведомо). Ряд сужающихся к вершине колец образовывал конус, из вершины которого изогнута змейка свешивала свою голову так, что та оказывалась в межбровье того, кто надевал корону. Стоимость украшавших корону алмазов трудно было даже представить. Поход на Безымянный остров увенчался успехом.

От невеселых мыслей Конана отвлек громоподобный рев: «Клянусь грудью Фригги и фаллосом Шайтана!»

Конан заулыбался, узнав голос ванира Сигурда. В следующее мгновенье рыжебородый, раскрасневшийся от возбуждения северянин уже стоял у него в дверях. Прежде чем Сигурд успел что-то сказать, Конан понял, что же вызвало у него столь бурный восторг, — ветер вновь запел свою песнь, ветер вновь был с ними.

И что это был за ветер! Два дня и ночь ураган носил «Вастрель» по волнам, грозившим перевернуть его, два дня и ночь матросы не сходили с вахты. Нет, не случайно моряки Хайборийской эры избегали этих гибельных вод.

Когда ветер утих, «Вастрель» бросил якорь в неведомой бухточке. Где именно они находились, Конан не знал — и днем и ночью небо было затянуто непроницаемой облачной завесой; ясно было только одно — они вновь подошли к большой земле. Судя по всему, ветер унес их далеко на восток. Пышные тропические заросли подступали к самому берегу, и это

значило, что луга Шема остались где-то на севере. Это могла быть и Стигия, и царство Куш, и неведомые страны, населенные чернокожими людьми.

— Что-то я никак не возьму в толк — куда это нас занесло? — ворчал помощник капитана Зельтран.

— Черт его знает, ведь он нас сюда и занес, — отвечал ему Конан. — Для нас главное — найти воду. В бочках нет ничего, кроме ила. Подбери людей, которые смогут отправиться на берег, и загрузи в шлюп бочки. Да только не мешкай!

Зельтран поспешил на главную палубу. Чрез несколько минут, когда люди уже сидели в лодке, Сигурд, хмуро посмотрел на берег, смачно выругался. К груди ванир пристегнул широкую кожаную перевязь.

— Что тебе так не понравилось? — спросил Конан.

Сигурд пожал плечами.

— Да это я так, приятель, просто берег этот мне не нравится — похоже, это какой-нибудь Куш.

— Ну и что из этого? Если нас относило на восток, то мы и должны были оказаться в Кусе.

— Ну а если это так, то честным морякам здесь делать нечего. Этим черным демонам ничего не стоит съесть нас вместе с потрохами. Ну а чуть подальше — если верить моряцким рассказам, — живет племя, состоящее из одних женщин, столь искусных в ратном деле, что против них не устоит ни один мужчина.

Конан смотрел на шлюп, быстро удалявшийся от корабля.

— Возможно, ты и прав, но без воды нам тоже не обойтись, да и провианта у нас маловато. Вот только загрузимся — и сразу пойдем на север, к Кордаве.

Глава 10

ЧЕРНЫЙ БЕРЕГ

Гавань, в которую они заплыли, лежала в устье небольшой илистой реки

— по берегам вставал лес высоких пальм, стволы которых были скрыты густым подлеском. Шлюпка вышла на мелководье, и пираты, сойдя с нее, потащили ее на берег. По берегу были выставлены лучники, остальные же, взяв пустые бочки, направились к реке. Они шли все дальше и дальше, время от времени пробуя воду на вкус, и вскоре скрылись из виду.

Конан, отправившийся на берег со второй шлюпкой, скрестив руки стоял на корме и хмуро рассматривал берег. Очертания берегов казались ему странно знакомыми, в памяти всплыло и название реки — Зикамба. Возможно, это место было знакомо ему по картам; возможно, он уже и бывал здесь в ту пору, когда они путешествовали вместе с Белит. Он заулыбался, вспомнив о том, как сражались бок о бок он и Белит, о том, как преследовали их орды чернокожих пиратов. Белит — смуглая и томная, словно пантера, чьи глаза казались темными звездами, Белит — его первая и последняя любовь...

С внезапностью тропического урагана из подлеска выскочила банда нагих чернокожих головорезов, с телами, раскрашенными яркими красками, расцвечеными пестрыми бусами и перьями. Их набедренные повязки были сплеты из шкур диких зверей, в руках они сжимали копья с пышным опереньем.

Вскрикнув от неожиданности, Конан выхватил из ножен свою огромную саблю и закричал:

— Пираты, ко мне! За оружие! За оружие!!!

Предводителем черных воинов был рослый детина, чье телоказалось выточенным из черного мрамора скульптурой гладиатора. Чресла его были прикрыты шкурой леопарда, на щиколотках и запястьях позякивали браслеты. Голова его была украшена султаном из павлиньих перьев, взгляд умных темных глаз исполнен царского достоинства.

Вождь тоже показался Конану удивительно знакомым. Но сейчас ему было не до воспоминаний. Он отбежал от берега и присоединился к своим товарищам, изготовившимся встретить неприятеля лицом к лицу.

Внезапно вождь дикарей замер и, подняв свои длинные могучие руки, прокричал:

— Симамани, воте!

Услышав окрик вождя, чернокожие воины замерли, лишь один из них — тот, что стоял рядом с вождем, — продолжал раскручивать страшный ассегай метя им в Конана. Но стоило руке воина пойти вперед, как вождь стремительным движением размозжил ему череп страшным ударом своего кирри. Воин упал на желтый песок.

Конан приказал своим людям повременить с атакой. Какое-то время противники стояли друг против друга, держа наготове отравленные копья и луки. Конан и черный великан, тяжело дыша, стояли лицом к лицу. И тут вождь заулыбался, блеснув белоснежными зубами.

— Конан! — сказал он на гирканском языке. — Как ты мог забыть своего старого товарища?

Только теперь Конан вспомнил, где же он видел этого воина.

— Юма! Клянусь Кромом и Митрой, да это же Юма! — закричал он.

Отбросив саблю в сторону, он побежал к вождю и заключил его в объятья. Пираты изумленно смотрели на гигантов, дружески похлопывающих друг друга по спине и пожимающих друг другу руки.

Некогда Конану привелось служить в легионе царя Илдиза Туранского, чье царство находилось далеко на востоке. Юма из Куша был в легионе таким же наемником, как и он сам. Во время похода в далекую Гирканию Юма и Конан охраняли одну из дочерей Илдиза, которая должна была обручиться с предводителем степных кочевников.

— Ты помнишь сражение в снегах Талакмаса? — спрашивал Юма. — А помнишь этого страшного маленького то ли царька, то ли божка? Кажется, его звали Джалунг Тхонгпа («См. „Город Черепов“»).

— Конечно, помню! А помнишь, как ожил тот зеленый идол царя демонов Ямы, что был размером с лошадь? Он раздавил единственного сына Джалунга так, словно тот был клопом! — клянусь Кромом, хорошее это было времечко! Но ответь мне именем девяти алых царств ада, какого черта ты здесь делаешь? И как ты стал вождем этих воинов?

Юма рассмеялся.

— Где же еще, как не на Черном Берегу должен быть черный воин? И если я родился в Куще, разве я не могу, жить в Куще? Но я хочу задать тот же вопрос и тебе, Конан. С каких это пор ты стал пиратом?

Конан пожал плечами.

— Я человек, и мне надо на что-то жить. К тому же я занимаюсь не пиратством, а честным каперством и нахожусь на службе у короля Зингары. Это совсем разные вещи, как ты понимаешь. Но расскажи мне о том, что ты делал все это время. И почему же ты оставил Туран?

— Джунгли и саванны мне куда привычней, Конан, — я ведь не северянин, как ты. Мне в конце концов, надоели постоянные простуды.

После того как ты ушел на запад, нашим приключениям пришел конец. Я мечтал только о том, чтобы еще хоть разок увидеть пальму да переспать с чернокожей красоткой где-нибудь под кустами гибискуса. И тогда я оставил службу и отправился на юг, к черным королевствам. Теперь же я и сам — царь!

— Царь? — недоверчиво переспросил Конан. — Царь чего? Мне казалось, что здесь нет ничего, кроме банд голозадых дикарей.

Лукавая улыбка заиграла на лице Юмы.

— Ты прав, и так оно и есть, или, точнее, так все и было, пока Юма не пришел и не научил их искусству войны. — Юма повернулся к своим воинам, озадаченным тем, что их вождь говорит с чужим вождем на непонятном им языке. — Рахиси! — сказал Юма.

Негры тут же успокоились и расселись на песке. Пираты сделали то же самое, хотя и продолжали смотреть на негров с недоверчиво недоверием. Юма продолжил свой рассказ: — Наше племя долгое время враждовало с соседями. Мы завоевали их земли, и тогда это соседнее племя слилось с нашим, я же стал их вождем. Затем мы смогли покорить еще два племени, и тогда я стал правителем. Теперь же владею всем этим берегом, и владения мои простираются на пятьдесят лиг. У нас больше нет отдельных племен, мы стали народом. Сейчас я мечтаю о столице, которая смогла бы достойно представлять нас.

— Черт возьми, Юма, — поразился Конан, — похоже, у этой самой цивилизации ты смог научиться куда больше, чем я, — только подумать, как ты преуспел в этой жизни. Ну что ж, удачи тебе! Когда твои головорезы полезли из кустов, я уж было решил, что богам наскучило возиться с нами и они решили смахнуть нас с доски, чтобы начать новую партию. Мы высадились на этот берег, с тем чтобы пополнить запасы воды, а принес нас сюда ураган, которому предшествовал затяжной штиль, ну а перед этим нам привелось побывать на острове, по которому шастают духи змей и каменные статуи.

— Водою теперь ты можешь залиться, — пообещал Юма. — После того как вы погрузите на борт все необходимое, вы станете моими гостями. Я устрою такой праздник, с которого уйти вам

будет непросто. У меня только что созрело банановое вино, которого хватит даже на то, чтобы утолить вашу жажду!

Эту ночь почти вся команда Конана провела на ратановых матах деревни Кулало; аргосцы остались на борту «Вастреля». Кулало которое по размерам своим скорее было городом, представляло собой три кольца конических хижин, сложенных из бамбука и пальмовых листьев; снаружи деревня была огорожена высокой изгородью и плотно посаженными кустами колючего кустарника.

В самом центре поселка была вырыта огромная яма, наполненная дровами. На огромных вертелах жарились туши быков, антилоп и свиней. Резные деревянные ведра были доверху наполнены сладковатым, обманчиво легким банановым вином. Ведра стремительно опустошались, но их наполняли вновь и вновь. Черные музыканты выстукивали сложные ритмы на своих огромных барабанах, звучали флейты и инструменты, отдаленно напоминавшие лиру. Юные негритянки, напрочь лишенные одежды, танцевали у костра, звеня браслетами, хлопая в ладоши и услаждая собравшихся пением. Матросы тем временем пожирали жаркое, лакомились просяными пирогами, политыми сиропом из сорго, и диковинными тропическими фруктами.

Вскоре на берег прибыли и люди Сигурда. Увиденное поразило аргосцев. Обилие еды, питья и развлечений тут же заставило их забыть о недавних сварах с зингарцами. Прелестницы, плясавшие у костра, то и дело оказывались в объятиях матросов где-нибудь за ближайшей хижиной, чтобы через какое-то время вновь появиться в круге подруг.

Конан не на шутку испугался — пираты не видели женщин уже несколько недель, и совладать с ними было невозможно. К его изумлению, черные воины царя Юмы ничуть не возражали против того, что их женины спали с чужеземцами, напротив — похоже, они даже принимали это за известный комплимент им, мужчинам. Вздохнув с облегчением, Конан подумал, что у варварства есть и несомненные преимущества перед тем образом жизни, который принято величать цивилизованным.

Однако принцесса Хабела нашла такое поведение недостойным, о чем не замедлила сказать вслух. Она сидела между Конаном и Юмой. Вождь и капитан вели бесконечную беседу, вспоминая былые подвиги и приключения, выпавшие на их долю в далеком Туране. То и дело Конан изумленно поглядывал на Хабелу, с не приязнью взиравшую на происходящее.

Конан несколько побаивался того, что Юма в обмен на оказанное им гостеприимство, может возжелать объятий Хабелы. Для уроженца Куша подобное желание было бы не просто прихотью, но, скорее проявлением учтивости. Пока Конан ломал себе голову над тем, как же выйти из этого затруднительного положения, Юма сам разрешил все его сомнения, сказав, что понимает, чем отличаются варвары от людей цивилизованных, и гордо отказался от права обладать Хабелой.

Конан рыгнул.

— Клянусь Кромом, приятель! Вот это жизнь! Мне ни разу не удалось взглянуть на эти треклятые звезды, вот нас и занесло так далеко на юг. Такое ощущение, что мы оказались в легендарной стране Амазонок. — Киммериец вновь приложился к бочонку с вином.

Юма заметно прозрел.

— Если ты хочешь знать, то — в каком-то смысле — так оно и есть. По крайней мере воительницы из Гамбуру — их столицы — утверждают, что этот берег принадлежит им. Пока у них не хватает сил на то, чтобы доказать это оружием, — ведь между моими землями и землями амазонок живут и другие племена.

— Да? говорят, что эти девицы здорово сражаются, — верно? Я рад, что мне не пришлось испытать этого на собственной шкуре, — сражаться с женщиной не в моих правилах. У тебя были какие-нибудь проблемы с ними?

— Немного, да и то в самом начале. Я пытаюсь научить своих ребят стрельбе, я хочу, чтобы они делали это не хуже турецев, — Юма сокрушенно покачал головой. — Но это дело непростое. Из того, что здесь растет, луков не сделаешь, мои же красавцы отказываются ставить оперение на стрелы. Они становятся упрямыми как ослы и говорят мне, что с тех самых пор, как Дамбалла сотворил мир, стрелы делаются так-то и так-то, а значит, они и должны так делаться. Иногда мне кажется, что легче научить зебру игре на кифаре. И все же, как бы то ни было, мои люди — лучшие лучники во всем Кусе. Когда амазонки предприняли последнее свое наступление, иные из тех, что остались на поле боя, были так истыканы стрелами, что походили на дикобразов.

Конан было засмеялся, но тут же осекся и приложил ладонь к горящему лбу. Сладковатое вино действительно было обманчиво. Смузенено извинившись, Конан пошатываясь побрел за соседнюю хижину. Пора было объявлять отбой. Он вернулся к костру и, усевшись на царские маты, взял в руки мешок, прихваченный им с собой. В мешке лежала завернутая в одеяло Корона Кобры. Он решил не оставлять ее на «Вастреле», ибо вид алмазов мог смутить и самого честного и преданного человека. Он привык гордиться своими людьми и потому старался не вводить их в соблазн.

Пожелав спокойной ночи Сигурду, Зельтрану, Юме и чопорной принцессе, Конан побрел к хижине, отведенной специально для него. Вскоре из хижины раздался громоподобный храп.

Захмелевший Конан не заметил того угрюмого взгляда, которым проводил его один из воинов Юмы, коварный Бвату. Именно он отел метнуть в Конана ассегай, именно ему Юма раскроил череп. Сердце Бвату терзалось обидой. Бвату был один из лучших воинов Юмы и входил в военный совет, с ним же обошлись как с мальчишкой. Пока шел пир, Бвату, не выпивший ни капли вина, то и дело посматривал на сверток, лежавший возле Конана. Внимание, которой белый капитан уделял свертку, ясно указывало на то, что в нем находится нечто в высшей степени ценное.

Бвату запомнил и хижину, в которую вошел Конан. Пиршество все еще было в разгаре, он же, пошатываясь, словно пьяный, отошел от костра и исчез в тени. Как только Бвату скрылся от посторонних взоров, он направился одной из тенистых уочек к той самой хижине, в которой спал Конан. В призрачном лунном свете блеснул кинжал, только что полученный Бвату от пирата, переспавшего с одной из его жен.

Далеко на севере, в стигийском Оазисе Хаджар, Тот-Амон занимался изысканиями астральном плане в надежде обнаружить хоть какие-то следы древней реликвии народа Валузии. Менкара и Зароно спали в кельях, расположенных за стенами святая святых его дома — его лаборатории. Вскоре всесильный стигиец понял, что все старания его напрасны, — корона бесследно исчезла. Он сидел совершенно недвижно, глядя в никуда.

В огромной хрустальной сфере, возникшей словно ниоткуда перед его троном всевластья, кружили и сменяли друг друга тени. Бледное изменчивое сияние, исходившее от фигур, двигавшихся по сфере, освещало разные своды залы.

Теперь Тот-Амон знал, что тайник, находившийся под каменным идолом Цатогу, богом-жабой, был пуст. Корону могли похитить какие-то другие мореплаватели, оказавшиеся на Безымянном острове случайно или, быть может, намеренно. С помощью магической сферу Тот-Амон осмотрел весь остров. Там не было не только короны, но и ни единого человека. Не было здесь и Хабелы, о бегстве которой поведал ему Зароно. Исчезновение Короны и Хабелы, а также гибель каменного идола говорили о том, что в дело вмешались неведомые ему силы.

В зале стояла полнейшая тишина. По резным каменным стенам плыли тени; фигура, неподвижно сидевшая на троне, тоже казалась изваянной из камня.

Глава 11

ТЕНЕТА СУДЬБЫ

Застать Конана-киммерийца врасплох было почти невозможно, однако на сей раз произошло именно это. Легкий на вкус, но крепко ударявший в голову напиток буквально свалил его с ног. Конан безмятежно спал, пока смутное чувство опасности не заставило его проснуться. Он неспешно поднялся с ложа и тут же почувствовал, что произошло нечто непредвиденное. Он стал оглядывать хижину, так и не понимая, в чем же дело.

И тут его словно громом поразило. В тростниковой стене был сделан длинный разрез, через который можно было проникнуть внутрь хижины. От прорехи в стене веяло холодом.

Конан перевел взгляд на ложе, туда, где должен был лежать сверток. Чертыхнувшись, он выскочил из хижины и стал вглядываться в непроглядную темень, в надежде увидеть вора. Корона кобры исчезла.

Ярость охватила его. Зарычав, словно зверь, киммериец выхватил саблю из ножен и побежал к центру деревни, извергая на ходу немыслимые проклятья.

Праздник все еще продолжался, хотя практически никто уже не держался на ногах. Гигантский костер, разведенный с вечера, уже догорал. Над кронами пальм ярко блестали звезды. Среди тех, кто все еще бодрствовал, Конан увидел Юму и Сигурда. Его крик заставил их вскочить на ноги.

Стараясь быть кратким, киммериец поведал им о происшедшем. Корона была единственной их добычей, и потому Конан был не себя от ярости.

Вскоре о происшедшем знали уже все. Через несколько минут люди Кулало обнаружили, что один из их людей бесследно пропал.

— Бвату! Пусть же Дамбалла сожжет его черную душу! — гневно вскричал Юма, пришедший в страшный гнев от того, что его люди посмели ограбить гостя.

— Ты знаешь этого черного пса? — заревел Конан.

Юма угрюмо кивнул и описал внешность преступника. — Так это тот самый негодяй, которого ты едва не зашиб на берегу? — спросил Конан.

— Да, это он и есть. Тогда-то он на нас обиду и затаил.

— И как это он сообразил? — вступил в разговор Сигурд. — Что же теперь делать? Скажи-ка, царь, Юма, куда он мог побежать? Клянусь кишками Ахмана и огненными когтями Шайтана, мы должны отправиться вдогонку за ним, пока этот мерзавец не ушел далеко!

— Скорее всего, он направился к землям наших врагов Матамба. — Юма показал на северо-восток. — Дальше на север он не пойдет — там он может попасть в руки гханата, промышляющих торговлей рабами. На юго-восток идти тоже опасно, — там лежит...

Выслушивать неспешные рассуждения Юмы, в то время как сказочное богатство уходит все дальше и дальше, Конан был не в силах. Он грубо перебил царя:

— Я чувствую, ты будешь рассуждать еще долго! Покажи мне тропу, что ведет в земли Матамба.

— Дорога, идущая от восточных Ворот, разветвляется, тропа, о которой ты спрашиваешь, идет на северо-восток.

Не слушая дальнейшего, Конан побежал к своей хижине. По пути он схватил кувшин с водой и выплеснул его содержимое себе на голову. Он стал походить на морское чудище, однако вялость и головная боль тут же остали его.

Отбросив назад гриву черных волос, Конан увидел перед собой закутавшуюся в одеяло принцессу.

— Капитан Конан! — закричала она. — Что случилось? На нас напали?

Он покачал головой.

— Нет, детка. Пока я храл, у меня из-под носа увела золотую корону, расцвеченнюю тысячами алмазов. Ступай-ка ты баникки, деточка, у меня нет времени на разговоры!

К киммерийцу подбежал запыхавшийся Сигурд.

— Послушай-ка меня, Конан! Юма сейчас поднимет самых быстрых своих воинов. Одному соваться в джунгли нельзя. Бог его знает, что там за звери,

— ты уж лучше подожди Юму.

— Да идите вы все к черту! — взревел Конан и свирепо заводил глазами.

— Я не стану ждать, пока след Бвату остынет; если же на моем пути и попадется какой-то зверь, что ж, тем хуже для него!

Не ступая дальнейшие споры, Конан понесся дальше. Словно разъяненный буйвол, он пронесся мимо Восточных Ворот и вскоре исчез из виду.

— Ну и характер у киммерийца! — выругался Сигурд. Северянин посмотрел на принцессу, пожал плечами и пустился вслед за своим товарищем, крича на бегу: — Подожди меня! Один ты ничего не сделаешь!

В деревне поднялась страшная суматоха. Юма вместе со своими военачальниками носился по улочкам, пытаясь привести в чувство воинов.

Хабела вернулась в свою хижину и облачилась в грубое матросское платье, выданное ей Конаном, — брюки, ботинки и куртку. Стараясь держаться в тени, принцесса побежала к Восточным воротам.

— Если этот пьяный олух думает, что вправе командовать принцессой Дома Рамиро, то он сильно ошибается! — зло бормотала Хабела.

Однако никак не уязвленное самолюбие заставило ее покинуть Кулало и в одиночку последовать вслед за Конаном — нет, на то была причина куда более серьезна. Несмотря на всю видимую грубоность киммерийца, он всячески пекся о принцессе и был полон решимости защищать ее. Он пообещал доставить ее к отцу в целости и сохранности, и, похоже, этим словам можно было верить. В киммерийце Хабела была уверена куда больше, чем в его команде; кроме того, здесь кроме пиратов были и чернокожие варвары, которыми командовал Юма. С этими мыслями принцесса вошла в джунгли. Где-то вдали раздался рев леопарда.

Вот уже несколько часов Конан бежал по тропе, ведущей в земли Матамбы; Сигурд остался где-то далеко позади. Киммериец остановился, чтобы перевести дух, и стал подумывать о том, чтобы дождаться северянина. Но тут в его сознании вновь блеснула мысль о том, что, пока он медлит, коварный кущит уходит от него все дальше и дальше; гнев вновь овладел Конаном, и он с удвоенной силой понесся вперед.

Джунгли Куша были хорошо знакомы ему — лет десять тому назад он командовал воинами племени Бамла, что жило несколько севернее. Человек не столь опытный не пойдет в одиночку по джунглям, убоявшись диких зверей, живущих в них. Конану же повадки леопардов были известны, — при всем их коварстве звери эти не отличаются особенной смелостью. На людей они нападают редко, да и то, только на старых или больных, предпочитая им добычу поскромнее. Странный шум, с которым Конан несся по извилистой тропке, был лучшей защитой от хищников.

Вне всяких сомнений, в джунглях живут не только огромные кошки, но и другие, куда более опасные звери: громадные гориллы, тяжеловесные носороги, огромные буйволы, гигантские слоны. Но все эти животные питаются травой и на человека нападают лишь тогда, когда он

разгневает их или окажется на их тропе. Конану посчастливилось избежать встречи с ними.

Небо начинало светлеть. Конан остановился у родника, чтобы утолить жажду и омыть холодной водой разгоряченное тело. Вся его рубаха была изорвана колючими лианами, грудь и плечи были покрыты глубокими ссадинами, разъедаемыми потом.

Выругавшись, Конан пригладил волосы, смахнул пот со лба и ненадолго застыл, пытаясь собраться с силами. Отдых его был недолгим — киммериец заставил себя подняться и вновь пустился в погоню, чертяхаясь на каждом шагу. Ни единожды ему приходилось испытывать себя на прочность, и он знал, что не найдется такого человека, которому б он, Конан, уступал в выносливости.

Над джунглями Кш всходило солнце. Леопарды возвращались с охоты — кто голодный, кто сытый, — чтобы забыться сном и так переждать жару.

Становилось все светлее; теперь Конан видел на тропе следы голы человеческих ног, судя по всему, человек этот пробегал здесь совсем недавно. Вне всяких сомнений, это были следы Бвату. Другой человек давно б уже лежал бездыханным, Конан же только прибавлял и прибавлял скорость — он несся вперед, словно зверь, учивший добычу.

Прошло совсем немного времени, а Хабела уже сожалела о том, что решила пойти вслед за Конаном. Ни Конан, ни Сигурд не знали, что она идет за ними; о том же, чтобы догнать их, не могло быть и речи. Тропинка все время петляла. Хабела даже не заметила, когда она сошла с нее, и вскоре окончательно сбилась с пути. Луна уже села, и джунгли погрузились в совершенную мглу. Кроны деревьев сходились, образовывая плотный полог, затмевавший собою звезды, и потому принцесса не знала даже того, в каком направлении она движется. Она беспомощно брела по лесу, то и дело натыкаясь на стволы деревьев, спотыкаясь о корни и борясь с густыми зарослями колючего кустарника.

Отовсюду слышались стрекотание и жужжениеочных насекомых. Хабела ужасно боялась лесных зверей и потому озиралась на каждом шагу. Время от времени из джунглей слышались тяжелые шаги и треск сучьев — от этих звуков принцессе становилось не по себе.

Ближе к рассвету дрожащая от страха и усталости девушка вышла на мшистую прогалину. Дальше идти она уже не могла. Как она могла совершив такую глупость, как она могла сойти с тропинки? Хабелу стало клонить в сон.

Она проснулась оттого, что сильные черные руки схватили ее под локти и заставили подняться на ноги. Ее окружали худые чернокожие люди в тюрбанах и изодранных накидках. Принцессе связали руки; крики ее тонули в хохоте дикарей.

Конан нисколько не сомневался в том, что он догонит Бвату, и вскоре он действительно догнал его. Однако Бвату не мог вернуть киммерийцу украденную корону. Он был мертв, и руки его были пусты.

Вор лежал на тропе, уткнувшись лицом в землю, обильно политую кровью. Тело его было изрублено в клочья. Склонившись над телом, Конан стал изучать раны. Похоже, Бвату был убит стальным клинком, а не копьем с бронзовым или кремниевым наконечником, такие были в ходу в этих землях. Бронзовые лезвия легко тупятся и потому оставляют рваные раны; судя же по тому, что видел перед собой Конан, убийца Бвату орудовал клинком из превосходной стали. Черные племена Куша не знаю стали и не умеют плавить железо; те немногие клинки, что оказались в этих землях, попали сюда с севера, населенного народами более цивилизованными — из царства Куш, из Дарфара и Кешана.

Неужели это сделали черные амазонки? Неужели это они убили вора и похитили корону, лишив его как собственности, так и возможности отомстить подлому врагу? Конан поднялся, и в тот же миг с дерева, стоявшего рядом, ему на плечи упала тяжелая сеть. Она тут же спеленала его по рукам и ногам. Конан зарычал и, выхватив саблю, хотел уже было разрубить тонкие

тенета, но те стягивали все туже и туже, не давая ему произвести замах.

Ему казалось, что он попал в тенета огромного паука; каждое его движение приводило лишь к тому, что он увязал в сети все больше и больше. Из-за кустов появились чернокожие люди в тюрбанах, что привычно натягивали веревки, оплетавшие киммерийца, похожего теперь на кокон огромной бабочки. С дерева слезло еще несколько человек; сильными точными ударами они быстро оглушили свою жертву.

Прежде чем забыться, Конан выругался, назвав себя последним идиотом. Ничего подобного с ним еще не случалось — эти дикари пленили его так легко и просто, словно он был дикой свиньей. Но сетовать уже было поздно...

Глава 12

ГОРОД АМАЗОНOK

Оазис Хаджар был погружен во тьму. О положении лун, сокрытой плотным облачным покровом, можно было судить лишь по призрачному едва заметному пятнышку.

В тронной зале Тот-Амона стояла такая же темень. Зеленые огоньки в настенных светильниках едва теплились, мерцая подобно светлячкам. Стигийский маг сидел на своем резном троне так недвижно, что казалось, он спит. Будь рядом с ним другие люди, они заметили бы и то, что мускулистая грудь мага так же недвижна, как и все его тело. Мрачный лик казался совершенно безжизненным и скорее походил на страшную маску. Можно было решить, что жизнь покинула тело Тот-Амона.

В действительности так оно и было. Так и не сумев отыскать Корону Кобры в астральном плане, Тот-Амон высвободил свою «Ка» из темницы плоти и поднялся в более высокий план — план акаши. В этом бесплотном и зыбком мире законы времени не действуют. Прошлое, настоящее и даже туманное будущее предстают перед магом в виде четырехмерной карты. Здесь Тот-Амон смог «увидеть» прибытие Конана на берег, пробуждение бога-жабы, его гибель, похищение короны кобры и появление Конана на Черном Берегу. Увидев все это, Тот-Амон дозволил своей «Ка» вернуться в низкие космические планы. «Ка» необходимо вернуть, прежде чем она потеряет какую-либо связь с материальным телом.

Тот-Амон вновь вошел в свое тело и почувствовал, как инертная плоть вновь наполняется жизнью. Ощущение это походило на колотье в конечностях, возникающее при восстановлении в них нормальной циркуляции крови, разница состояла лишь в том, что охвачено им было все тело. Затем:

— Зароно! Менкара! — Голос Тот-Амона прогрохотал, словно гром.

— Что? — Зароно выскочил из своей кельи, на ходу одевая камзол. — Что случилось, мой повелитель? — За ним в комнату беззвучно вошел Менкара.

— Готовьтесь к походу. Вас ждет Черный Берег. Я смог узнать, где сейчас находится Корона Кобры и ваша принцесса. Они в Кулалу — главном городе племени Юмы из Куша.

— Как они могли там оказаться? — поразился Зароно.

— Они оказались там благодаря твоему старому знакомому, Конану-киммерийцу.

— Опять этот проклятый варвар! Да я его...

— Если ты найдешь его, делай с ним что хочешь. Он мне не нравится — своей страстью к приключениям, он мне немало крови попортил. И все же это не главное; главное для вас — захватить принцессу. На таком большом расстоянии управлять ее сознанием не могу даже я.

— А как же Корона?

— Корону предоставьте мне.

— Вы решили отправиться с нами, сэр?

Тот-Амон презрительно улыбнулся.

— Да, но только не во плоти. Немногие маги способны на это, да и от меня это потребует отдачи всех сил. Но, как бы то ни было, я окажусь там куда раньше вас. Ну а теперь к делу — у нас нет времени! Собирайте вещи и отправляйтесь, не дожидаясь рассвета!

Конан чувствовал себя прескверно. Голова раскалывалась и от бананового ликера Юмы, и от тех ударов, которыми его свалили с ног. Он, безоружный и беспомощный, оказался в руках у работников. Подобное бывало с ним и прежде, но никогда еще он не впадал от этого в такую

ярость.

Судя по положению солнца, он не приходил в себя несколько часов. Кожа на руках и ногах его была содрана, видимо тело его тащили прямо по земле. Руки Конана были скованы тяжелыми кандалами. Сквозь разметавшиеся пряди волос он стал осматриваться, обращая особое внимание на количество и расстановку стражей.

К своему изумлению, среди снедаемых печалью чернокожих пленников он заметил и Хабелу. Как ни силился Конан понять, как здесь могла оказаться принцесса, он не мог. Сигурда среди пленников не было. Хорошо это или плохо, Конан пока не знал.

Вскоре на поляне появился высокий негр в серых одеждах работорговца, он сидел верхом на тощей кобыле. Жилистый и тощий, он походил на стражей, охранявших пленников, однако резкие черты лица говорили о том, что он для них чужеземец. Конан вспомнил о том, что говорил ему Юма о гханатах, племени, занимавшемся торговлей рабами. Гханаты были кочевым народом, живущим в пустынях у южных границ Стигии. Жители Шема и стигийцы часто угоняли в рабство гханатов и других людей, живших в Кусе и Дарфаре; те же, в свою очередь, занялись тем же промыслом, избрав местом охоты экваториальные джунгли.

Наездник остановил коня и обменялся несколькими фразами с человеком, возглавлявшим отряд, пленивший Конана. Охранник повернулся к своим людям, щелкнул кнутом и приказал поднять пленников.

Пленников выстроили в колонну по двое. Кандалы каждой пары скреплялись друг с другом так, чтобы никто не пытался бежать. Огромный киммериец, возвышавшийся над другими, глядел на стражей лютым зверем. Наездник обвел взглядом колонну пленных.

— Клянусь Замби, — проворчал он и смаочно сплюнул, — за это дермо в Гамбуру мы вряд ли много выручим!

Его помощник согласно кивнул.

— Да, владыка Мбонани. Они вырождаются год от года. Видать, скоро совсем вымрут...

В тот же миг работорговец взмахнул плетью и опустил ее на плечо Конана. Стоило хлысту коснуться его кожи, как Конан молниеносным движением скованных кандалами рук схватил его и что было сил потянул на себя.

Потеряв равновесие, работорговец свалился к ногам Конана. Изрыгая проклятия, он вскочил на ноги и схватился за рукоять острого, как бритва, гханатского кинжала, больше походившего на небольшой меч.

Не успело оружие выйти из ножен, как Конан ударил работорговца в лицо, вновь повалил того наземь. Конан резко нагнулся, свалив с ног прикованного к нему черного пленника, и взял нож в руку. На него тут же набросился другой гханат, размахивавший над головой топором. Прежде чем топор опустился, киммериец вогнал кинжал в живот разбойника, пронзив его насеквоздь.

Выпучив глаза, охранник рухнул на землю. Поляна внезапно пришла в движение — со всех концов ее к Конану неслись воины в тюрбанах. Совладать с ними закованный в кандалы Конан уже не мог. Пятеро схватили его за руки, а трое стали лупить его по голове тяжелыми дубинками. Конан вновь потерял сознание.

Мбонани, с трудом сдерживавший обезумевшую от страха кобылу, смотрел на происходящее с нескрываемым интересом.

— Ну и ну! — довольно заметил он. — Такие парни, как этот, на дороге не валяются. И этот тоже белый. Хотел бы я знать, какого черта им здесь нужно?

— Я уже говорил вам о нем, — заговорил помощник. — Здесь есть и белая женщина, вон она где стоит — видите?

— Да, эти двое стоят всех остальных, — ответил наездник. — Береги их как зеницу ока,

Зуру, не то я с тебя шкуру спущу!

Конан с трудом поднялся на ноги, лицо его превратилось в кровавую маску. Мбонани подвел коня к нему и, дождавшись, когда Конан поднимет глаза, изо всех сил хлестнул его по щеке плетью.

— Это тебе за то, что ты убил моих людей, белый человек! — прокричал Мбонани.

От удара на лице остался рубец, но киммериец при этом даже не вздрогнул. Он смотрел на предводителя работников недвижным, полным ненависти взглядом. Мбонани улыбнулся поволчьи, оскалив свои белые зубы.

— Да, ты парень что надо! — довольно сказал он. — Если ты и дальше будешь так держаться, амазонки за тебя любые деньги дадут. Ну а теперь в путь!

Позвякивая кандалами, колонна пленников вышла на тропу, ведущую в Гамбуру.

Конан шел вместе со всеми. Железо, раскалившееся на солнце, жгло ему руки, его мучила жажда и донимали комары. «Интересно, куда же исчезла Корона Кобры», — подумал было киммериец, но тут же отогнал эту мысль прочь. Когда твоей жизни что-то угрожает, сокровища отходят на задний план

— это он усвоил твердо.

Он заметил, что один из подсумков Зуру странно топорщится. Глаза Конана заблестели. Этот гханата, что так пресмыкался перед Мбонани, оказывается, себе на уме.

Колонна вышла из джунглей и шла теперь по поросшему разнотравью вельду. К вечеру следующего дня на горизонте показались каменные стены Гамбуру.

Конан с интересом рассматривал город. По сравнению с блистательным Аграпуром, столицей Турана, или, даже, Мероэ, столицей царства Куш, Гамбуру выглядел достаточно жалко. Однако в землях, где дома возводятся из глины и соломы, а городская ограда набирается из кольев, где города скорее походят на разросшиеся деревни, а деревни и вовсе неизвестно на что, — Гамбуру казался чем-то выдающимся.

Вокруг города была сложена невысокая — в два человеческих роста — стена. Внутрь каменного кольца можно было попасть через одни из четырех ворот, каждые из которых были оснащены сторожевыми башнями с бойницами для лучников. Створки ворот были сколочены из массивных бревен.

Конан обратил внимание на кладку. Некоторые камни совсем не обрабатывались, другие же были искусно обтесаны и покрыты затейливой резьбой, правда выглядели они так, словно тесали их не одну сотню лет назад. Звеня кандалами, колонна прошествовала в городе через западные врата. Дома были сложены так же странно, как и городские стены. Строения по большей части были одно — и двухэтажными, крыты они были соломой. Нижние этажи в большинстве случаев были сложены из старинного резного камня, верхние же — выглядели убого, ибо свидетельствовали о явном упадке строительного искусства. На древних камнях то и дело появлялись схожие изображения — злобно ухмыляющиеся демонические лики, — правда, камни с этими изображениями могли лежать как попало: и на боку, и вверх ногами.

В древних городах Конан бывал не раз, и потому на сей счет у него были свои идеи. Некий народ — возможно, и не люди — некогда отстроил этот город. Через несколько веков городом завладели предки нынешних его обитателей. Он стал расстраиваться и перестраиваться, при этом в дело пошли не только новые, но и старые, уже использовавшиеся камни. Способ же ух укладки новые строители пытались позаимствовать у прежних, древних каменщиков.

Из-под копыт кобылы Мбонани поднимались облака пыли — мостовых в городе не было. Колонна вышла на главную улицу Гамбуру, по обе стороны которой стояли толпы народа, с интересом разглядывавшего рабов.

Конан изумленно смотрел то в одну, то в другую сторону. Как женщины, так и мужчины

этого города выглядели весьма необычно. Женщины были высоки и хорошо сложены, повадкою своей они походили на пантер; более того, на нагих их бедрах поблескивали бронзовые мечи. Головы их были украшены павлиньими перьями, на ногах и руках сверкали браслеты.

Мужчины являли собой нечто донельзя жалкое — все они были куда ниже женщин и, похоже, занимались исключительно грязной работой: уборкой улиц, переноской тяжестей и тому подобное. Конану, который был высоким даже по киммерийским меркам, они казались детьми.

Колонна миновала базар, пестревший яркими тентами, и по широкой улице вышла на главную площадь. За этим огромным открытым пространством на расстоянии полета стрелы стоял изрядно обветшавший и все же впечатляющий королевский дворец, сложенный из бурого песчаника. По обе стороны от его центральных врат стояли массивные приземистые скульптуры, выполненные из того же материала. Судя по пропорциям, статуи эти изображали не людей, но нечто совершенно иное — они обветшали настолько, что об этом можно было лишь гадать. Это могли быть и совы, и обезьяны, и неведомые доисторические чудище.

Внимание Конана привлекла странная яма, расположенная в самом центре площади. Эта достаточно неглубокая впадина имела в ширину не меньше ста футов. Края ямы были образованы рядом концентрических колец, напоминавших каменные скамьи амфитеатра. Дно ямы было посыпано песком, кое-где поблескивали оставшиеся от недавнего дождя лужи. В самом центре песчаного круга стояла небольшая группа деревьев.

Подобную арену Конану еще не доводилось видеть. Он еще не успел толком рассмотреть ее, как его вместе с остальными пленниками затолкали в загон для рабов. Здесь пленники и провели ночь.

Даже то немногое, что успел увидеть Конан, его изрядно смущило. Песок вокруг странных деревьев был усыпан костями — и не просто костями, а костями людей, — отчего место это походило на лежбище льва-людоеда.

Увиденное настолько поразило Конана, что думать о чем-то ином он уже не мог. Он слышал о том, что жители Аргоса иногда отдают преступников на съедение львам; однако там, в Мессантии, арена устроена таким образом, что хищники не могут перепрыгнуть через стену, отделяющую их от трибун, на которых находятся зрители. Здесь же все устроено совершенно иначе — льву ничего не стоит выбраться из ямы.

Чем дольше Конан думал об этом странном обстоятельстве, тем тяжелее становилось у него на душе.

Глава 13

КОРОЛЕВА АМАЗОНOK

Над приземистыми каменными башнями города амазонок вставало солнце. Торги не заставили себя ждать, ибо в этих тропических широтах солнце поднимается быстро. Едва солнце показалось над горизонтом, Конана, Хабелу и других пленников вывели из загона и погнали на базар. Пленников по очереди раздевали и ставили у стены, возле которой и происходили торги. Затем рабов уводили их хозяева.

Все покупатели были женщинами, ибо, как уже успел заметить Конан, в Гамбуру вся власть принадлежала им. Высокий худой Мбонани бесстрастно наблюдал за тем, как торгуется с покупателями его помощник, Зуру. Женщины относились к гханатам с куда большим почтением, нежели к собственным мужчинам, — они уважали их за ту искусность, с которой те излавливали рабов.

Настал черед Хабелы. Несчастная принцесса пыталась прикрыть руками свое нагое тело. Зуру попросил присутствующих называть цену.

— Пять квиллов, — раздался голос из-за задернутых занавесок паланкина.

Зуру оглядел присутствующих и провозгласил:

— Продано!

Поскольку и торговцы и покупатели говорили на общепринятом для южных стран жаргоне, Конан прекрасно понимал их. Его поразило то, что никто не стал повышать столь низкую цену. Квиллами назывались перья из хвоста тропических птиц, которые, казалось, были усыпаны золотой пылью. В стране амазонок деньги были чем-то неведомым. Конан нисколько не сомневался в том, что прекрасная принцесса должна была стоить много дороже. Видимо, лицо, скрывавшееся в паланкине, было настолько влиятельным, что никто попросту не осмеливался торговаться с ним или, точнее, с ней, — поправил себя Конан.

Киммериец едва держался на ногах, он был голоден и зол. Вся голова его была покрыта шишками и ссадинами. Целый день его заставляли идти под палящим солнцем; ни еды, ни питья, ни сна толком не было. Конан походил на льва, у которого разнылись зубы, — так он был взвинчен. Когда один из работорговцев дернул его за цепь, предлагая тем самым подняться на помост для всеобщего обозрения, киммериец едва не сорвался.

Еще пару лет назад Конан не стал бы думать о последствиях, он без лишних мыслей свернулся этому человеку голову. Но со временем жизнь его от этого отучила. Разумеется, он мог убить и этого стража, и тех, кто придет к нему на помощь, но со всеми, конечно, ему было не совладать. Встречаться с непокорным рабом этим мародерам было не впервые. Оружием же они владели так искусно, что почти каждый из них мог с десяти шагом метнуть копье так, чтобы оно пролетело сквозь кольцо, образованное большим и указательным пальцами, даже не оцарапав кожи.

Конан успел бы расправиться с двумя-тремя воинами, на большее же у него попросту не хватило бы времени, он не успел бы издать даже боевой клич. Кто же в таком случае будет заботиться о Хабеле? Ему не хотелось признаваться в этом даже себе, но он чувствовал себя ответственным за нее, и с этим он ничего не мог поделать. Ему оставалось ничего другого, как только жить.

Киммериец сощурил глаза и плотно сжал губы, пытаясь сдержать себя; в висках у него стучало. Он поднялся на помост, дрожа от ярости. Стоявший неподалеку гханата решил, что

дрожь эта вызвана страхом, и что-то зашептал на ухо своему товарищу, улыбаясь все шире и шире. Конан смерил его таким взглядом, что улыбка тут же слетела с его лица.

— Давай, раздевайся! — скомандовал Зуру.

— Без твоей помощи я не смогу снять свои ботинки, — спокойно произнес Конан. — Мои ноги онемели. — Киммериец сел на край помоста и протянул ногу Зуру.

Зуру злобно заворчал и схватился за ботинок. Тот никак не подавался. Второй ногой Конан уперся в зад Зуру и, расслабив ту ногу, за которую его держал гханата, неожиданно толкнул его с такой силой, что то вместе с ботинком плюхнулся в лужу.

Завопив от злости, гханата вскоцил на ноги. Выхватив кнут из рук одного из стражей, он понесся на Конана, сидевшего как ни в чем не бывало на краю помоста.

— Ну, белый пес, погоди! Сейчас я до тебя доберусь! — закричал Зуру, неистово размахивавший кнутом.

Однако стоило бедняге приблизиться к Конану, как тот тут же поймал кончик кнута и, не вставая с помоста, с силой потянул кнут, а вместе с ним и Зуру, на себя.

— Ты бы, крошка, поумерил свой пыл — того и гляди, товар испортишь!

Вожак работников так же спокойно наблюдал за происходящим. Едва сдерживая улыбку, он обратился к Зуру: — Зуру, белый пес прав. Хорошим манерам его теперь будет учить новый хозяин.

Зуру, совершенно потерявший от ярости голову, не услышал даже своего господина. Издав пронзительный вопль, он выхватил из-за пояса нож. Конан поднялся на ноги и изготовился ко встрече с противником, решив использовать в качестве оружия кандалы.

— Стойте! — раздался властный голос, принадлежавший амазонке, купившей Хабелу. Голос этот был исполнен такой силы, что замер даже совершенно ошелевший Зуру.

Блеснув перстнями, черная рука раздвинула муслиновые занавески, скрывавшие вельможную особу от глаз простолюдинов. Черная женщина сошла с паланкина на землю. Конан замер от восхищения.

Женщина эта была почти такого же роста, как и сам Конан, она вряд ли уступала ему и в силе. Она была черной, как жженая слоновая кость, а кожа ее была нежной, как шелк, и так же нежно, как шелк, отсвечивала она на солнце, ласкавшем ее упругую грудь и гладкие бедра. Украшенная драгоценными каменьями шапочка несла на себе плюмаж из страусиных перьев, выкрашенных в персиковый, розовый и изумрудный цвета. Огромные рубины поблескивали у нее в ушах; шея же ее была украшена жемчужными ожерельями. Мягко позванивали золотые браслеты на ее руках и ногах. Единственным ее одеяньем была короткая юбка, сшитая из шкуры леопарда и едва прикрывавшая ее чресла.

Нзинга, королева амазонок, не отрывала от Конана глаз. Базар затих. Губы королевы раздвинулись в томной улыбке.

— Десять квиллов за белого великана.

Иных ставок сделано не было.

Рабская участь, выпавшая на долю принцессы, была невыносима ей. Достаточно скверным было хотя бы то, что она, избалованная дочь могущественного монарха, теперь должна была исполнять все желания черной королевы. Еще больше ужасало ее то, что рабы не могли носить одежду, — этим правом обладали только свободные люди.

Она спала в комнате для прислуго, на соломенном тюфяке, кишевшем блохами. С первыми лучами солнца грубая женщина-надсмотрщик будила рабынь, и те тут же приступали к трудам — они готовили пищу и убирали комнаты, мели дорожки и мыли полы, стирали и накрывали на стол. Конан, некогда плававший под флагом Зингары, был непременным участником всех пиров, — развалившись на плоских матах, он попивал банановое вино и лакомился пирогами с

рыбой и всевозможными сладостями, что чрезвычайно раздражало Хабелу.

От ее былого уважения к доблестному киммерийцу не осталось и следа. Слово «джиголо» было ей неведомо, но она прекрасно понимала, в чем тут дело. Конан согласился принять роль первого любовника королевы и потому вызывал у Хабелы разве что презрение. «Ни один сколько нибудь достойный мужчина, — говорила она себе, — не падет столь низко, не станет услаждать себя этой позорной службой». Жизнь пока не научила принцессу тому, что в совершенстве освоил Конан, — в некоторых случаях приходится мириться с тем, что есть, ибо другого не дано.

В этом страшном городе Конан был единственным, кого она могла назвать своим другом; у нее были все основания для того, чтобы относиться к нему иначе, но иногда — в те минуты, когда их никто не видел, — Конан таинственно подмигивал ей и едва заметно кивал головой, словно пытаясь ободрить и как-то поддержать ее. Он словно хотел сказать ей: «Не печалься, девочка. Как только представится случай, мы сбежим отсюда».

Впрочем, даже Хабела не могла не согласиться с тем, что королева Нзинга была женщиной замечательной. Девушка пыталась представить себе, что же делают любовники в постели, но об этой стороне человеческой жизни она пока ничего не знала, и потому встававшие в ее сознании образы были весьма далеки от реальности. Она не понимала и того, что в спальне властвует не эта блестательная черная львица, но он Конан-киммериец.

Подобные отношения были внове и для королевы Нзинги. Ее собственный житейский опыт и весь уклад жизни в ее королевстве приучили королеву к тому, что женщины стоят куда выше мужчин. Трон из слоновой кости неизменно принадлежал женщинам — до Нзинги страною правили сто королев. И все они относились к мужчинам с крайним презрением, используя их только как слуг или любовников и избавляясь от них, стоило тем обессилеть или надоест. Нзинга относилась к мужчинам точно так же.

До того, как во дворце появился этот огромный киммериец, она легко управлялась с мужчинами. С Конаном же совладать было невозможно — воля его была тверда как сталь, сам же он был рослее и сильнее ее. То, что испытывала в его объятиях черная амazonка, сравнить с чем-либо было невозможно — день ото дня страсть ее разгоралась со все новой и новой силой.

Теперь она ревновала его ко всем женщинам, с которыми его могла связывать близость. Киммериец отказывался говорить с королевой на эту тему и только улыбался, выслушивая ее расспросы.

— А эта белая девка, которую гханаты привели сюда вместе с тобой? Наверное, ты и с ней спал? Она ведь такая пышная, такая мягкая! Вряд ли ты прошел бы мимо нее! Ты скорее на меня бы не посмотрел!

Глядя на то, как сверкают глаза и сотрясается тяжелая грудь черной королевы, Конан мысленно согласился с тем, что с тех пор, как ушла его первая любовь Черная Пиратша Белит, он никогда не встречал женщины более замечательной, чем эта. Он знал теперь и о том, что королева ревнует его к Хабеле, — и потому он должен был вести себя крайне осмотрительно. Если ему не удастся развеять подозрения Нзинги, принцесса непременно пострадает. Королева ничего не стоило уничтожить того, кто — как ей казалось — хоть как-то мешал ей.

С этих пор Конан думал только о судьбе принцессы.

Неосторожное слово или необузданый поступок могли привести к беде.

Когда королева вновь завела речь о принцессе, Конан зевнул и с видимой скучой в голосе сказал:

— Хабела? Я эту девочку почти не знаю. Она из благородных, а у благородных свои понятия о чести. Только подойди я к ней, и ее бы уже не было.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Она бы убила себя — их к этой мысли с детства приучают.

— Я тебе не верю. Ты, наверное, хочешь ее защитить!

Конан обнял Нзингу и повалил ее на мягкое ложе. Развеять ее подозрения он мог только так...

Глава 14

ПОД ПЛЕТЬЮ

Прошло еще несколько дней. И затем...

Нзинга восседала на подушках в своем серале. Вот уже два дня белая рабыня Хабела Зингарская исполняла самую тяжелую и грязную работу. Нзинга устроила так, что все это происходило на глазах у киммерийца.

Понимая, что королева внимательно наблюдает за ним, Конан старался казаться безразличным, хотя то и дело его подмывало вступиться за несчастную принцессу.

Так и не сумев добиться от киммерийца определенной реакции, черная королева решила прибегнуть к последнему средству, которое должно было открыть его истинные чувства. Она объявила о том, что устраивает пир для амазонок-офицеров — огромных, покрытых шрамами, суровых женщин, в которых, на взгляд Конана, женственности было не больше, чем в боевом топоре.

Во время пира зингарская девушка должна была прислуживать и своей госпоже, и ее избраннику. Хабела стала ходить вокруг стола, разливая вино, и тут одна из амазонок подставила ей подножку.

Вскрикнув, девушка потеряла равновесие — несколько гостей оказались облитыми вином. Одна из них, дородная амazonка по имени Тута, изрыгнув проклятия, вскочила на ноги и что было сил ударила Хабелу в лицо. Девушка упала на земляной пол.

Глаза амазонки загорелись хищным огнем — вид лежащей перед ней нагой белой рабыни привел ее в ярость. В звенящей тишине она, словно пантера, метнулась к своей жертве. Грубая мускулистая рука выхватила из ножен тонкий бронзовый кинжал.

В комнате стояла полная тишина. Тута, лицо которой горело жаждой крови, склонилась над рабыней и занесла над ней смертоносный клинок.

Хабела замерла, ожидая удара. Она понимала, что спастись она может только бегством, но на это у нее уже не было сил — страх и беспросветность ее нынешней жизни лишили ее самое желания жить. Она могла лишь беспомощно наблюдать за происходящим. Миг — и клинок вонзится в ее грудь...

Но тут амазонка застыла — кто-то железной хваткой схватил ее за запястья и шею. Сила, с которой чудовищные руки сжимали ее, сковала ее движения так же, как вид клинка сковал белую рабыню. Тихо звякнув, кинжал упал на землю. Легко оторвал амазонку от земли, Конан швырнул ее через всю комнату так, что та распласталась у дальней стены.

Конан прекрасно понимал, чем это может для него закончиться, и тем не менее не мог поступить иначе — расчет Нзинги оказался верным. Он не мог спокойно наблюдать за тем, как убивают дочь короля Фердруго, пусть Нзинга и рассматривала его поступок как доказательство того, что белая рабыня была ее соперницей, и королевский гнев теперь должен был пасть на них обоих. Он заставил себя рассмеяться.

— Вряд ли королева Гамбуру столь расточительна, чтобы расставаться с рабами из-за нескольких капель пролитого вина! — громко сказал киммериец, пытаясь казаться веселым.

Королева Нзинга смерила его ледяным взглядом. Взмахнув рукой, она приказала Хабеле покинуть комнату. Напряжение спало. Конан вернулся на прежнее место. Кувшины с вином вновь пошли по кругу, и вскоре за столом было так же шумно, как и прежде.

Конан надеялся на то, что все самое страшное позади. То и дело он подливал вина в бокал,

стараясь как-то отвлечься. Но он не мог не заметить того, что время от времени королева бросала на него взгляды, полные ненависти и презренья.

Стоило Хабеле покинуть королевские покои, как вокруг нее обвились черные тучи. Не успела она вскрикнуть, как рот ее был заткнут кляпом. Тут же ей завязали глаза и накинула на голову мешок, руки завели за спину и тую стянули кожаными ремнями. Чьи-то крепкие мускулы оторвали ее от земли и понесли по извилистым коридорам и крутым лестницам в ту часть дворца, в которой она не бывала ни разу. Здесь ей развязали руки, для того чтобы тут же связать их снова, — на этот раз над головой, — их привязали к медному кольцу, висевшему на тяжелой, спускающейся с потолка цепи. Принцесса осталась одна.

Ремни тую стягивали запястья, и оттого руки ее совершенно онемели. Тело Хабелы легонько покачивалось. Теперь она молила бога об одном — чтобы Конан как-то узнал о ее бедственном положении.

Конан был так же беспомощен, как и принцесса. Он лежал на подушках возле обеденного стола. Глаза его были закрыты, голова откинута назад. Его храп походил на рокот далекого грома. Несмотря на то, что выпил он не так уж много, им вдруг овладела странная усталость. Ему на ум пришла мысль о том, что Нзинга отравила его, и с этой мыслью он забылся таким крепким сном, что его не пробудило бы и землетрясение.

Взглянув на него, Нзинга приказала вынести его из комнаты. Сама же она направилась к той камере, где висели подвешенная к потолку Хабела. Чем дальше она шла, тем сильнее разгоралась в ней пламя гнева, глаза ее сверкали нетерпением и злорадством.

Королева сорвала мешок с головы Хабелы и вынула из ее рта кляп. Принцесса увидела перед собой сверкающие глаза и кровожадную улыбку королевы. Хабела завизжала, не в силах совладать со страхом.

Черная амazonка рассмеялась:

— Все белые так кричат, когда меня видят! Зря стараешься — тебе это не поможет.

Нзинга сладострастно посмотрела на нежное тело своей жертвы. На крюках, вбитых в стену, висели разнообразные орудия пыток. Королева остановилась на плетке, вырезанной из упругой кожи бегемота. Округливши мися от ужаса глазами принцесса смотрела на длинную плеть, подобно змее легшей кольцами у ног королевы. Королева вновь засмеялась:

— Губы Конана тебя не коснутся — целовать тебя будет моя плетка. И ласкать тебя будет тоже она, а не его рука!

— Что я вам сделала? За что вы меня так мучаете?

— Прежде чем встретиться со мной, Конан любил тебя! — зарычала Нзинга. — Никогда у меня не было такого мужчины. Но он обнимал и тебя, и твою белую грудь он покрывал поцелуями! В этом я уверена, и знание это не дает мне покоя... Когда тебя не станет, вся его любовь будет принадлежать мне! Я сделаю его королем Гамбуру — этой чести вот уже тысячу лет не удостаивался ни один мужчина! — Нзинга расправила хлыст.

— Но ведь это неправда, — застонала Хабела. — Он никогда даже не касался меня!

— Ты лжешь! Когда тебя поцелует плеть, ты скажешь мне всю правду!

Нзинга взмахнула рукой, и плеть обвилась вокруг талии Хабелы. Девушка закричала, пронзенная болью. На теле ее остался алый рубец, из которого тут же проступила кровь.

Нзинга неспешно завела руку за спину, готовясь нанести следующий удар. Слышно было только хриплое дыхание принцессы.

Вновь запела плеть; истошный крик вырвался из уст девушки, когда кожаная змея обожгла ее чресла. Нзинга сладострастно наблюдала за тем, как корчится перед нею белая рабыня. Она ударила еще раз; на темном ее теле вступили капельки пота. И вновь камера огласилась истошным криком. Королева засмеялась и облизнула свои полные губы.

— Вам бы все визжать да хныкать! Никто тебя не услышит! А если и слышат, то вряд ли осмелятся помочь тебе! Я усыпила Конана, он будет спать еще несколько часов. Так что ты не надейся!

Лицо Нзинги горело дьявольской страстью. Огромная амazonка любовалась кровавыми рубцами, покрывающими тело рабыни. Она вновь взмахнула плетью, желая излить всю свою извращенную страсть, пока эта белая рабыня не испустит последнего вздоха.

Хабела не могла и вообразить, что тело ее способно вынести такие пытки. Привыкшая к роскоши и праздности принцессы никогда еще не испытывали настоящей боли. Не только боль, но и стыд мучил ее. Единственная дочь гордого старого короля, она привыкла слушать только себя и ни перед кем не склоняла головы. Подобно тому как плоть ее терзалась ударами хлыста, душа ее страдала от унижения.

Зингарская знать обычно держала черных рабов, привезенных с юга работорговцами Стигии и Шема; Хабела знала, что и наказывают так же сурово и зачастую так же несправедливо. Но никогда ей в голову не приходило, что когда-нибудь господа могут поменяться с рабами местами, — эта черная женщина обращалась с ней так, словно принцесса была последней рабыней на какой-нибудь зингарской плантации.

Удар следовал за ударом. Кровавый морок встал перед глазами Хабелы, и тут вдруг она увидела какой-то сверкающий предмет, что лежал на маленьком стульчике, стоявшем у стены. Это была золотая корона, инкрустированная тысячами каменьев, походившая на свернувшуюся кольцами змею. Ну конечно! Перед ней была Корона Кобры, которую Конан нашел в черном храме, стоявшем посередине Безымянного Острова. Она попыталась сосредоточиться на Короне и ей облегчить страдания...

Она вспомнила о том, что Корона была похищена у Конана в Кулало. Но когда же это было? Ей казалось, что с той поры прошли годы. Непонятно только, как Корона оказалась здесь. Работорговцы, пленившие ее и Конана, должны были забрать ее у вора.

Нзинга прервала экзекуцию, для того чтобы немного передохнуть и выпить вина. Не прошло и минуты, как она снова взялась за плеть. Хабела подготовилась к новому удару и широко открыла глаза. И тут она увидела нечто в высшей степени странное.

За полунагой Нзингой возникло какое-то свечение. Оно походило на блуждающие огоньки, что порой загораются на пустынных, населенных духами болотах.

Светящееся пятно увеличивалось в размерах и горело все ярче. Через несколько секунд оно приняло форму веретена высотою в человеческий рост.

От изумления Хабела открыла рот. Нзинга, заметив, что рабыня изумленно уставилась на что-то, находящееся у нее за спиной, резко развернулась. В тот же миг веретено вспыхнуло изумрудным пламенем и исчезло. На его месте стоял человек.

Человек этот был высок и статен; лицо его было смуглым и походило на бронзовую маску. Над орлиным носом поблескивали живые темные глаза. Похоже, что недавно он был обрит наголо, из-под коротких черных волос виднелась кожа. Человек был одет в простую белую мантию, сшитую из полотна, что оставляла открытыми его мускулистые руки.

Тот-Амон выглядел куда старше, чем в ту пору, когда Зароне и Менкара появились его дворце. Смуглый лоб его был покрыт капельками пота — магическая процедура, позволившая ему перенестись из Оазиса Хаджар в Гамбуру, отличалась особой сложностью, она была доступна лишь избранным членам братства магов. Ментальное усилие, необходимое для такого переноса, требовало полной отдачи всех сил даже от такого великого мага, каким был Тот-Амон.

Нзингу поразило то, что незнакомец, принадлежавший к презренному племени мужчин, появился в камере пыток без объявления. Подобная наглость потрясла Нзингу, и она тут же решила казнить непрошеного гостя. Замахнувшись на него плетью, она собралась звать стражу.

Стигиец наблюдал за ней с загадочной улыбкой на устах. Стоило плети взмыть в воздух, как он простер руку в направлении королевы. Яркие изумрудные лучи вырвались из его пальцев, залив своим сиянием черное тело Нзинги Гамбурской.

Королева пронзительно закричала, скорчилась, словно от удара, и повалилась на земляной пол. Лучи тут же поблекли и исчезли.

Хабела сделала вид, что падает в обморок, — голова ее упала на грудь, и густые черные волосы прикрыли ее лицо.

Тот-Амон даже не посмотрел на нее. Он решил, что видит перед собой обычную белую рабыню, которую хозяйка решила наказать за некую провинность, и потому счел излишним интересоваться ею. Он никогда не видел Хабелу во плоти, и потому узнать ее ему было трудно — знал бы он, что перед ним находится та самая принцесса, за которой Менкара и Зароно охотились по всему Черному Берегу! Маги совершают ошибки ничуть не реже, чем самые обычные люди.

Когда Тот-Амон послал свою «Ka» в мир акаши, Конан и Хабела были еще в Кулало, а Бвату еще не похитили Корону Кобры. Будущее же представлялось достаточно неясным, ибо вариантов развития событий было слишком много даже для него, Тот-Амона, пытливого ума.

После того как его добровольные слуги отправились на поиски принцессы, Тот-Амон решил еще раз взглянуть в магический кристалл. Ему необходимо было знать точное местонахождение Короны Кобры еще до начала магического действия, которое позволило бы ему перенестись в пространстве. Поскольку в конечной точке он мог пробыть достаточно недолго, он хотел оказаться как можно ближе к столь вожделенной им Кобре.

В то же самое время Бвату выкрад Корону и был убит работоговцами. Зуру спрятал Корону и вместе с ней появился в Гамбуру, где королева Нзинга отвалила ему за нее столько квиллов, что их хватило бы ему до скончания лет. Так — к собственному изумлению — Тот-Амон обнаружил, что Корона находится не в Кулало, но в Гамбуру.

Все это время он не вспоминал ни о Конане, ни о Хабеле. Он нисколько не сомневался в том, что принцесса находится в Кулало и поныне и что Зароно и Менкара легко найдут ее. Прочем, как бы то ни было, чары, перенесшие его в Гамбуру, не позволяли ему прихватить с собой еще одно одушевленное существо.

Что касается Конана, то маг и вовсе не принимал его всерьез — киммериец представлялся ему чем-то вроде назойливого москита. Окажись Конан на его пути, Тот-Амон раздавил бы его, словно насекомое, заниматься же его поисками сознательно магу и в голову не проходило. В его игре были куда большие ставки, чем жизнь какого-то пирата.

Сосредоточь Тот-Амон свое внимание на Хабеле, он тут же признал бы ее в белой рабыне. Но сейчас он думал только о Короне Кобры. Лицо его озарилось радостью, когда он узрел вожделенный предмет на стульчике. Перешагнув через бесчувственное тело королевы амазонок, маг приблизился к Короне. Осторожно взял ее в руки, он поднес к лицу и стал рассматривать, любуясь тем, как играет на границах бесчисленных кристаллов свет факела, нежно ощупывая плавно переходящие одно в другое змеиные кольца.

— Ну наконец! — с облегчением выдохнул маг, в глазах его заплясали алчные огоньки. — Теперь весь мир будет у моих ног! Священный завет великого Сета будет единственным законом этого мира!

Зловеще улыбнувшись, Тот-Амон произнес тайное слово и сделал странный жест. Ярко вспыхнул изумрудный огонь, и маг тут же исчез. Свет померк, сменившись едва заметным призрачным свечением, но вскоре погасло и оно.

На земляном полу возле ног Хабели лежало бездыханное тело черной королевы. Принцесса потихоньку приходила в себя. Оказалось, что она может стоять на цыпочках, при этом боль в запястьях стихала. Ремни были затянуты туго, но покрывшиеся обильным потом запястья теперь

могли скользить в них. Хабела попыталась высвободить сначала одну руку, затем — другую, но у нее ничего не получалось. Прошло бесконечно много времени, прежде чем рука выскользнула из пут; освободить вторую руку было уже несложно.

Обессиленная Хабела повалилась на пол. Руки ее так затекли, что она не могла пошевелить пальцами. Однако вскоре она почувствовала, как в руки ее вонзились тысячи раскаленных игл. Принцесса стала постанывать от боли, но тут же заставила себя замолчать — ее стоны могли разбудить черную королеву.

Вскоре руки стали слушаться ее. Хабела встала и посмотрела на простершееся у ее ног тело Нзинги. Грудь королевы вздымалась, то опадала

— казалось, что она спит.

Хабела подошла к стене, возле которой стоял кувшин с вином, поставленный сюда Нзингой. Она стала жадно пить сладковатую прохладную жидкость, и каждый глоток придавал ей сил.

Она вновь посмотрела на бесчувственное тело королевы, ища глазами кинжал. Ничего не хотелось ей так сильно, как вонзить клинок в ту роскошную грудь. Принцесса дрожала от ненависти: чувство ее было так сильно, что казалось, одно оно способно лишить жизни это чудовище.

Но тут Хабела задумалась. Во-первых, она не знала, насколько крепок сон Нзинги. Если она попытается достать кинжал из ножен, сильная и ловкая Нзинга, проснувшись, заколет этим кинжалом ее, принцессу, или же призовет на помощь стражниц. Но даже если Нзинга и не проснется, принцесса сможет нанести ей только один удар, если же он не будет смертельным, на крик своей королевы сюда сбегутся амазонки.

Удерживало ее от убийства не только это. Рыцарский кодекс Зингары, который она впитала с молоком матери, запрещал убивать спящего неприятеля. Разумеется, зингарцы нарушили свой кодекс чести не реже, чем выходцы из других народов, но Хабела тем не менее старалась всегда следовать ему, тем более что она принадлежала к королевскому роду. Если бы попытка убить королеву не была связана с опасностью для ее собственной жизни, принцесса могла бы поддаться чувству и преступить закон, но вот сейчас...

Быстрыми шагами принцесса подошла к шторе, скрывавшей выход из камеры. Собравшись с духом, она ступила в обступавшую ее со всех сторон тьму.

Факелы, освещавшие камеру, догорали. Их красноватый свет освещал пустое кольцо, подведенное к потолку, окровавленный хлыст и раскинувшееся на полу грузное черное тело.

Глава 15

ЧЕРНЫЙ ЛАБИРИНТ

Стоило Хабеле покинуть камеру пыток, как она в растерянности остановилась. В этой части дворца она никогда не бывала и потому не имела ни малейшего представления, куда ей следует двигаться, — менее всего она хотела вновь оказаться в руках королевы.

Глядя на пустой, вымощенный камнем коридор, принцесса решила, что она, скорее всего, оказалась в подземном лабиринте, который, по слухам, находился прямо под дворцом королевы амазонок. По всей видимости, вход в эту часть замка усиленно охранялся, и потому принцесса в любую минуту могла наткнуться на стражниц. Выбрав путь, который вроде бы вел вверх, она зашагала по нему скрым шагом.

В подземелье было тихо: где-то далеко капала вода, время от времени под ногами раздавался едва слышный шорох — это разбегались мыши. Кое-где на стенах были размещены бронзовые светильники, наполнявшие коридор мерцающим желтоватым светом. Светильники эти находились так далеко друг от друга, что подолгу приходилось идти едва ли не в полной темноте. На этих темных переходах принцессу то и дело встречали красные бусинки мышиных глаз, удивленно взиравших на нее.

В этой зловещей тишине и темени принцесса казалась себе белесым привидением; ей было страшно — нервы ее были напряжены до предела. Хабеле казалось, что незримые глаза постоянно следят за нею; как она ни старалась, это неприятное ощущение не покидало ее ни на минуту.

Коридор то искривлялся, то раздваивался, то резко уходил в сторону. Какое-то время принцесса пыталась осознано выбирать тот или иной путь, но вскоре она поняла, что уже давно бредет наугад. Разумеется, назад она пока могла вернуться, но встретиться с Нзингой вновь было превыше ее сил. Оставалось одно — идти вперед наудачу, моля Митру о том, чтобы он вывел ее под открытое небо.

Проплутав какое-то время, Хабела вышла к подземным застенкам. По обеим сторонам прохода виднелись медные решетки, за которыми можно было разглядеть пленников. Некоторые из них рыдали, некоторые постанывали, но по большей части они не издавали ни звука.

Девушка заглянула в несколько камер. Увиденное подействовало на нее так сильно, что дальше она шла, глядя в землю, и старалась не смотреть по сторонам. Иные пленники исхудали настолько, что стали походить на живые скелеты. Иные смотрели на нее горящими безумными глазами. Грязные их тела были покрыты бесчисленными язвами. Тела умерших обгладывали крысы, жившие здесь во множестве.

Свернув за угол, Хабела замерла от изумления — она стояла перед камерой, в которую был заключен Конан-киммериец. Тело его лежало на ворохе сена. «Одно из двух, — подумала Хабела, — либо я сходу с ума, либо это действительно он, пират-великан».

Да, это действительно был киммериец. Он лежал так тихо, что казался мертвым. Однако, присмотревшись, принцесса увидела, как вздымается его грудь. Похоже, Конан находится в глубоком забытьи.

Хабела тихо позвала его по имени, но в ответ услышала только храп. Она дернула на себя решетчатую дверь — та была заперта.

Что же ей теперь делать? В любой момент сюда могут нагрянуть стражницы Нзинги, которые тут же заметят ее. Хабела вспомнила, как этот отважный пират спас ее там, на

Безымянном острове, и решила попытать счастья еще раз.

Она вновь назвала его по имени. И тут взгляд ее упал на глиняный кувшин, стоявший у стены. В кувшине была вода, предназначавшаяся, судя по всему, для заключенных.

Хабела приподняла кувшин и подтащила его к камере киммерийца. К счастью, Конан лежал так, что голова его находилась прямо возле решетки.

Зингарская принцесса могла вылить содержимое кувшина прямо на лицо спящего киммерийца, что она не замедлила сделать. Конан стал кашлять и, наконец, чертыхнулся. Он застонал и сел, глядя по сторонам ничего не понимающим взглядом.

— Клянусь ледяными адами Имира, — начал было он, но тут заметил бледное испуганное лицо нагой зингарской принцессы. Конан тут же пришел в себя. — Ты? во имя Крома, скажи мне, — что происходит? — Изумленно посмотрев по сторонам, Конан продолжил: — Как это меня угораздило попасть в этот ад? Где мы? Что происходит? Моя голова раскалывается так, словно все демоны Преисподней пинают ее ногами...

Девушка кратко поведала киммерийцу о всех ее злоключениях. Конан внимательно слушал ее, потирая рукой подбородок и недовольно щурясь.

— Стало быть, Нзинга отравила меня? Как же я об этом не подумал, разрази гром ее черное ревнивое сердце. Она хотела, чтобы я спал все то время, пока она будет разбираться с тобой. Видно, она решила, что королевские покои меня вряд ли смогут удержать, — подземелье, оно как-то надежней... — Киммериец ткнул пальцем в сено, на котором он только что лежал, и засмеялся: — по здешним меркам это роскошь. Похоже, Нзинга решила так: с тобой она расправится, ну а я останусь с ней в прежней роли, — отсюда и эта трогательная забота.

— Что же нам теперь делать, капитан Конан? — спросила принцесса, едва не плача. Запас ее храбрости уже подходил к концу.

— Что делать? — Конан что-то проворчал себе под нос и сплюнул. — Пора мне отсюда выходить. Отойди-ка от двери.

— Что ты говоришь? У меня ведь нет ключа!

— К черту ключи! — проревел киммериец, схватившись своими ручищами за один из прутьев решетки. — Эти прутья сделаны из мягкого металла, да и лет им немало. За то время, что они здесьостояли, они прогнили наполовину. Так что ключи мне ни к чему. Отойди от решетки!

Уперевшись ногой в решетку, Конан напрягся и потянул на себя прут, изъеденный временем. Страшная сила, дремавшая до времени в его плечах, спине и руках, наконец нашла себе применение. Дыхание его стало хриплым; лицо потемнело. Капельки пота выступившие у него на лбу, засверкали в свете факелов. Мускулы киммерийца казались отлитыми из бронзы.

Хабела глубоко вздохнула и прикусила губу.

Прут со скрипом вышел из паза дверной рамы и изогнулся. Киммериец потянул его на себя с удвоенной силой, и тут же со страшным треском прут лопнул — звук этот походил на щелчок огромного кнута.

Конан швырнул его в ворох сена и, прислонившись к стене, перевел дух. Он протиснулся боком через образовавшийся пролом и оказался в тюремном коридоре.

Хабела смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Ну и силища у тебя! — едва выговорила она.

Конан принял массировать руки.

— К счастью, такое мне не каждый день приходится делать, — сказал он с усмешкой. Посмотрев в глубь коридора, киммериец недоуменно спросил: — и куда же нам теперь идти? Где здесь выход? Слушай, а кто это тебя так отхлестал? Неужели Нзинга?

Хабела кивнула и стала рассказывать о том, что произошло после того, как она вышли из

гостиной. Глаза Конана наполнились блеском.

— Странная история, — сказал он, — и самое странное в ней — появление стигийского мага; в том, что это был именно маг, я никак не сомневаюсь. Колдунов этих мне доводилось встречать и прежде. Хотелось бы знать, кто же именно завладел Короной Кобры. Ты уверена, что это был не Менкара? Тот монах, что таскался повсюду вместе с Зароной?

Хабела покачала головой.

— Нет. Пока я была на «Петреле», я видела его не раз. Менкара невысок и худ, говорит же он словно нехотя. Этот же человек выглядел совсем иначе, хотя, похоже, они оба принадлежат к одному народу, — он был высок и статен, в облике же его чувствовалось что-то очень властное.

Конан делал вид, что внимательно слушает принцессу, сам же в это время разглядывал коридор. Он чувствовал, что медлить больше нельзя. Если им и суждено покинуть город амazonок, то сделать это они могут только сейчас, когда королева Нзинга лишена чувств. Сколько долгим будет ее сон, вызванный чарами стигийца, киммериец не знал.

Извилистый ход вел вниз. Конан снял со стены тяжелый факел и довольно ухмыльнулся — теперь у него было хоть какое-то оружие. Факел представлял собой здоровенную дубину, к верхнему концу которой был прикреплен кусок промасленной тряпки. Желтоватое пламя нещадно чадило. Кстати говоря, следить за состоянием факелов и вовремя менять на них тряпки было обязанностью Хабелы.

Тоннель неожиданно пошел в сторону. Конан и принцесса повернули за угол и — оказались лицом к лицу с отрядом стражниц. Воительницы эти были одна другой выше, на скользких некрасивых их лицах поблескивали узенькие глазки. Они были одеты в кожаные юбки и нагрудники, на которых были закреплены бронзовые пластины. В руках амazonки держали копья и короткие бронзовые мечи.

— Поймать их! — раздался хриплый голос Нзинги, стоявшей за спинами амazonок. Красивое лицо королевы исказилось гримасой гнева. Конан холодно улыбнулся — он должен был сражаться, иного выхода у него попросту не было.

Конан был выходцем из Киммерии и потому считался варваром. Южане казались ему изнеженными и ненадежными. Но у него, варвара, были свои понятия о чести, и потому менее всего ему хотелось сражаться с женщинами, не говоря уже о том, чтобы убивать их. Теперь он должен был забыть об этом.

Не дожидаясь атаки амazonок, он метнулся вперед, размахивая горящим факелом. В одно мгновение он уложил двух стражниц, проломив им черепа. Огромная амazonка зарычала и хотела было нанести ему удар мечом, но он ткнул ей в лицо факелом. Волосы ее вспыхнули, и она, завизжав, стала кататься по полу. Он выхватил ассегай из рук воительницы, метившей ему в живот, и отшвырнул его к стене. Стремительный, словно пантера, он вновь занес факел над головой, но тут же замер.

Проскользнув мимо сражающихся, Нзинга подбежала к принцессе и, схватив ее своей огромной черной ручищей, приставила ей к горлу остро заточенный кинжал.

— Брось факел, белый пес, или твоя сучка захлебнется собственной кровью! — ледяным голосом приказала королева.

Конан ругнулся, поняв, что Нзинга вновь провела его. Факел упал на каменные плиты.

Амazonки тут же окружили киммерийца. Толстой веревкой они связали ему руки так, что Конан не мог и пошевелить ими. Похоже, лить из металла кандалы в стране амazonок еще не умели, решетки же, виденные Конаном в подземелье, скорее всего поставлены прежними обитателями города.

— Дело сделано, королева, — пробасила огромная стражница. — Почему бы его прямо здесь и не заколоть?

Нзинга оценивающе посмотрела на сверкающий потом торс Конана.

— Нет, — наконец сказала она. — Этому предателю уготована иная судьба. Тот, кто пренебрег моей любовью, не сможет устоять перед моей ненавистью. Отведите их в загон для рабов, там они пробудут до рассвета. Утром мы отдадим их деревьям куламту!

Конану показалось, что, услышав это непонятное слово, амазонки вздрогнули. Он никак не мог взять в толк — чем же могут быть страшны деревья?

Глава 16

АЛЧНОЕ ДЕРЕВО

Конан, прищурившись, посмотрел на солнце, поднимавшееся за далеким лесом. Он стал с интересом осматриваться вокруг.

Его и зингарскую принцессу привели на центральную площадь Гамбуру. С одной стороны площади возвышался древний дворец, у ворот которого стояли две источенные временем загадочные скульптуры. Конан лежал в широкой яме, находившейся в самом центре площади. Дно ямы было песчаным. Оказавшись в Гамбуру, Конан тут же подметил сходство этой ямы с ареной, виденной им в аргосской Мессантии. Правда, там, в Мессантии, арены была оснащена воротами, через которые на нее выходили гладиаторы и дикие звери, здесь же никаких ворот не было.

Странным казалось и то, что в самом центре арены растут деревья. По всей видимости, это и были куламту, о которых говорила Нзинга. Внимательно посмотрев на ближайшее дерево, киммериец понял, что ничего подобного он в своей жизни еще не видел, хотя дерево это отдаленно напоминало банан. Ствол его был губчатый и казался мягким; он походил на колонну, заканчивавшуюся на вершине круглой сырой дырой, напоминавшей рот. Под этой дырой располагались кругом огромные, в рост человека, листья — длинные, широкие и толстые. Наружная поверхность листьев была покрыта толстым, в палец толщиной, волосом.

Каменные трибуны медленно заполнялись празднично одетыми амазонками — их бедра были прикрыты леопардовыми украшениями, на головах покачивались перья, шеи были украшены пестрыми варварскими ожерельями. Среди пришедших было много знатных персон, знакомых Конану по пирам, устраивавшимися Нзингой.

Конан решил испытать свои путы на прочность. Мышцы на его руках вздулись от напряжения. Веревки ему не поддавались, хотя и были сплетены из растительных волокон. Связаны были и его лодыжки. Ну и дела, — подумал киммериец, — в свое время ему доводилось рвать цепи, а тут он не может справиться с какой-то жалкой веревкой! Связавшие его стражницы, похоже, хорошо знали свое дело.

Трибуны заполнились. По команде Нзинги, сидевшей в окружении вельмож, стражницы подтащили тела Конана и Хабелы поближе к деревьям. Амазонки поспешно отступили назад, оставив беспомощных людей на песке.

Сидевшие на трибунах амазонки чему-то радовались, весело визжали, то и дело показывали пальцами на что-то находящееся над головами пленников.

Хабела завопила. В тот же миг Конан почувствовал, как нечто коснулось его ноги.

— Кром!

Один из гигантских листьев дерева куламту пригнулся к земле и теперь медленно обвивался вокруг его лодыжки. Хабела завопила вновь — вокруг ее тела обвивались листы другого дерева.

Конан сжал зубы. Эта часть Куша была неизвестна ему. Правда, в ту пору, когда он и Белит пиратствовали на Черном Берегу, он не раз слышал о страшных деревьях-людоедах, которые растут в глубине континента. Киммериец относился к этим рассказам как к нелепым рассказням, порожденным варварскими суевериями.

Конан побледнел — теперь ему было понятно, почему вокруг деревьев разбросаны человеческие кости. Ворсистые огромные листья обвиваются вокруг его тела, поднимут его вверх и сбросят его в смрадную дыру. Это дьявольское дерево проглотит его целиком. Едкие соки,

выделяемые волокнами ствola, растворяют его плоть, костяк же дерево изрыгнет назад.

Теперь вокруг него обвивалось уже три листа; киммериец попытался откатиться в сторону, но не тут-то было — листья крепко держали его. Они стали поднимать его вверх. Каждое прикосновение ворсинок отзывалось в его теле жгучей болью — листья жалили его, словно шерши. Отвращение и ужас, овладевшие Конаном, придали ему сил.

Трибуны неистовели. И тут Конан услышал слабый звук — это лопнуло одно из волокон веревки. Тут же лопнуло еще несколько волокон.

Конан сообразил, что едкую жидкость выделяет не только ствол, — она питала собой и листья. Конан напрягся изо всех сил и вскоре смог высвободить руку. Отодрав лист от лица, он принялся рвать волокна, стягивавшие его вторую руку, и вскоре уже лежал на песке. Тело его было покрыто зудящими красными пятнами.

На трибунах раздался вой, из чего Конан заключил, что подобного прежде не случалось. Судя по всему, обычно амазонки приносили в жертву своим деревьям-людоедам людей, измученных пытками и длительным заключением в подземных застенках. Такие великаны, как он, деревьям были явно не по зубам. Отодрав последний, цеплявшийся за него лист, Конан решил воздать амазонкам сполна.

Хабела, спеленатая, словно мумия, толстыми листьями, была уже над стволовом. Подпрыгнув, Конан схватился за листья, тащившие ее вверх. Его веса листья уже не выдержали. Часть листьев оторвалась от стволов, другие разорвались пополам, выпустив из своих хищных объятий несчастную принцессу. Конан вновь стоял на горячем песке, держа девушку в руках. Он тут же сорвал с ее тела обрывки листьев, корчившихся, словно от боли. Все тело принцессы было усеяно такими же, как у него, красными пятнами. Конан легко разорвал связывавшие принцессу пуги, что были наполовину разъедены соком куламту.

Амазонки заволновались. Несколько стражниц спрыгнули на арену и понеслись к белым пленникам. Сорвав остатки зеленой пленки с лица Хабелы, Конан приготовился ко встрече с этими врагами рода человеческого.

Амазонки, однако, не спешили приближаться к нему. Остановившись в нескольких метрах от киммерийца, они принялись всячески угрожать ему, потрясая при этом своим оружием. Неожиданно Конан понял, что они боятся не нагого безоружного человека, но деревьев, стоявших у него за спиной. Похоже, эти адские прожорливые деревья представлялись амазонкам всесильными, как боги. И тут ему в голову пришла замечательная идея.

Повернувшись назад, он уперся плечом в дерево, только что собиравшееся полакомиться им. Дерево корчилось и раскачивало своей изуродованной кроной, совершенно забыв о Конане. Пористый его ствол казался достаточно хрупким.

Надавив на ствол, Конан услышал слабый скрип и почувствовал, что дерево поддается вперед. Собравшись с силами, он приложился к стволу еще раз, и дерево, неожиданно для него, упало наземь — в песке оно удерживалось лишь несколькими белыми усиками, служившими этому дереву-каннибалу корнями.

На трибунах раздавались крики, полные негодования. Конан взял ствол так, словно тот был тараном. В длину он имел футов десять, в толщину — не меньше фута. Несмотря на внушительные размеры, ствол был на удивление легким.

С бревном наперевес Конан пошел в атаку. Амазонки стали с визгом разбегаться. Киммериец довольно усмехнулся. Стражницы ужасно боялись своего священного дерева и старались держаться от него подальше. Взмахнув бревном, Конан уложил сразу двух амазонок. Остальные побежали к трибунам.

На пленников тут же посыпался целый дождь дротиков. Одно из копий вонзилось в бревно рядом с его рукой. Несколько изогнутых метательных ножей просвистели у него над головой.

— Хабела! — приказал Конан, — хватай копье и иди за мной!

Они устремились к трибунам — Конан впереди, принцесса за ним. Стоило киммерийцу взмахнуть исходящим едким соком бревном, как кольцо амазонок распалось. Выскочив из ямы, пленники побежали к улочке, ведущей к Западным Воротам.

Конан полагал, что по крайней мере половина воинства Гамбуру набросится на беглецов, стоит только им выйти из ямы. Но происходило что-то совсем иное. В воздухе мелькали огненные стрелы, крыши многих домов уже были объяты племенем. На площади в лужах крови лежало с дюжину трупов амазонок, пронзенных копьями. Воздух оглашался неистовыми грозными криками. На город амазонок кто-то напал.

Он увидел, как на площади появилось целое воинство чернокожих мужчин. Двигаясь стройными рядами, они разили направо и налево мечущихся амазонок.

Среди лучников Конан заметил своего старого приятеля Юму и выкрикнул его имя. Увидев его, Юма заулыбался и что-то скомандовал своим воинам. Ряд воинов расступился, пропустив зингарскую принцессу и Конана, и тут же сомкнулся вновь. Конан отбросил бревно в сторону. Тут же отряд стал отступать к улочке, ведшей к воротам.

Конан захотел и дружески огrel Юму.

— А я-то думаю, кто это еще на мою голову свалился! Ничего не скажешь

— ты поспел вовремя!

Юма засмеялся и выдернул стрелу, пущенную амазонкой, из своего щита, обтянутого кожей носорога.

— Думаю, ты и без меня смог бы с ними справиться!

Пока отряд пробивался к Западным воротам, Юма рассказал о том, как его людям в конце концов удалось найти след работорговцев, что вел в Гамбуру. Тогда же, собрав всех своих воинов, Юма и пошел в поход на столицу амазонок.

— Я боялся, что тебя уже нет в живых, — закончил свой рассказ черный царь. — Я совсем забыл о том, что подобные приключения для тебя стали делом привычным и побороть всех амазонок разом тебе ничего не стоит.

Приблизившись к воротам, Конан заметил голубоглазого рыжебородого Сигурда, возглавлявшего отряд пиратов, прикрывавших черных воинов с тыла. Северяне поприветствовали друг друга криками — для разговоров время еще не настало.

Выйдя из ворот города, которым правила Нзинга, Конан с облегчением вздохнул. Да, королева была женщиной незаурядной и страстной, но роль любовника монаршей особы явно не устраивала Конана. К тому же она могла и устать от его объятий — и тогда его кости белели бы рядом с костями его предшественников.

— Теперь я понял, что значит стрелять по-турански, — сказал Конан, обратившись к Юме. Амазонки вышли было из ворот, но люди Юмы сомкнули свои ряды и осыпали их таким градом стрел, что те тут же скрылись за стенами города.

Вскоре отряд въехал под полог леса. Лишь теперь Конан и Сигурд смогли обнять друг друга. Взглянув на Хабелу, Сигурд встал перед ней на колено.

— Принцесса, — сказал он изумленно, — клянусь грудью Иштар и огненным брюхом Молоха, — вам надо что-нибудь одеть на себя! Что о вас подумает ваш батюшка? возьмите хотя бы это!

Ванир снял с себя рубаху и накинул ее на плечи принцессе. Та надела ее, высоко закатав рукава. Сигурд был рослым малым, рубаха его доходила Хабеле до колен.

— Благодарю вас, Сигурд! — ответствовала принцесса. — Вы конечно же правы. Я столько времени провела среди нагих людей, что даже привыкла к собственной наготе.

— Ну и куда теперь, Конан? — спросил Сигурд. — Не знаю, как ты, но я-то этими самыми

джунглями съят по горло. Если тебя не съедят заживо москиты и пиявки, то, что от тебя останется, с удовольствием доедят львы.

— Мы возвращаемся в Кулало, — ответил Конан, — и сразу же отправляемся на борт «Вастреля». Если наши люди уплыли, не дожидаясь нас, я все равно разыщу их и спущу с них шкуру!

— Но ведь сначала нам нужно отпраздновать победу! — возмутился Юма. — Теперь, когда мои люди превзошли амazonок Гамбуру, они полны решимости сразиться с ними снова и захватить все их земли! Самое время пить вино...

Конан покачал головой.

— Благодарю тебя, но боюсь, дружище, у нас нет на это времени. Нам пора возвращаться в Зингару. Против отца принцессы Хабелы короля Фердруго готовится какой-то заговор — и потому, чем быстрее мы окажемся в Кордаве, тем лучше. Похоже, в заговоре этом участвует добрая половина стигийских магов, так что праздновать победу еще рано. Сначала нам надо победить.

Глава 17

ГИБЕЛЬ «ВАСТРЕЛЯ»

Путь из Гамбуру в столицу царя Юмы Кулало и далее, к устью реки Зикамба, в котором и был оставлен «Вастрель», занял на один день. Хабелы слишком ослабла для того, чтобы идти пешком. Черные воины соорудили для нее бамбуковые носилки, и потому путешествие для нее было необременительным.

Что касается Конана, то несколько часов отдыха, полбурдюка бананового вина и гигантский кусок жареного мяса восстановили его силы сполна. Как и прежде, Конан был куда сильнее и выносливее всех тех, с кем ему доводилось встречаться. Особой гордости от этого он не испытывал, считая это качество то ли доставшимся ему от предков, то ли ниспосланым ему богами, — и в том и в другом случае он был здесь ни при чем.

Солнце уже заходило, когда они вышли на поросший пальмами берег Зикамбы. К тому времени, когда они достигли ее устья, на небосклоне уже появилась луна. В дельте реки вода была грязной — морские волны поднимали с речного дна тучи ила. Пираты вышли к морю и — замерли, потрясенные увиденным.

Сигурд ахнул и разразился градом проклятий. Конан молчал, однако лицо его тут же потемнело от гнева.

«Вастрель» лежал на мелководье, на палубах его играли волны. Вместо мачт торчали головешки, огонь изрядно подпортил и палубу. На берегу, у края леса, виднелось в десяток холмиков земли, которая не успела даже просохнуть.

Все это говорило о том, что недавно здесь произошел бой, в котором «Вастрель» потерпел поражение.

Звук шагов отряда Конана и Юмы пробудил караульных. Послышались крики и топот. Вспыхнувшие факелы осветили небольшой отряд матросов, державших свои сабли наголо. Конан приказал своим спутникам стоять на месте, сам же поспешил вперед.

Это были его люди, но выглядели они так жалко, что их трудно было узнать. У большинства руки и ноги были перебинтованы, некоторые опирались на кости. Его помощник Зельтран поспешил вперед. Он держал саблю в левой руке, правая рука была перевязана.

— Капитан! — воскликнул он. — А мы уж и не чаяли вас видеть! Джунгли вас словно заглотили!

— Как видишь, Зельтран, я жив, — спокойно ответил Конан. — Но скажи мне — что здесь произошло? Я понимаю, что на вас напали, но кто мог это сделать?

Зельтран печально кивнул. Только теперь Конан заметил, как осунулось лицо помощника.

— Это сделал грязный пес Зарон! — заговорил Зельтран хриплым голосом. — Три дня тому назад «Петрель» застал нас врасплох...

— Врасплох? — зарычал Конан. — Что это означает? Вы что — не выставили дозорных?

Зельтран чертыхнулся.

— Как же не выставили... Даже если бы все мы стояли в дозоре, ни один из нас не смог бы заметить его! Нас окутал такой туманища, какого я отродясь не видел! Смотреть сквозь него — все равно что смотреть сквозь каменную стену!

— Что верно, то верно, капитан! — поддержал помощника матрос. — Капитан Конан, тут без волшебства не обошлось! Это все магия, провались я на этом самом месте!

— И вы хотите сказать, что «Петрель» смог подойти к вам в таком тумане?! — повысил

голос Конан.

Зельтран кивнул.

— Да, сэр. Именно так все и произошло. Сначала мы услышали скрип оттого, что наши галеоны сошлись бортами, и в тот же миг головорезы Зароно появились на нашей палубе. Мы сражались — боги тому свидетели, — вы и сами видите наши раны; но неприятель превосходил нас числом, к тому же появление его было для нас совершенно неожиданностью. В конце концов они оттеснили нас за борт. Я пытался прикрыть своих ребят.

— Послушайте, капитан, — вмешался в разговор матрос, — клянусь вам, он сражался за троих!

— Но тут что-то случилось с моей головой, — продолжал Зельтран. — Когда я пришел в себя, я уже был привязан к мачте, а вокруг скалили зубы эти псы. Потом появился сам Черный Зароно — кружевна рубашка и все такое прочее, — ну а рядом с ним был жрец Менкара — змея змеей.

«Так-так, дружище, — обратился ко мне Зароно, — а где же твой хозяин, этот увалень Конан?»

«Он ушел на берег», — ответил я ему.

Зароно дал мне пощечину и сказал: «Я и сам это вижу, скотина. Куда именно он пошел?»

«Понятия не имею, сэр, — отвечал я ему, понимая, что бесить его не стоит. — Где-то там живут его друзья — к ним он и пошел».

«А была ли с ним эта зингарская девка?» — спросил Зароно.

«Кажется, она ушла вместе с ним», — ответил я.

«Ну а теперь говори — в какую сторону они пошли? Говори же, ну!» — настаивал на своем Зароно.

Я сделал вид, что не имею ни малейшего понятия о том, где живет царь Юма, и тогда они стали жечь мою правую руку раскаленными угольями. Я как-нибудь покажу вам эти раны, капитан, — пусть только они немножко подзаживут. Тогда Зароно и стигийский жрец отошли в сторону и стали о чем-то шептаться. Жрец вытащил на палубу какую-то странную штуковину, сел перед ней и стал что-то такое бормотать, пока от этой само штуковины не пошел свет. Он сказал Зароно; «Я вижу, как черные воины несут ее на носилках по лесной тропе. Воинов там много. Большего я сказать не мог».

От этих слов Зароно пришел в страшную ярость. Для того чтобы хоть как-то излить свой гнев, он стал бить меня по лицу. «Скажи мне на милость,

— закричал он, обращаясь к Менкаре, — как я буду икать ее в этих проклятых джунглях, какими силами я буду воевать с этими варварами? С тем же успехом я мог бы запрыгнуть на луну!»

Посовещавшись, Зароно и Менкара решили уничтожить «Вастрель» и тут же отправиться в Кордаву. По пути они должны были зайти в Стигию, где их ожидал сообщник. Имя его — если я правильно все услышал — Тот-Амон.

— Тот-Амон — удивился Конан. — О нем мне уже доводилось слышать. Насколько я знаю, это враг опасный. Но продолжай. Похоже, эти псы от тебя особенно не таились.

— Что вы, капитан! Разве они думали, что я останусь жив. Зароно приказал своим людям спуститься на шлюпку и проломить борт нашего галеона ниже ватерлинии. Другим он приказал облить мачты маслом и поджечь корабль.

— Кажется, к одной из мачт был привязан и ты?

— Совершенно верно, сэр. Если быть точным, меня привязали к грат-мачте. Разумеется, нисколько не хотел быть поджаренным заживо, поэтому, стоило людям Зароно покинуть наш корабль и оттолкнуть «Петрель» от его борта, я помолился Митре, Иштар и Асуре, я помянул

всех богов, о которых мне доводилось слышать. Просил же я у них только одно — как-то спасти меня. И что вы думаете, капитан, — стоило «Петрелю» скрыться в тумане, как пошел дождь! «Вастрель» стал тонуть, пока не сел на дно. Я ста крутиться, как уж, и в конце концов освободил руки — они совсем не знают, что такое настоящие морские узлы. Когда наконец я освободился, я принял тушить огонь, и в этом мне здорово помогал дождь. И все же я не смог спасти ни мачты, ни такелаж. Вот и вся моя история.

Конан проворчал:

— Если бы он был поумнее, он не стал бы одновременно поджигать и топить корабль. Либо одно, либо другое. — Он похлопал помощника по плечу, и тот скорчился от боли в руке. — Я знаю, что и ты, и ребята вели себя достойно. Теперь же нам надо понять, сколько времени потребуется для того, чтобы привести «Вастрель» в порядок.

Лицо Зельтрана приняло скорбное выражение.

— Боюсь, капитан, что работы займут у нас несколько месяцев. У нас нет ни дока, ни настоящих корабелов — поди-ка сыщи их в джунглях!

Юма выступил вперед.

— Мои люди помогут вас в ремонте корабля, — сказал он. — Если работать вместе, мы сделаем эту работу куда быстрее.

— Возможно, ты и прав, Юма. Спасибо тебе за то, — сказал киммериец. — Но разве твои люди что-нибудь смыслят в корабельном деле?

— Ничего они в этом не смыслят — мои люди привыкли жить на суше. Но нас много, и силы нам не занимать. Плотников же мы найдем столько, сколько нужно. Если ваши люди покажут им, что нужно делать, они не уйдут отсюда, пока не закончат работу.

— Прекрасно! — сказал Конан. Повысив голос, он обратился к приунывшим матросам: — Ребята, мы проиграли эту битву, но война еще не закончена! Черный Зароно, одолевший вас с помощью колдовства, спешит к берегам Зингары, в надежде свергнуть нашего господина, старого короля Фердруго! Люди царя Юмы помогут нам исправить корабль. Мы вновь пойдем под парусами на нашем старом добром «Вастреле», мы отомстим этому подлецу и сорвем его коварные замыслы! Что т сказал?

— Мы потеряли много людей, — печально ответил боцман, кивком головы указав на ряд могил.

— Ты забываешь о том, что вместе с нами плывут аргосцы Сигурда! если мы сколотим одну команду и забудем обо всех прежних обидах, люди нам не понадобятся. Люди, что вы скажете мне на это? Только отвечайте честно!

Моряки согласно заревели; в свете луны заблистали поднятые сабли.

Никогда еще Конан не видел, чтобы люди работали так дружно. Зацепив тросами обрубки мачт, они выпрявили корабль. Они вытащили из заполненного водой трюма все инструменты. Из стволов поваленных деревьев они напилили досок и ими залатали прореху в борту. Они выкачивали из трюма воду, и «Вастрель» вновь легко закачался на волнах.

Вскоре на корабле появились новые мачты и рангоуты, сделанные из тесанного дерева. В столице Юмы женщины ткали новые паруса, мужчины же разводили огромные костры из смолистых двор и собирали вытекавший из-под них деготь. Работа не прекращалась ни днем ни ночью. Мальчишки из племени Юмы освещали стапель самодельными факелами.

И вот настал день отплытия. Пираты едва держались на ногах от усталости и неимоверного количества выпитого, но «Вастрель» уже готов был поймать своими парусами утренний бриз.

Всю ночь люди Юмы, выстроившиеся в длинную цепочку, грузили на борт провиант: бочки с водой и просяной мукой, корзины с фруктами, копченую свиную грудинку, горы батата и других овощей. С таким запасом провизии пираты могли смело отправляться и на край света.

Едва стало светать, Конан стал прощаться с Юмой. Некогда они повевали бок о бок в легионах туранского царя Илдиза, преодолевали крутые перевалы Талакмаса, боролись с узкоглазыми низкорослыми всадниками, чьи одежды были сшиты из блестящей кожи, сражались с каменным идолом, напавшим на них в затерянной среди снегов долине Меру. Теперь судьба свела их в знойных джунглях Куша.

Они молча пожали друг другу руки, растеряно улыбаясь и стараясь не смотреть друг в другу в глаза. И тот и другой понимали, что в этой жизни они, скорее всего, больше не свидятся.

«Вастрель» поднял паруса. Парусина тотчас же натянулась так, что снасти зазвенели. Черные воины стояли на берегу вместе со своими женами и голыми детьми. «Вастрель» вышел в открытое море и взял курс на Зингару.

Глава 18

КОРОЛЕВСТВО В ОПАСНОСТИ

Солнце уже заходило, когда Конан завел «Вастрель» в гавань Кордавы. Все небо было затянуто облаками.

Немногие заметили этот изящный галеон, когда он бесшумно вошел в гавань и тихо уткнулся носом в дальний причал. Конан решил войти в город как можно незаметнее, ибо не знал ни того, кто сейчас царствует в Зингаре, ни того, сколь давно прибыли в город Зарон и Тот-Амон. В том, что они опередили его, киммериец нисколько не сомневался. Зельтран коснулся его руки и указал на один из причалов.

— Это — «Петрель», — прошептал помощник. — Капитан, может, стоит поджечь его, ока здесь никого нет?

Конан заулыбался:

— Что-то ты сегодня сильно горяч, Зельтран, не мешало бы взять себя в руки. Ты ведь не любишь спешить, верно? В нашей игре ставки куда как серьезнее. Скорее всего, наши приятели находятся не здесь, они плетут свои тенета где-нибудь в королевском дворце.

Принцесса нетерпеливо схватила Конана за руку.

— Капитан Конан, почему мы не идем во дворец? Ваши люди могут и подождать. Надо предупредить моего отца, что эти предатели Вилагро и Зарон могут...

— Да замолчите вы! — вновь усмехнулся Конан. — Не надо так спешить, девонька, неужели жизнь тебя этому ее не научила? Вполне возможно, что предатель-герцог и колдун Тот-Амон уже захватили власть, и тогда мы попадем в их паутину, словно глупые мухи. Нет я хочу поступить иначе.

— Иначе? Как же именно? — не унималась принцесса.

Конан мрачно улыбнулся:

— Сначала мы отправимся в то место, где я чувствую себя в безопасности, — я говорю о «Девяти Обнаженных Мечах».

— «Девяти Обнаженных Мечах?» — недоуменно переспросила принцесса.

— О местечках такого рода знатные господа и не слыхивали; но поверь мне, девонька, то как раз то, что нам нужно. Зельтран, я возьму с собой десять человек. Приготовь плащи и фонари, а не забудь об оружии!

Улицы были пустынны; казалось, что они идут по некрополю. Сигурд, суеверный, как и все моряки, то и дело вздрагивал и начинал озираться по сторонам, не выпуская из рук эфеса своей сабли.

— Дело ясное — или все они умерли, или их кто-то проклял, — бормотал он, глядываясь во тьму. Конан попросил его попридержать язык.

Одни только кордавские кошки видели этот небольшой отряд, бесшумно проследовавший к двери таверн «Девять Обнаженных Мечей». Стоило им войти внутрь, как в прихожую выскочил хозяин таверн Сабрал, на ходу вытиравший о халат руки.

— Я очень сожалею, но сегодня наше заведение закрыто, — забормотал хозяин — в согласии с правительенным указом сегодня все таверны города работали только до захода солнца. Соответственно, я попрошу вас...

Конан снял шляпу, сбросил плащ на пол и испытуемое посмотрел на хозяина.

— Что то с тобой, приятель? — спросил он тихим голосом.

— Ах, да я же вас просто не узнал! Разумеется, разумеется — для капитана Конана двери моей таверны всегда открыты! Заходите, ребята, — черт с ним, с законом! Пока я зажгу свечи и найду для вас что-нибудь покрепче, пройдет какое-то время, — но вы не волнуйтесь — все будет так, как вы захотите.

— Странный указ — почему это питейные заведения должны быть закрыты именно этой ночью? — спросил Конан, встав так, чтобы видна была дверь.

Полный держатель таверны пожал плечами:

— Наверное, кроме Митры, об этом никто не знает, капитан. Указ тот был подписан вчера вечером... Похоже, здесь начинает происходить что-то странное, знаете ли, что-то такое... Вначале в Кордаве появился капитан Зароно, плававший неведомо где. Вместе с ним приплыли и какие-то стигийцы. Этот самый Зароно тут же направился во дворец короля Фердруга, так, словно этот дворец принадлежит ему. И заметьте — ни один стражник не сказал ему ни слова, — людей короля словно околдовали. Ну а потом начались эти новые указы, — и городские ворота теперь на ночь закрываться, и остальное все изменилось... Герцог Вилагро стал начальником охраны и тут же издал указ о введении в городе военного положения. Странные вещи, капитан, здесь происходят! ох, странные! Как бы беды какой не случилось!

— Удивительно! — сказал Сигурд.

— Что удивительно? — не понял Конан.

— Неужели не понятно? Клянусь глазом Дагды и пальцем Орванделя! Твой приятель Сабрал говорит тебе о том, что город заперт на замок, а мы вошли в городскую гавань совершенно спокойно! Почему это Вилагро не заставил своих головорезов охранять и пристынь?

— Похоже, они считают, что «Вастрель» и поныне находится в устье Зикамбы, — ответил Конан.

— Что верно, то верно! — обрадовано сказал Сигурд. — Как-то я об этом не подумал. Зароно никогда не поверит, что мы смогли починить корабль так быстро — ему-то и в голову не придет, что люди Юмы могли помочь нам.

Конан кивнул:

— Правильно говоришь, рыжая борода. Если все кончится хорошо, король Фердруго окажется в долгу у черного воина, о котором он никогда не слышал и которого он никогда не увидит!

— Раньше к черным я относился иначе, — сказал Сигурд. — Они казались мне суеверными примитивными варварами. Но твой друг Юма открыл мне глаза. Наверное, в каждом народе есть свои герои и в каждом — свои подлецы.

Однако не время было вести праздные разговоры. Конан принялся расспрашивать Сабрала о том, что же происходит в городе, и тот смог прояснить для него многое. Вилагро пока не занял трон, но теперь это могло произойти в любой момент. Верные королю гарнизоны были посланы на охрану далеких границ, либо смещали с должности; иным из них были предъявлены сфабрикованные обвинения, на основании которых они были посажены в тюрьму. Вечером этого дня ворота дворца были наглухо заперты. Ключниками теперь были люди Вилагро. Во дворце должна была состояться какая-то церемония, но что это за церемония, Сабрал не знал.

— Думаю, речь идет об отречении от престола, — сказал Конан, меряя комнату шагами. — Мы должны попасть во дворец. Но как это сделать? Вилагро и Зароно заперли все его двери. Тот-Амон наверняка держит Фердруго под контролем. Чары могут развеяться, если король увидит свою дочь... тогда-то мы и займемся предателями. Где этот проклятый Нинус? Он давно должен быть здесь...

Сигурд нахмурил брови. С час тому назад Конан осведомился у Сабрала о здоровье своего товарища, ставшего монашком. Хозяин таверны ответил что Нинус давно поправился и вновь

вернулся в монастырь при храме. Тогда Конан послал за ним одного из своих матросов.

— Кто такой этот Нинус? — поинтересовался Сигурд.

Конан передернул плечами.

— Я знаю его еще с тех времен, когда мы промышляли воровством в Заморе. Он вернулся в родную Зингару, когда краснокаменная Замора показалась ему слишком уж неспокойным местом. Здесь он встретился со сладкоречивым миссионером из храма Митры, который смог убедить Нинуса в том, что монахи могут жить припеваючи, играя на страхах и суевериях законопослушных горожан и скучающих домохозяек. Нинус всегда был себе на уме, — так случилось и на сей раз, — он вдруг возьми и действительно стань монахом! Если и существует тайных ход, ведущий в королевский дворец, то о нем наверняка будет знать Нинус. Лучшие, чем он, вора не было, перед ним и Таurus Немедийский, которого люди называли королем воров, кажется мальчишкой. Он всегда знал все ходы-выходы...

Торжественный звук колокола резанул Конана по сердцу. Хабела замерла и крепко сжала его руку.

— Это звонят в храме всех богов! — воскликнула она. — Конан, мы опоздали!

Киммериец посмотрел на ее внезапно побледневшее лицо.

— Что это значит? Говори же, ну!

— Звон этих колоколов возвещает о начале аудиенции! Мы опоздали — она уже началась!

Конан и Сигурд обменялись взглядами и бросились к окну, из которого был виден стоявший на вершине холма дворец.

В тронной зале горели огни. Хабела была права — аудиенция уже началась.

Глава 19

КОРОЛЬ ТОТ-АМОН

То, что происходило в тронной зале короля Фердруго, напоминало спектакль. За изумрудными стеклами ее высоких окон то и дело сверкали молнии, наполнявшие залу мертвенным серо-голубым светом.

Она была огромна. Покатые стены и кольцо мощных тяжеловесных гранитных колонн, отделанных полированым мрамором, поддерживали свод, паривший где-то в вышине. Эта зала была величайшим чудом королевства Фердруго.

Огромные, в руку толщиной свечи горели в массивных золотых светильниках. Их свет и вспышки молний отражались отполированными до зеркального блеска щитами и шлемами стражей, стоявших у стен залы.

На сей раз воинов было куда больше, чем обычно. Это обстоятельство смущало и настораживало придворных вельмож, созванных во дворец королевским глашатаем. Им было приказано собраться в тронной зале, дабы монарх смог обратиться к ним с важной речью.

Ливреи стражников тоже вызывали подозрение. Лишь немногие были одеты в форму Тронного Легиона, призванного охранять Его Величество, все же прочие носили одеяния цветов дома Вилагро, герцога Кордавского.

В центре залы на возвышении, сложенном из зеленого с темными прожилками малахита, стоял трон, вырезанный из розового мрамора. Это был трон династии Рамиро, и сидел на нем сам Фердруго Третий.

Собравшейся в зале знати в последнее время почти не доводилось видеть своего монарха. Люди изумленно смотрели на короля, ибо он состарился так, словно со временем их последней встречи прошли многие год. Тело его усохло, щеки ввалились, члены ослабли. Глубокие тени легли на его лицо, глаза же утратили прежний блеск. В свете молний немощный старец походил на скелет.

На голове, что казалась слишком тяжелой для тонкой морщинистой шеи, поблескивала древняя корона основателя династии короля-героя Рамиро. Верхнее кольцо этой безыскусной золотой короны было покрыто вырезами, делавшими его похожим на верх крепостной стены с зубцами и амбразурами.

Своими восковыми ссохшимися руками король развернул огромный свиток скрепленный множеством печатей. Слабым дрожащим голосом Фердруго стал зачитывать сей странный документ. Вначале шла привычно долгая преамбула, перечислялись всевозможные титулы и звания, звучали тяжеловесные фразы, лишенные какого бы то ни было смысла, но имевшие значение юридическое. Присутствующие стали нервничать — ничего хорошего подобное начало не предвещало.

У возвышения, на котором был установлен трон, стояло двое. Одним из этих людей был герцог Вилагро. В отсутствие принца Товарро, родного брата короля, герцог был вторым лицом в государстве. По выражению его лица можно было сказать, что он с нетерпением чего-то ждет.

Рядом с Вилагро стоял человек, не знакомый ни одному из присутствующих. Голова этого высокого широкоплечего человека была обрита наголо, кожа его была смуглой, а лицо — хищным. Судя по всему, он был уроженцем Стигии. Тело его было покрыто тяжелой длинной мантией, доходящей до пола.

На его выбритую голову был одет странный убор — корона, сделанная в форме золотой

змеи, свившейся кольцами вокруг головы; на странной этой короне сверкали тысячи граненых камней. Люди качали головами и стали перешептываться, говоря исключительно о короне и граненых алмазах, — если это действительно алмазы, то короне этой цены нет. Стоило незнакомцу шевельнуться, как бриллианты тут же начинали сверкать всеми цветами радуги, отражая свет факелов и свечей.

Темнолицый человек казался ушедшим в себя — он едва ли видел стоявших перед ним людей и вряд ли слышал то, что говорилось королем. Казалось, что стигиец сосредоточил все свое внимание и все свои силы на чем-то никому не ведомом.

За спиной герцога Вилагро угадывались темные фигуры злокозненного пирата Зароно и жреца храма Сета Менкары, о котором людям было известно лишь одно — так же как Зароно, он был приспешником герцога.

Фердруго продолжал чтение, теперь документ уже близился к концу. И тут собравшиеся замерли от изумления, ибо вот что они услышали.

— «...настоящим Мы, Фердруго Зингарский, оставляем трон в пользу Нашей дочери и наследницы Принцессы Хабелы и тем самым в пользу помолвленного с нею в ее отсутствие великого принца Тот-Амона Стигийского! Да здравствует Король и королева! Да здравствует Хабела и Тот-Амон — новые правители древней зингарской земли!»

У гостей от изумления раскрылись рты. Но более всех был ошарашен Вилагро, герцог Кордавский.

Он выпучил глаза на старого короля Фердруго; лицо герцога стала заливать мертвенная бледность, губы затряслись, силясь что-то произнести.

Гул голосов был прерван хриплым возгласом короля:

— На колени, сын мой!

Высокий стигиец встал напротив трона и опустился на колено. Сняв с головы Корону Кобры, он бережно положил ее на малахитовую ступень.

Фердруго поднялся с трона и снял древнюю корону короля-героя Рамиро. Трясущимися руками он возложил ее на обритую голову Тот-Амона.

Только теперь Вилагро смог оценить все коварство своего союзника; рука его непроизвольно схватилась за резную рукоять кинжала, висевшего у него на поясе. Он хотел уже было вонзить кинжал в спину великого мага, но тут взгляд его упал на Корону Кобры, лежавшую подле Тот-Амона. Он знал о ее чудесных свойствах. Вернувшись в Кордаву, Зароно рассказал ему о ней:

— Из того, что говорил мне Менкара, и из того, что я видел собственными глазами во время нашего плавания, Ваша Милость, я понял следующее. Корона позволяет своему носителю управлять сознанием других людей. Менкара, маг средней руки, может управлять только одним человеком. Тот-Амон, величайший и магов, способен владеть сознанием нескольких людей. Тот же, кто наденет Корону, сможет управлять тысячами — для этого достаточно знать, как это делается. Он сможет послать на верную смерть полк неугодных ему солдат. Может приказать змее или льву убить своего врага.

Никто не может противостоять воле надевшего Корону Кобры. Ее хозяина нельзя застать врасплох или обмануть, ибо ему ведомы мысли всех. Приблизиться же к нему сможет лишь тот, кому это будет приказано. Смертные, подобные вам и мне, мой господин, часто страдают т того, что их приказы выполняются скверно, — вспомните, как улизнула от нас принцесса. Однако великий Тот-Амон может не опасаться неудач, ему достаточно приказать, и приказ его тут же будет в точности выполнен, пусть даже его слуге для этого придется пожертвовать жизнью.

И вот уже старый Фердруго возлагает древнюю зингарскую корону на лысый череп этого подлого стигийца. Впрочем, для этого Тот-Амону пришлось снять Корону кобры... Герцог

Вилагро решил действовать.

С поразительной для его лет быстротой герцог взбежал на малахитовый помост. Ничего не подозревавший Тот-Амон обернулся, когда корона Кобры была уже на голове у герцога.

Герцог двинулся вперед и тут же услышал сдавленное проклятье — по голову он узнал Менкару. Вилагро резко обернулся и увидел, что маг несется на него с кинжалом в руке.

Стоило Вилагро надеть Корону Кобры на свою голову, как сознание его наполнилось массой необычных ощущений. Ему казалось, что он слышит мысли всех людей, смотревших на него из залы; мысли эти сливались в неумолчный нечленораздельный гул. Вилагро не был магов и потому не мог от них отвлечься.

Менкара был уже совсем близко. Отчаянным усилием герцог сосредоточил на нем свое внимание и, выставив вперед руку, представил, что Менкара летит со ступеней вниз, словно кто-то могучий нанес ему сокрушительный удар.

Менкара замер, так и не поднявшись на ступени. Он вдруг отшатнулся и выронил кинжал из рук.

За спиной Вилагро раздался львиный рев, на сей раз голос принадлежал Тот-Амону:

— Пес! За это ты поплатишься жизнью! — закричал стигиец, коверкая слова зингарского языка.

— Умри же сам! — воскликнул Вилагро и простер руки к Тот-Амону.

Однако великого мага не могла одолеть даже Корона Кобры, ибо нынешний ее владелец не умел правильно пользоваться ей и был лишен должной сосредоточенности. На мгновенье противники замерли, пытаясь сразить волей один другого. Даже надев Корону, Вилагро вряд ли мог соперничать с великим Тот-Амоном. Слегка покачиваясь от напряжения, они смотрели друг другу в глаза.

Люди, стоявшие внизу, изумленно следили за происходящим. Среди них было немало смелых воинов, готовых с оружием в руках отстоять правое дело, но в этой сумятице никто уже не понимал что же именно здесь происходит. Король дошел до полного идиотизма, герцог известен своей беспринципностью, страшный чужеземец и вовсе никому не ведом, — кто здесь прав и кто здесь виноват?

Вилагро услышал бормотание Менкары — тот читал заклинание. Он почувствовал, то силы его slabнут. Тот-Амон грозно надвигался на него...

И тут зала наполнилась шумом. С балкона спускался целый отряд оборванных моряков, возглавляемых бронзоволицым гигантом с гривой нечесаных черных волос и горящим взором. В руки гигант сжал огромную саблю.

Зарено изумленно воскликнул:

— Конан! Тысяча чертей — откуда только он взялся?!

Желтолицый пират побледнел, ошеломленный появление огромного варвара. Но тут же глаза его гневно засверкали, а лицо приняло решительное выражение. Он вынул из ножен рапишу.

Внезапное вторжение привлекло и внимание Тот-Амона. Будь на его голове не древняя зингарская корона, а Корона Кобры, он почувствовал бы приближение Конана заранее, но мистический убор давно уже был не у него.

Покосившись на нежданых гостей, Вилагро вновь устремил свой взор на Тот-Амона. Он понимал, что стигиец — враг куда более опасный. Если он, впервые надев корону, может противостоять самому Тот-Амону, то уже с Конаном-то он легко справится. Если же он отвлечется на Конана сейчас, стигиец раздавит его, словно жука.

Конан замахал руками, прося внимания.

— Слушайте, властители Зингары! — проревел он. — Изменив вашему монарху, эти люди

заколдовали его! — Смуглая ручища указала на недвижно стоявшего стигийца. — Это не принц Стигии, но настоящее исчадие ада! Это колдун, пришедший из нечестивой Стигии, с тем чтобы присвоить себе древний трон Зингары. Земля еще не рождала большего злодея, чем Тот-Амон! Околдовав короля, он лишил его разума — король не понимает того, что он делает, — он лишь выполняет то, чего требует от него этот негодяй!

Собравшиеся заволновались — одни тут же поверили Конану, другие были полны сомнений. Какой-то толстяк закричал:

— А разве не безумие то, что происходит сейчас? Орда пиратов врывается во дворец во время священной церемонии: а их вожак начинает нести какой-то бред! Странники, арестуйте этих мошенников!

Шум в зале усилился. Стараясь перекричать толпу, Конан заорал что было сил:

— Глупцы, посмотрите на своего короля, и вы убедитесь в правдивости моих слов!

Побледневший Фердруго в растерянности стоял у трона.

— Господа, господа, что здесь происходит? — бормотал он, глядя в лицо собравшимся. Неожиданно для самого себя он обнаружил в своей руке свиток.

— Что это? Неужели я это читал? Ведь это какая-то бессмыслица.

Стало понятно, что король Фердруго не узнает указа, только что зачитанного им. Тот-Амон, вынужденный отвлечься на Вилагро, выпустил из-под своего контроля сознание короля. И тут же магу пришлось вновь обратить все свое внимание на герцога.

Стоило Тот-Амону обернуться к Конану, как Вилагро, собрав всю свою волю, тысячуекратно усиленную Короной Кобры, устремил на него полный ненависти взгляд. Тот-Амон зашатался и не упал только потому, что успел схватиться за спинку трона. Зингарская корона, что была явно мала ему, слетев с головы, со звоном покатилась по ступеням.

Овладев собой, маг нанес Вилагро такой мысленный удар, что тот едва смог устоять на ногах.

— Идиот, — отдавай мне корону Кобры! — закричал Тот-Амон.

— Ни за что! — завизжал в ответ Вилагро.

Герцог почувствовал, что теперь ему противостоит куда большая сила. Он чувствовал, что Тот-Амону помогает его верный слуга Менкара. Вилагро стал стремительно терять силы — еще немного, и он должен был погибнуть.

Он перевел взгляд туда, где стоял Конан. Казалось, что сейчас, не выдержав напряжения, рухнут дворцовые своды. В этот миг решалась судьба целого народа — когда одного слова, жеста или взгляда было достаточно для того, чтобы решить исход событий тем или иным образом.

И тут слово это прозвучало. Рядом с Конаном появилась фигурка девушки, черные как смоль волосы которой сбегали на плечи шелковистым водопадом. Глаза девушки блестали. Несмотря на то, что одета она была в грубое матросское платье, в ней нельзя было не узнать принцессу Зингары.

— Принцесса! — восхликал барон.

— Что? Хабела? — стал озираться по сторонам Фердруго. Да, теперь уже никто не сомневался в том, что это была именно она. Хабела заговорила:

— Граждане Зингары, капитан Конан сказал правду! Этот коварный стигиец смог околдовать моего отца. Конан спас меня, и мы тут же поспешили в Кордаву, чтобы не дать ему взойти на трон! Стража, взять его!

Капитан королевской гвардии выхватил саблю из ножен и приказал воинам следовать за ним. Конан и девять его матросов сбежали с балконной лестницы; в их руках поблескивали клинки. Хабела и жрец храма Митры Нинус оставались наверху. Маленький монашек упал на колени и стал молиться:

— О бог Митра, о Владыка Света! Будь с нами в этот час, когда угрожает нам темная сила Сета! во имя божественной Сраоши и того, чье имя заповедано, помоги нам, Зурван, Владыка Вечности! Запылай же святым своим пламенем, дабы повергнуть Древнего Змея с трона его!

То ли Тот-Амон стал уставать, то ли Вилагро научился пользоваться Короной Кобры, то ли Митра действительно решил помочь людям, — но Тот-Амон вдруг побледнел и сгорбился. И сделал шаг назад. Вилагро уже был готов издать победный крик...

Но не успел он и рта открыть, как Тот-Амон прибег к последнему своему средству. Маг выбросил руку вперед, и зала озарилась изумрудным сиянием. Из указательного пальца мага выходил тонкий зеленый луч.

Корона Кобры засверкала изумрудными огнями, золото же ее неожиданно заалело.

Вилагро издал пронзительный крик. Схватившись за голову, он отступил назад — казалось он хочет сбросить с себя Корону. В воздухе запахло паленым.

И тут же зала озарилась ослепительным голубым сиянием, словно одна из гневливых молний заглянула в ее высокие окна. Одно из оконных стекол разлетелось вдребезги. Люди, полуослепленные яркой вспышкой и оглушенные последовавшим за ней громовым раскатом, увидели, как ослепительная голубая молния, словно космическая плеть, поразила герцога Кордавского.

Вилагро упал лицом вниз. Корона Кобры слетела с его головы и покатилась по мраморному полу. Волосы на голове герцога сгорели, обнажив обоженный скальп с черной полоской на том месте, где корона касалась головы.

Так бесславно закончил свою жизнь герцог, возжаждавший трона и короны так он был погублен своими неуемными желаниями.

Глава 20

АЛАЯ КРОВЬ И ХЛАДНАЯ СТАЛЬ

На мгновенье все замерли. Тот-Амон пришел себя первым.

— Менкара! Зароно! — закричал он. — Ко мне! — Как только жрец Сета и пират, сжимавший в руках рапибу, приблизились к магу, от приказал им: — Срочно собираите людей — и наших, и слуг Вилагро. Бейтесь до последнего! За исход боя вы отвечаете головой! пока Конан на стороне короля, мы можем надеяться только на силу!

— А как же колдовство? — прорычал Зароно. — Разве вы не можете смести всех наших врагов одним взмахом руки?

— Я сделаю все, что в моих силах, но и у магии есть свои пределы. К оружию!

— Вы правы, — согласился Зароно и тут же повернулся на каблуках лицом к земле. — Люди! — закричал он. — Герцог мертв, но стигийский принц на нашей стороне! Если мы помоем ему взойти на трон, мы будем править этой страной вместе с ним! Ко мне, люди!

— Ко мне, честные люди Зингары! — тут же проревел Конан. — Мы обязаны защитить короля и принцессу и спасти Зингару от стигийского дьявола!

Люди разделились на два лагеря. Большая часть сторонников Вилагро приняла сторону Зароно, дворяне же встали рядом с Конаном и его матросами. Трусливые и колеблющиеся немедленно покинули залу.

— Вы в меньшинстве! — прокричал Тот-Амон с помоста. — Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

Конан грубо послал к черту и Тот-Амона, и его предложение.

— Да здравствует Тот-Амон, правитель Зингары! — закричал Зароно напал на одного из воинов, принявших сторону Конана.

Засверкали мечи. Противники сошлись, наполнив залу звоном клинков и криков. То здесь, то там падали люди сраженные неприятелем. Алая кровь заливала мрамор, отовсюду слышались предсмертные хрипы и стоны.

Конан бесстрашно улыбался; белоснежные зубы сверкали на его смуглом лице. Настало время действовать. Жизнь научила его известной осторожности и осмотрительности, но в такие минуты он, словно мальчишка, забывал обо всем — он был все тем же неистовым варваром, для которого сраженья были единственной усладой. Таких же боев, как этот, он уже и не помнил.

Он набросился на одного из людей Зароно. Сбив его с ног, он ударил его в живот пяткой, одновременно сбив с ног другого противника и поразив клинком третьего, спешившего на подмогу.

Несмотря на свой огромный рост, киммериец двигался стремительно и легко, словно пантера, скакивая неприятеля налево и направо. Низкорослые зингарцы казались рядом с ним детьми. От ударов его огромной сабли ломались их мечи; Конан рубил врага, как капусту. Повсюду шел бой, повсюду лилась кровь.

Зингарцы были прекрасными фехтовальщиками, превратившими фехтование в подлинное искусство. Однако Конан, пусть он и рос среди варваров, так освоил за долгие годы беспрестанных сражений воинские искусства, что равных ему здесь не было. Помимо прочего, он провел не один месяц в школе фехтования, где давал свои уроки великий мастер Валерио, слава о котором шла по всему миру.

Молодые дворяне, ставшие на сторону Вилагро, поначалу относились к Конану как к

неуклюжему увальню. Каково же было их изумление, когда они увидели перед собой прекрасного фехтовальщика! Несмотря на то, что клинок его был так тяжел, а рост так велик, он легко отражал все их атаки, разгадывая самые хитроумные уловки и отвечая приемом на прием. Киммериец разил врага за врагом, продвигаясь все дальше и дальше вперед.

И тут он увидел перед собой высокого человека в черном вельветовом камзоле. Это был Черный Зароно.

Зароно не был трусом, напротив — выдержан и отваге его многие могли позавидовать. Дав, он привык действовать исподтишка, но вызвано это было никак не его трусостью, а скорее его беспринципностью и расчетливостью. Он всегда думал только о цели, оправдывая ее любые средства. Решение сразиться с Конаном казалось безрассудством, но уж слишком велика была ненависть Зароно, которому Конан представлялся источником всех его бед — как былых, так и нынешних. Он мечтал о мести с тех самых пор, как они подрались в таверне. Тогда Конан огrel его так, что голова Зароно едва не слетела с плеч.

Зароно понимал, что ждать за это какой-то благодарности от Тот-Амона не приходится. Если Тот-Амон действительно станет королем, то все посты в государстве тут же отойдут стигийцам, жрецам храма Сета. Впрочем, может статься, Тот-Амон и назначит его на какую-нибудь должность и, уж во всяком случае, не станет казнить его; если же верх одержат сторонники прежней династии, то его, Зароно, вне всяких сомнений ждет плаха.

Рапира Зароно скрестилась с саблей Конана. Зароно сделал стремительный выпад, но киммериец отразил этот удар и тут же нанес ответный, целя Зароно в голову. Зингарец ушел в сторону, и сабля со звоном ударила по его рапире.

Повсюду кипела битва. Повсюду валялись трупы, отчего тронная зала стала походить на бойню. Численное преимущество сторонников Зароно уже начинало сказываться. Противника удалось разделить на две группы: первую группу теснили к лестнице, с которой появился Конан, вторую, тесным кругом обступившую короля, — к дальнему углу залы.

Конан и Зароно продолжали свой поединок. Теперь зингарцу уже казалось, что он погорячился, решив сразиться со своим заклятым врагом. В искусстве фехтования он нисколько не уступал Конану, но тот явно превосходил его и в силе, и в выносливости. Зингарец стал потихоньку сдавать, однако отступать он и не думал. Либо об убьет этого варвара, либо сам погибнет в бою.

Тот-Амон невозмутимо сошел с помоста. Обходя сражающихся воинов, он неспешно направился по залитым кровью плитам к короне Кобры, что так и лежала на полу залы. Воины Конана легко могли поразить его, но они даже не пытались сделать этого. Казалось, что они не видят мага.

На самом деле они видели его ясно, однако маг волевым усилием смог внушить им, что его, Тот-Амона, они трогать не должны. Это внушение требовало от него такой сосредоточенности, что он и не пытался как-то воздействовать на Конана. Для того чтобы совершать нечто большее, он нуждался как в покое, так и в своем магическом приборе. Изумрудный луч им был уже использован, вновь воспользоваться им он мог только через несколько часов. Тот-Амон спокойно перешагнул через тело Менкары, сраженного случайным ударом чьей-то руки. Стигиец нагнулся и поднял Корону с пола. Она все еще была горячей, но он держал ее так, словно не чувствовал боли. Маг принял осматривать ее и вдруг, негромко выругавшись, отбросил ее в сторону так, словно она была никчемной безделушкой.

В тот же миг из-за стен дворца послышались какие-то крики. Уже через минуту в зале появилась вся команда Конана, возглавляемая Зельтраном и Сигурдом. Матросы были вооружены пиками и саблями. Дождавшись Нинуса и отправившись вместе с ним во дворец, Конан послал Сигурда на корабль за подмогой. Матросы должны были незаметно покинуть

галеон и проникнуть во дворец тем же тайным ходом, по которому в него пробрался Конан.

Битва стала принимать совсем иной оборот. Отряд людей, верных королю, пошел в наступление. Ряды мятежников дрогнули, не устояв перед натиском противника. Хлынувшая назад толпа растащила Конана и Зароно в разные стороны.

Полный решимости продолжать поединок, Зароно принял расталкивать своих людей, но тут чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он хотел было сбросить ее, но тут неожиданно понял, что это — рука Тот-Амона.

— Настало время подсчитывать потери, — угрюмо произнес стигиец. — Короны больше нет — она сгорела...

— Отпустите меня! — неожиданно зло закричал Зароно. — Мы еще можем победить, и я еще не прикончил этого борова!

— Богам угодно, чтобы в этом бою победил Конан.

— Откуда вы это знаете?

Тот-Амон пожал плечами.

— Я знаю не только это. Я ухожу; если хочешь — идем вместе.

Стигиец отвернулся и направился к выходу. Зароно как зачарованный шел вслед за ним.

— Стой! — послышался крик Конана. — Эй вы, псы, так легко уйти вам не удастся!

Неистово размахивая своей страшной саблей, Конан стал пробиваться к двери.

Тот-Амон удивленно поднял брови.

— Варвар, ты начинаешь утомлять меня! — Средним пальцем левой руки, на которой было надето массивное медное кольцо в форме змеи, кусающей себя за хвост, стигиец указал на гобелен, висевший меж двумя узкими окнами. — Н'гхокх-гха нафаяк фтангуг! Вгох ньекх!

Гобелен внезапно ожил. Он заволновался, изогнулся и с треском оторвался от стены. Словно огромная летучая мышь, он полетел над головами сражающихся воинов. На миг зависнув над головой Конана, гобелен камнем купал на него, укрыв его с головы до ног.

— Иди быстрее, если хочешь сохранить голову! — приказал Тот-Амон Зароно.

На то, чтобы выбраться из-под гобелена, у Конана ушло всего несколько секунд, но к этому времени в зале уже не было ни Тот-Амона, ни Зароно. Их сторонники, покинутые своими предводителями, бросили оружие, сдаваясь на милость победителей.

Держа саблю над головой, Конан выбежал из двери и понесся к парадной лестнице. Он выбежал из дворца и услышал далекий стук копыт, что становился все тише и тише...

Утренний ветерок весело посвистывал в снастях. Поймав ветер, паруса «Вастреля» загудели, и он наконец вышел в открытое море.

На шканцах стоял постриженный и гладко выбритый киммериец, с головы до пят одетый во все новое — от шляпы с пером до блестящих ботинок. Конан довольно вздохнул. Хватит с него и заклинаний, и магов, — надоело сражаться с тенями! Все, что ему нужно, — крепкий корабль, надежная команда, меч на боку да цепь впереди!

— Приятель, клянусь грудью Иштар и срамным уdom Нергала, я уж было решил, что ты совсем сумасшедший! — проревел Сигурд-ванир под самым его ухом.

— Это почему же? Из-за этого, что я отверг предложение Хабель? — заулыбался Конан.

Рыжебородый северянин кивнул.

— Она ведь такая красивая, такая пышная, она нарожала бы тебе крепких сыновей. Мало того, при желании ты мог бы получить и трон Зингары. После всех этих треволнений король Фердруго вряд ли долго протянет, корона и королевство тут же перейдут к его дочери!

— Нет уж — спасибо. Однажды я уже был наложником королевы. Изинга была женщиной взрослой и страстной, Хабела же еще сузий ребенок — в голове у нее невесть что. К тому же Фердруго может протянуть куда дольше, чем ты думаешь. Теперь, когда никто его не дурачит, он

выглядит лет на десять моложе — ты только вспомни, как он приосанился! Как только Фердруго пришел в себя, он тут же объявил недействительным этот безумный указ, в котором Хабела называет супругом Тот-Амона, — так что, как видишь, и мозги у него еще варят.

Что касается Хабелы, то она мне нравилась. Я ее даже любил по-отцовски. Говоря между нами, я принял бы ее предложение, если бы только не то будущее, которое оно сулит.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока мои раны заживали, я имел честь обедать с королем и принцессой. За это время Хабела мне все уши прожужжала о том, что я должен буду делать. Изменить речь, изменить платье, изменить манеры и все такое прочее. Короче говоря, я должен был стать идеально воспитанным и благонравным зингарцем, который с надушенным платочком в руке и со слезами на глазах смотрит на то, как крутятся балерины из королевской труппы.

Может быть, я и глупее придворного философа Годриго, но я точно знаю

— чего я хочу и чего не хочу. Нет, Сигурд, если Кому будет так угодно, когда-нибудь я и окажусь на троне. Но это будет не свадебный подарок — ты понимаешь?

И еще — Фердруго был уж слишком щедр. Он отдал мне Корону кобры, которую я тут же снес к златокузнецу Хулио. Ты никогда не задумывался — почему это у нас на корабле все новое: и такелаж, и одежда, и прочее? Мне нет еще и сорока, а я уже стал богатеем! Нет, Сигурд, не по мне все это!

Спасать королей не наше дело, — ты уж поверь мне, — у нас и без того забот по горло — кто же станет грабить всех этих купцов из Аргоса и Шема? Оставь ты в покое эту полоумную принцессу — пора бы нам и делом заняться! Идем, взглянем на карту! — Конан повысил голос: — Зельтран! Мы ждем тебя у меня в каюте!

Конан сошел со шканцев. Рыжебородый гигант изумленно посмотрел ему вслед и, всплеснул руками, поспешил за киммерийцем.

— Клянусь зеленой бородой Лира и молотом Тора! — проворчал он. — С этими киммерийцами спорить невозможно!

Снасти поскривывали, над галеоном крича парили чайки. «Вастрель» на всех парусах шел на юг, навстречу новым приключениям.